

ИЗВЕСТИЯ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ МГУ

Выпуск 5

Москва, 2018

Серия выпускается по решению Ученого совета НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В.Ломоносова (Протокол № 8 от 30.11.2016)

Редакционная коллегия: Е.Л. Воронцова (отв. редактор), Е.И. Балахонова (отв. секретарь), М.Н. Кандинов

ИЗВЕСТИЯ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ МГУ [Электронный ресурс] / Е.Л. Воронцова (отв. ред.) и др. М.: НИИ и Музей антропологии, 2018. Вып. 5. Материалы научного семинара «Антропологическая среда – 2018». 119 с.

В 5-м выпуске Известий Института антропологии собраны материалы научных исследований в 2018 г., результаты полевых работ, историографические заметки. Впервые в сборнике представлена обзорная статья по публикациям в журнале «Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология». Представляет интерес для специалистов биологических, исторических и геологических профилей, студентов, аспирантов и др.

© НИИ и Музей антропологии МГУ, 2018

© Авторы статей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	2
<i>Кандин М.Н., Медведев С.П., Янюшкина А.С.</i> Результаты полевых исследований 2016-2018 годов на Авдеевской позднепалеолитической стоянки в рамках проекта РФФИ № 16-06-00420	3
<i>Шпак Л.Ю.</i> Особенности производства и распространения анатомических вотивов в Древней Италии	16
<i>Бандиопадхъяй А.Р., Пежемский Д.В., Алексеев Ю.А., Вагнер-Сапухина Е.А., Гильмитдинова А.Х., Ключникова Т.Е., Лейбова Н.А.</i> Краткое сообщение о результатах работы Индийской антропологической экспедиции в 2018 году	25
<i>Воронцова Е.Л., Помазанов Н.Н., Войтехович А.В., Филькин И.А.</i> Предварительные результаты анализа лицевого отдела черепа серии костяков XVII–XVIII вв. из погребений у стен костёла Божьего Тела в Несвиже	35
<i>Перевозчиков И.В.</i> Антропология детей метисного происхождения	41
<i>Бацевич В.А., Березина Н.Я., Вагнер-Сапухина Е.А., Маурер А.М., Машина Д.А., Апалькова Ю.И.</i> Предварительные итоги антропоэкологической экспедиции 2018 г. в Республику Тыва	46
<i>Великанова М.С.</i> О наших старших. Поклон через годы	53
<i>Строкина А.Н.</i> Наши замы. Воспоминания о П.И. Зенкевиче и В.П. Волкове-Дубровине	76
<i>Пермякова Е.Ю.</i> Обзор публикаций в журнале «Вестник Московского университета. Серия XIII. Антропология» за 2018 год	90
<i>Гурбо Т.Л., Полина Н.И.</i> 36-я конференция «Антропология на службе Глобального Здоровья»	99
<i>Герасимова М.М., Лейбова Н.А., Южакова А.В.</i> IV Молодежная антропологическая конференция «Актуальные проблемы физической антропологии: преемственность и новые подходы» (25–27 апреля 2018 г., Москва)	102
<i>Синёва И.М.</i> XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» – 2018	106
<i>Полина Н.И., Яновская В.В., Соловьянов А.П.</i> Международная научно-практическая конференция «Антропология семьи: исторические, социально-экономические и биологические аспекты исследований»	108
<i>Воронцова Е.Л.</i> Всероссийская научная конференция «Современные проблемы биологии человека», посвящённая памяти Заслуженного профессора МГУ Е.Н. Хрисанфовой (Москва, 16-17 июня 2018 г.)	114

Результаты полевых исследований 2016-2018 годов на Авдеевской позднепалеолитической стоянке в рамках проекта РФФИ № 16-06-00420

Кандинов М.Н., Медведев С.П., Янюшкина А.С.

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва, Россия

Рассмотрены результаты полевых исследований, проведенных на Авдеевской позднепалеолитической стоянке в период с 2016 по 2018 год. Рассмотрены естественнонаучные и археологические методы, использованные при изучении Авдеевской террасы и самой стоянки. Приведена последовательность этих методов и предварительные результаты выполненных работ. Кратко рассмотрено строение террасы и характеристика ее покровных отложений.

Ключевые слова: *поздний палеолит, Авдеевская стоянка, тахеометрия, георадарная съемка, геомагнитная съемка, терраса, покровные отложения*

Введение

Тема «Охотники-собиратели на финальных этапах палеолита и мезолита» (грант РФФИ № 16-06-00424) очень обширна и актуальна, поскольку ориентирована на естественнонаучные методы решения вопросов особенностей жизни человека в позднем палеолите–мезолите. Одним из направлений данной темы является исследование известнейшей Авдеевской позднепалеолитической стоянки именно с привлечением, наряду с методами стандартной археологии, широкого спектра естественнонаучных методов.

Верхнепалеолитическая стоянка Авдеево (Курская область), расположенная в центральной части Русской равнины, на пути палеолитического человека из бассейна р. Днепр в бассейн р. Дон. Заселение новых территорий, адаптация к новым условиям жизни первобытных сообществ – исключительно важные составляющие истории человечества. Несомненно, выбор места для того или иного поселения определялся доступностью воды, каменного сырья, объектов охоты. Такие стоянки как Зарайск или Хотылево расположены в непосредственной близости от выходов кремня. В окрестностях стоянок Костенок¹ источники сырья пока не известны.

В Курской области авторами установлено, что кремнистые образования, которыми мог воспользоваться древний человек, связаны с ниже- и среднеэоценовыми терригенными образованиями кварцево-

глауконитового состава, широко развитыми на правобережье р. Сейм и, в меньшей степени, на его левобережье. Все проявления кремней связаны с породами (песками) киевских слоев, а выходы кварцитов – с отложениями каневских и бучагских слоев (песками, песчаниками и кварцитами) палеогенового возраста. Таким образом, древний человек мог использовать местный кремнёвый материал, находящийся в достаточном количестве в пределах 15–30 км от стоянок. Кроме того охотники-собиратели могли перемещать на значительные расстояния наиболее ценные разновидности сырья, сохранять его в виде «кладиков», а также, при необходимости, и обмениваться этим сырьем (Кандинов, 2018).

Работы в 2016 году

Для Авдеевской позднепалеолитической стоянки основная триада условий ее обитаемости соблюдена: имеется вода и кремнёвое сырье, а также долина р. Сейм, очевидно, представляла благоприятные условия для охоты. Об этом свидетельствуют находки весьма разнообразных фаунистических остатков в пределах стоянки (Гвоздовер, Григорьев, 1977; Гвоздовер, 2001).

После перерыва в раскопках стоянки с 2013 до 2016 года авторам предстояло принять стратегию ее дальнейших исследований, в необходимости которых ни у кого из ведущих специалистов-археологов не было сомнения. И в первую очередь предстояло обратить внимание на строение непосредственно террасы, на которой обитал древний человек.

Еще в 1950 году А.И. Москвитин пишет: *«Из ближайших к Авдееву можно указать левый устьевой мыс долины Рогозны. Здесь верхняя терраса сходит в долину Сейма двумя уступами, из которых нижний представляется четко выраженной песчаной I надпойменной террасой, на 2 м превышающей высокую пойму. Положим уступом в 1 м высотой, эта терраса граничит с небольшим участком низкой террасы, являющей полную аналогию с авдеевской и несущей такой же мощности покров суглинков с подлесной почвой на их поверхности»* (Москвитин, 1950, стр. 32-33). Еще более определенно об Авдеевской террасе пишет выдающийся геолог-четвертичник, профессор Воронежского лесотехнического института М.Н. Грищенко (1903-1975 гг.), работавший в Авдеево вместе с А.Н.Рогачевым: *«Выделенная А.И. Москвитиним «промежуточная» терраса Сейма и Рогозны с культурными остатками стоянки Авдеево имеет себе аналога на Дону – первую надпойменную террасу, также очень мало отличающуюся по высоте от поймы; в районе Борщёво поверхность этой террасы в паводки заливается водой. Строение этой террасы в Авдеево вполне отвечает нормальной колонке террасовых отложений, а различие их разрезов на Дону и Сейме не настолько велико, чтобы можно видеть между ними большую разницу. Таким образом, «промежуточную» террасу в районе [устья] Рогозны мы будем называть первой надпойменной террасой»* (Грищенко, 1951, стр. 53-54). Авторы были полностью согласны с этим мнением, но вставал вопрос, с чего начать? В процессе подготовки к дальнейшему изучению стоянки авторами был исследован весь ранее накопленный фактический материал и составлена историографическая схема ранее проведенных работ (рис. 1) (Кандинов, Янушкина, 2016).

Из данной схемы видно, что не исследован южный фланг стоянки и, соответственно, террасы. Кроме этого, не изучен и промежуток между двумя жилыми площадками. В связи с этим вопрос об их временной синхронности остался открытым.

Поскольку авторы в 2016 году авторы не получали открытый лист на проведения раскопок на Авдеевской стоянке, было принято решение провести пробные геофизические работы на поверхности террасы с целью последующей адаптации этого метода (георадарного просвечивания) для позднепалеолитических объектов. Следует отметить, что на более поздних (по времени) стоянках, где имеются какие либо строения, этот метод показывает неплохие результаты. В нашем случае сделана

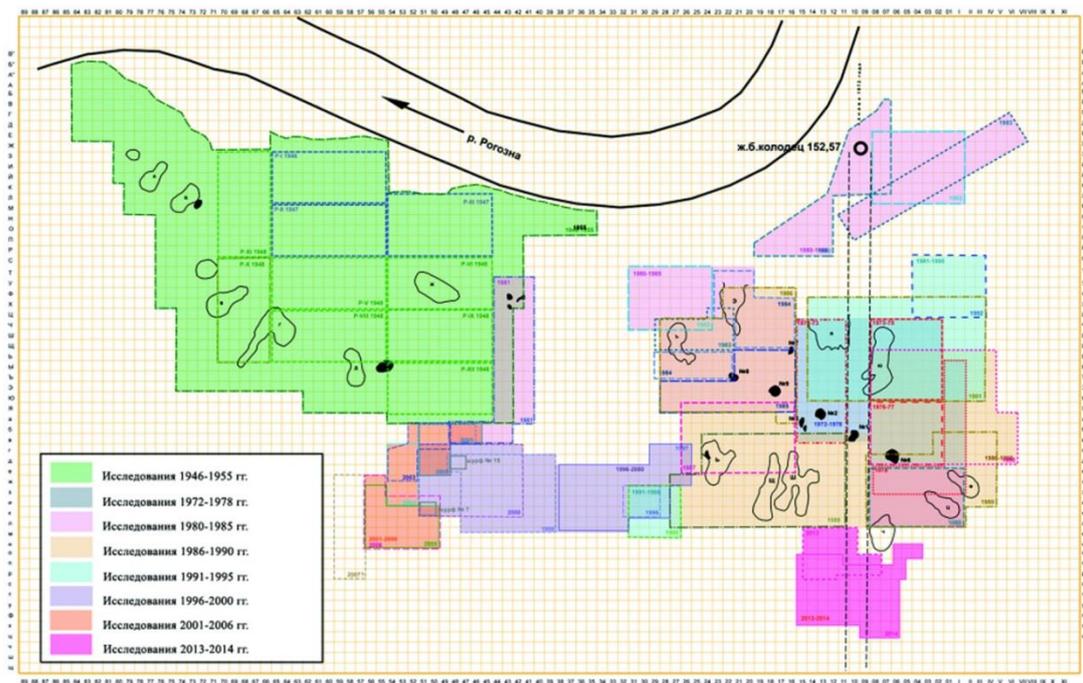

Рис. 1. Историографическая схема размещения раскопов Авдеевской стоянки

попытка, с одной стороны определить более точно на местности границы старых раскопов, а с другой – выяснить возможность геофизическим путем вертикальное строение террасы (расчленив покровные отложения по их геофизическим свойствам). Весной 2016 была организована командировка в Авдеево с целью отбора проб из сохранившаяся на левом берегу р. Рогозна расчистки Ю.Н. Грибченко (ИГ РАН) в 20 м западнее бетонного колодца. Она была детально изучена и из этой расчистки, были отобраны пробы грунтов для их последующего исследования.

Рис. 2. Вид на Авдеевскую стоянку весной 2016 года

Летом 2016 года был организован выезд геофизической группы. Георадар относится к электромагнитным методам геофизики, в которых анализируется отклик среды на излучённое электромагнитное поле. Он обеспечивает неразрушающий контроль исследуемой среды, что крайне важно при работе на археологическом памятнике. Для работы использовались георадары «ОКО-2» («Логис-Геотех, Россия») и Zond-12e (НПФ «Радарные Системы», Латвия). Для точной топографической привязки данных георадарной съёмки в районе раскопок с помощью тахеометра Leica TPS-1200 была построена цифровая модель рельефа с разрешением 20 см, а также путём натурального моделирования были определены скорости электромагнитной волны в двух типичных грунтах участка работ – в покровных суглинках (6-7 см/нс) и в жёлтых террасных песках (10-11 см/нс). Эти значения впоследствии использованы авторами для интерпретации результатов профилирования (Бричева и др., 2016) (рис. 3, 4).

В 2016 году на Авдеевской террасе выполнены три георадарных профиля. Профиль № 1 был проложен в широтном направлении в трёх метрах от границы с лесом пересекая участок, незатронутый раскопками. Профиль №2 проходил в меридиональном направлении от старых раскопок. Профиль №3 также проходил в широтном направлении южнее линии раскопок. Все три профиля сочленились. Результаты этих работ отражены в статье и ряде докладов (Бричева и др., 2016).

Рис. 3 и 4. Тахеометрическая съёмка на площади Авдеевской террасы

Работы в 2017 году

В 2017 году авторами был получен открытый лист на проведение археологической разведки на территории позднелепестчатой стоянки Авдеево для подготовки материалов и оценке взаимоотношения жилых площадок Авдеево-старое и Авдеево-новое. После проведённой в 2016 году геодезической съёмки поверхности Авдеевской стоянки стало ясно, что реальное взаимоположение старых раскопок (и, соответственно, располагавшихся в их границах жилых объектов) отличается от плана (рис.1), составленного нами ранее. Дополнительное изучение документации по старым полевым

работам показало, что первоначально ошибка в привязке «нового» жилого объекта к «старому» была допущена в 1972 году, а выявлена в середине 1990-х гг. К сожалению, предыдущие исследователи (Булочникова Е.В. и Григорьев Г.П.) не решили эту проблему, хоть и упомянули о ней в отчёте. Нами также выяснилось при полевом выезде в Авдеево в 2016 году, что на объекте никаких достоверных реперных точек не сохранилось. Таким образом, не имея возможности точно привязаться к существующей сетке координат, была создана новая система, а также составлена новая уточненная историографическая схема размещения раскопов (рис.5). Основываясь на ней, в 2017 году были проведены все естественнонаучные и археологические работы на стоянке.

В мае 2017 года вновь были организованы геофизические работы на площади террасы с целью определения мест, с которых лучше всего было начать археологические работы. Для этой цели южнее стоянки были проведены дополнительная тахеометрическая съёмка, а также площадные георадарная и геомагнитная съёмки на площади 7600 кв.м (рис. 6-11) Работы проводились совместно силами сотрудников института антропологии и географического, геологического факультетов МГУ (Матасов В.М. – кафедра физической географии и ландшафтоведения географического факультета МГУ; Бричёва С.С. – кафедра сейсмометрии и геоакустики геологического факультета МГУ ; и Паленов А.Ю. – кафедра геофизических методов исследования земной коры геологического факультета МГУ).

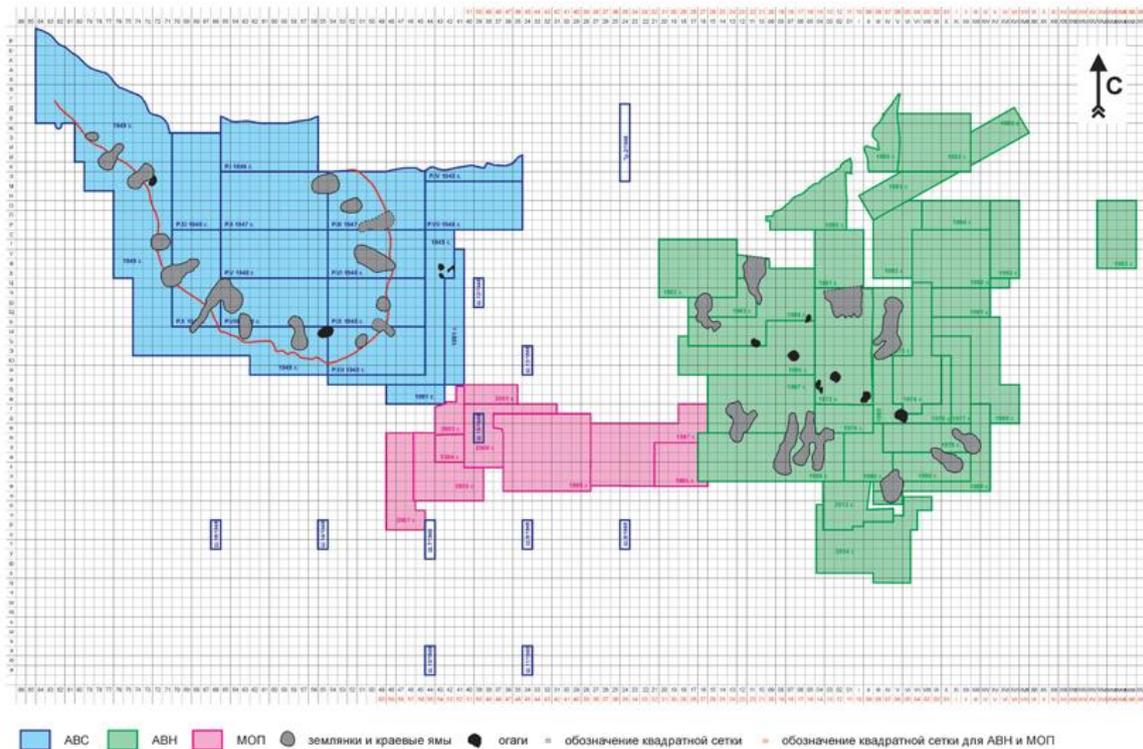

Рис. 5. Уточненная историографическая схема размещения раскопов Авдеевской стоянки, выполненная С.П. Медведевым в 2017 году.

Геофизические исследования проводилась по методике площадной съёмки: поверхность участка покрывалась «сеткой» из параллельных профилей, расположенных на равном расстоянии друг от друга (1 м). Привязка профилей, а также топосъёмка производилась при помощи тахеометра по сетке точек, отстоящих друг от друга на равном расстоянии (около 0,5 м). В работах использовался георадар ОКО-2 (ЛОГИС-ГЕОТЕХ, Россия) с антенным блоком АБ-250 (центральная частота 250 МГц).

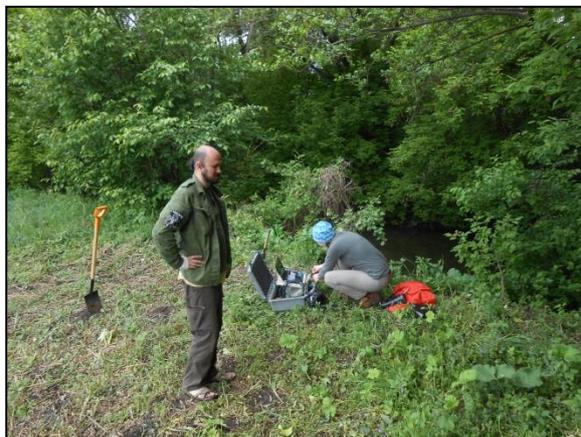
Рис. 6. Лагерь Авдеевской экспедиции. Весна 2017 года

Рис. 11. Площадь Авдеевской террасы на которой проводились геофизические работы весной 2017 года

Рис. 8. Площадная геомагнитная съемка. Весна 2017 года

Рис. 7. Подготовка георадара к работе. Весна 2017 года

Рис. 9 и 10. Площадная георадарная съемка. Весна 2017 года

Магнитометрическая съемка проводилась в масштабе 1:50, то есть расстояние между профилями наблюдений составило 0.5 метра. По профилю измерения выполнялись в режиме «непрерывной» съемки с частотой 10 Гц. Это позволило получить значения аномального магнитного поля каждые 7-8 см.

Для получения высокой точности съемки работы сопровождались измерениями геомагнитных вариаций на установленной непосредственно на участке работ полевой магнитовариационной станции (МВС). Для измерения вариаций магнитного поля, производившихся каждые 6 сек, использовался протонный магнитометр ММПЭС-1, производства лаборатории квантовой магнитометрии УрФУ (Екатеринбург). Работы на профилях выполнялись с помощью квантового магнитометра-градиентометра G-858, производства Geometrics (США).

Рис. 12. Положение шурфов, пройденных на Авдеевской террасе в 2017 году в процессе археологических разведок. АВС – желтая площадка Авдеево-старое, АВН – жилая площадка Авдеево-новое, МОП – площадь межобъектного пространства

Магнитометрическая съемка проводилась в масштабе 1:50, то есть расстояние между профилями наблюдений составило 0.5 метра. По профилю измерения выполнялись в режиме «непрерывной» съемки с частотой 10 Гц. Это позволило получить значения аномального магнитного поля каждые 7-8 см. Для получения высокой точности съемки работы сопровождались измерениями геомагнитных вариаций на установленной непосредственно на участке работ полевой магнитовариационной станции (МВС). Для измерения вариаций магнитного поля, производившихся каждые 6 сек, использовался протонный магнитометр ММПЭС-1, производства лаборатории квантовой магнитометрии УрФУ (Екатеринбург). Работы на профилях выполнялись с помощью квантового магнитометра-градиентометра G-858, производства Geometrics (США).

В августе 2017 на территории, прилегающей к стоянке с юга, были проведены археологические разведки (рис.12-15) с целью получения данных для интерпретации полученных ранее геофизических материалов и для выяснения южной границы распространения культурных материалов стоянки. Археологические работы также сопровождались топографическими, с целью точной привязки объектов.

По одной из линий профилей в меридиональном направлении были разбиты 5 шурфов размером 2х1 м, на расстоянии 8 метров друг от друга. Соответственно, от южной границы раскопанной части стоянки они располагались от 25, 35, 45, 55 и 65 м. Нумерация шурфов велась с юга на север. Кроме того, в 12 метрах к югу от шурфа №1 ручным буром была пробита скважина на глубину 160 см. Во всех шурфах и по скважине было проведено геологическое и археологическое описание, а также отобраны необходимые для последующих литологических исследований пробы. Глубина шурфов лимитировалась глубиной водоносного горизонта, фиксировавшегося на террасе в интервале глубин 1,5-1,8 м от поверхности, причем в наиболее высоких участках террасы его уровень несколько выше, а на ее северном фланге совпадал с урезом р. Рогозна.

Рис. 13. Разбивка шурфа.

Рис. 14. Начали, помялась...

Рис. 15. Шурф № 5. Лето 2017 года

Археологические результаты проведенных работ относительно скромные. В трёх южных шурфах (№№ 1, 2, 3) были встречены единичные находки, перемещённые в результате деятельности роющих животных. В двух северных шурфах (№№ 4, 5) были выявлены материалы палеолитического облика: фрагментированные обломки костей животных, зубов и бивней мамонта, небольшие угольки и несколько кремневых предметов. Среди них – 1 несомненное кремневое орудие и фрагменты кости/бивня со следами обработки. Условия залегания и сохранность обнаруженных материалов указывают на их возможную переотложенность. Возможно, они были смыты водными потоками с вышележащих участков стоянки.

Работы в 2018 году.

В 2018 году в рамках археологических разведывательных работ, которые являясь продолжением начатой нами в 2017 г. серии зондажей, было заложено 3 шурфа: 2 шурфа (№№ 6 и 7) являлись северным продолжением линии шурфов, расположенных на линии квадратов «41» (в 2018 году уже применялась новая сетка квадратов, разработанная по результатам 2017 года). Третий шурф (№8) располагался на той же линии, но южнее шурфа № 1.

Шурф №6 (кв. LXXX-LXXXI -41), размером 2x1 м, располагался в 8 м на север от шурфа №5, в котором был выявлен горизонт находок палеолитического облика. Однако в шурфе №6 было обнаружено всего 2 находки: обломок кости и кремнёвый осколок.

Шурф №7 (рис. 16-17), площадью 5 кв. м располагался на расстоянии 24 м к северу от шурфа №6 на квадратах CVI-CVIII-41, CVIII-40 и CVIII-39. Основной целью закладки этого шурфа было выявление границы между южной частью раскопа 1988 г. и не затронутой земляными работами территорией стоянки. Стремлением к осуществлению этой цели и обусловлена г-образная форма шурфа №7. В результате прирезки на 1 м в северном и 2 метра в восточном направлениях удалось не только обнаружить искомую границу, но и угол между раскопами 1988 и 1995 гг. с забитым в дно раскопа деревянным квадратным колом. Кол был зафиксирован в координатной системе, введённой нами в 2017 г. При исследовании шурфа №7 был раскопан горизонт находок, состоящих преимущественно из фрагментов кости и углей, в небольшом количестве присутствовали кремневые артефакты. Особо следует отметить обнаружение на этой территории серии определимых костей и зубов мелких животных.

Рис. 16. Шурф №7, вид с юга на север. Северная стенка представляет собой перекоп от раскопок 1988 года. Лето 2018 года

Рис. 17. Тахеометрическая съёмка положения находок в шурфе № 6. Лето 2018 года

Шурф №8, размером 2х1 м, был заложен на расстоянии 24 м к югу от шурфа №1 на квадратах IV-V-41. Находок в нём обнаружено не было.

Одно из основных отличий наших исследований в 2018 году от производимых до этого работ на памятнике заключается в использовании электронного лазерного тахеометра не только для привязки всех объектов, но и для фиксации находок. Нами фиксировались все культурные остатки, обнаруженные на изучаемой площади, вплоть до самых мелких. В шурфе №7, например, было зафиксировано около 500 находок. Это позволяет с высокой степенью точности реконструировать условия и характер залегания артефактов и соотнести их с конкретными литологическими горизонтами. Из стенок всех трёх шурфов были отобраны образцы грунта для гранулометрического анализа, а из стенок шурфов №№ 6 и 7 был осуществлён отбор проб для абсолютного датирования по методу оптически стимулированной люминесценции (OSL), заключающийся в анализе минеральной кварцевой фракции, содержащихся в песчанистых отложениях стоянки. Пробы отбирались из литологического горизонта, непосредственно содержащего культурные остатки, а также из перекрывающей и подстилающей его пачек. Важным моментом является то, что каждая проба имеет точные трёхмерные координаты.

Рис. 18. Засыпка шурфа №6. На территории памятника все шурфы, пройденные в 2017 и в 2018 году были рекультивированы

Рис. 19. А так, вероятно, выглядела территория Курской области в позднепалеолитическое время. На фотографии корова хайлендской породы (Шотландия), очевидно завезенная в Россию для разведения

Кроме раскопок, в 2018 году была продолжена начатая ранее геодезическая съёмка второй надпойменной террасы, на котором располагается Авдеевская стоянка. Была отснята обширная территория к западу от стоянки. Было зафиксировано современное очертание левого берега р. Рогозна, что позволит проследить динамику склоновой эрозии и оценить степень опасности разрушения памятника.

Результаты работ

Одним из важных результатов выполнения проекта стало обнаружение в двух шурфах 2017 г. горизонтов культурных остатков палеолитического облика на расстоянии 35-45 м к югу от исследованной в 1946-2014 гг. территории памятника. Материалы из шурфов №№ 4 и 5 схожи по стратиграфическим условиям залегания. Пока недостаточно информации, указывающей на связь этих горизонтов с изученной ранее территорией стоянки (Авдеево новое и «межобъектное пространство»). Однако заложенный в 2018 г. шурф №6 содержал всего 2 невыразительные находки. Вероятно, обнаруженная зона распространения культурного материала имеет самостоятельный характер. Но окончательный ответ на этот вопрос могут дать только дальнейшие исследования, которые помогут локализовать границы и определить характер этого участка стоянки.

Обнаружение в шурфе №7 угла между раскопами 1988 и 1995 гг. с сохранившимся «квадратным» колом даёт нам возможность предварительно соотнести нашу систему квадратных координат с системой 1946-2014 гг. И таким образом лучше осуществлять выбор территории для дальнейших исследований.

Получен продольный разрез террасы по направлению север-юг, состоящий из серии шурфов и буровых скважин, изученных методами археологии, геологии и геоморфологии. Отобраны образцы для абсолютного датирования из различных литологических слоёв, в том числе содержащих находки палеолитического облика.

По линии шурфов построен профиль геоакустического зондирования, показывающий положение водоносного горизонта, трассирующего кровлю супесей, лежащих непосредственно на террасных песках, а также границу суглинков и супесей. Впоследствии эти данные могут быть (вполне обосновано) распространены на всю площадь проведенных геофизических исследований. Установлено, что глубинность метода георадиолокации на участке Авдеево не превышает 3 метров, что связано увеличением обводненности с глубиной. Среда становится всё более проводящей, и сигнал затухает достаточно быстро.

Изучение шурфов подтвердило сделанный ранее авторами вывод о частичном затоплении стоянки, благодаря наличию в разрезах прослоев аллювиальных песков в толще покровных супесей.

Выводы

Проведенная предварительная обработка данных, полученных в течении 2016-2018 годов позволяет более подробно остановиться на строении террасы, на которой располагается Авдеевская стоянка.

По топографическим и геоморфологическим картам Курской области нами статистически определены абсолютные отметки поверхности выдержанных аллювиальных отложений и отложений надпойменных террас для среднего течения р. Сейм: пойменный аллювий р. Сейм – 140-145 м; отложения 1-й надпойменной террасы – 155-160 м; отложения 2-й надпойменной террасы – 165-170 м; отложения 3-й надпойменной террасы – 175-180 м. По данным А.И. Скоморохова (1979) основание первой террасы находится на уровне подошвы отложений поймы или на 2-3 м ниже последнего и занимает положение близкое к абсолютной отметке 136-138 м, то есть мощность всего тела террасы составляет 15-19 м.

Это полностью подтверждается бурением, проведенным А.В. Паниным на террасе в 150 м к ЮЗ от моста через р. Рогозну. По данным бурения мощность аллювиального тела террасы составляет чуть более 14 м (на глубине 13,8-14,2 м скважиной встречен элювий мела). При этом покровные отложения наблюдаются до глубины примерно 2-2,2 м, где также устанавливается водоносный горизонт. При наших исследованиях террасы шурфами в 2017-2018 годах практически во всех шурфах (8 шурфов, пересекающих террасу в меридиональном направлении) этот водоносный горизонт фиксировался на глубинах 1,4-1,8 м, причем в наиболее высоких участках террасы его уровень несколько выше, а на ее северном фланге совпадает с урезом р. Рогозна.

Еще одной особенностью первой террасы р. Сейм является значительное количество песков в пределах покровных отложений. Они наблюдались нами в районе с. Дичня (на левобережье р. Сейм), а также в районе сс. Липино-Ванино (правобережье р. Сейм). Эти пески, вероятно, являются элювиальными и делювиальными которые в виде маломощного пласта спускаются на террасу с коренного склона правого борта долины р. Сейм.

Как было сказано выше, в результате изучения террасы скважинами, расчисткой и шурфами, установлено, что мощность ее покровных отложений, перекрывающих аллювиальное тело террасы, не превышает 2-3 метров. Предварительное исследование отобранных грунтов показало следующее:

1. Верхняя часть покровных отложений до глубины 90-110 см представлены темно-бурыми и бурыми суглинками с редкими тонкими прослоями супесей и песков аллювиального типа.
2. Ниже, с глубины 90-110 до 190-220 см залегают преимущественно супеси с прослоями опесчаненных суглинков и песков.
3. Ниже отметок 190 -220 см располагаются розовато-серые и розовато-бежевые аллювиальные пески, содержащие водоносный горизонт (верховодка), перекрытые тонким пластом серых суглинков, являющихся водоупором.

Типы грунтов по разрезу шурфа № 6

Глубина	Среднее содержание глинистой фракции%	Среднее содержание песчаной фракции%	Количество пылеватой фракции %	Название породы
0 - 90 см	11,05	54,83	34,12	Суглинки и опесчаненные суглинки
90 - 165 см	8,52	63,25	28,24	Супеси
165 - 220 см	4,97	84,89	10,14	Пески и супеси

Содержание фракций в грунтах определялось методами гранулометрического анализа, а название пород по тройной диаграмме (Goldberg P., Macphail R.I., 2006). Следует отметить, что в нижней части покровных суглинков в отмытой кварцевой фракции наблюдается повышенное количество тонких хорошо окатанных зерен кварца, вероятно эолового происхождения, что в свою очередь указывает на формирование нижней части разреза в перегляциальных условиях. Это же подтверждает и наличие мерзлотных трещин, неоднократно отмеченных в нижних частях разреза Авдеевской стоянки.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-06-00420 «Охотники-собиратели на финальных этапах палеолита и мезолита: анализ истории повседневной жизни методами естественных наук».

Библиография

Бричёва С.С., Кандинов М.Н., Матасов В.М. Опыт использования георадарных исследований на позднепалеолитической стоянке Авдеево в Курской области. // В журнале Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология, Изд-во Моск. ун-та, М., 2016, № 4, с. 132-143.

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм. // В сб.: Палеоэкология древнего человека. Материалы X конгресса INQUA М. 1977. с. 50-56.

Гвоздовер М.Д. Зооархеология верхнепалеолитической стоянки Авдеево (предварительное сообщение). // В сб.: Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М. 2001. с. 335–345.

Грищенко М.Н. Опыт геологического сопоставления верхнепалеолитических стоянок Авдеево на Сейме и Костенки I (Полякова) на Дону. // В сб.: Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 16, 1951, М., с.51-60.

Кандинов М.Н., Янюшкина А.С. Пространственное распределение продуктов первичного расщепления кремнёвого сырья на Авдеевской позднепалеолитической стоянке. В журнале Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология, Изд-во Моск. ун-та, М., 2016, №3, с. 142-150.

Кандинов М.Н. Минералогическое исследование кремней Курской области (археологические аспекты). В журнале Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология, Изд-во Моск. ун-та, М., 2018, № 2, с. 132-143.

Москвитин И.А. О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки (предварительное сообщение). // В сб.: КСИИМК, вып. XXXI, 1950, Л., с. 28-33.

Скоморохов А.И., Истомин А.П., Кушнерова Т.Н., Селиванова Т.П. Отчет по гидрогеологической и инженерно-геологической съемке масштаба 1:50000 для целей мелиорации в бассейне р. Сейм. (Юго-Западная комплексная геологоразведочная экспедиция ГУЦР Мингео СССР, 1979г.)

Goldberg P., Macphail R.I. Practical and Theoretical Geoarchaeology. // Department of Archaeology, Boston University and Institute of Archaeology, University College London, 2006, s. 467.

Особенности производства и распространения анатомических вотивов в Древней Италии

Шпак Л.Ю.

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва, Россия

Иконография обетной практики исцеления в античном Средиземноморье разнообразна, но внимания антрополога заслуживают так называемые анатомические вотивы (ex-votos), связанные с античной медицинской практикой в святилищах Асклепия и других античных спасительных божеств. Вотивы, представленные изображениями тела человека, его частей, а также внутренних органов, отражают индивидуальную природу культа. Особенности распространения вотивов говорят о характерных региональных и хронологических различиях изобразительной формы и стиля. По характеру типологии и распределения на территории древней Италии выделяют три вотивных комплекса: этрусско-лаций-кампанский, италийский и меридиональный. В посвящениях анатомических вотивов были задействованы все социальные слои населения. Антропологическое изучение вотивов, в особенности вотивных портретов (терракотовых голов), может быть важным и перспективным для изучения интеграции археологических свидетельств с синхронными изобразительными источниками, отражающими морфологическое разнообразие, представленных в античных культах вотивных приношений.

Ключевые слова: античность, Средиземноморье, Древняя Италия, анатомические вотивы, античная медицина, этруски, италики, древние греки

Введение

Современные генетические и биоархеологические исследования древних популяций на территории Италии подтверждают сложность интерпретации накопленного материала в отношении социокультурных и биологических изменений населения в течение железного века. Как полагают некоторые авторы, для выявления многих особенностей биологической и культурной динамики итальянского населения в течение последнего тысячелетия, при использовании данных физической антропологии необходимо учитывать социальные и культурные аспекты (здоровье, санитарные стандарты, уровень жизни).

Древняя Италия представляла собой многоэтничную сегрегацию местных индоевропейских племён италиков: латины, фалиски, аврунки (авзоны), сикулы, умбры, оски (самниты, сабины, эквы, вольски, сабеллы), которые пришли на территорию Апеннин во втором тысячелетии, к концу первого тысячелетия эти группы уже находились на очень разных этапах культурного и экономического развития [Маяк, 1988].

В современной итальянской историографии преобладает мнение о последовательности и неразрывности развития древних культур Италии от неолита к железу, поэтому появление этрусков на территории Древней Италии (IX–VIII век до н.э.) рядом исследователей рассматривается в качестве преемников культуры Вилланова. Один из основоположников направления, и самого термина «этрускология» М.Паллотино считал этрусков автохтонами [Pallotino, 1947]. Современные генетические исследования в отношении происхождения этрусков весьма неоднозначны, а порой и противоречивы. Территория этрусков первоначально определялась от реки Арно до Тибра, но они довольно быстро распространили своё культурное влияние и колонизировали долину реки По на севере, а затем Кампанию в Средней Италии. В Тирренском море этруски господствовали наравне с финикийцами. VII–V века были временем расцвета этрусской культуры, в тот период Этрурия представляла собой союз нескольких (12–14) крупных городов численностью до двадцати пяти тысяч человек и многочисленных сельских поселений [Stoddart Simon, 2009]. Помимо многочисленных технических достижений, этруски отличались такой же передовой медициной [Becker, Turfa, 2013]. Начало угасания могущества этрусской цивилизации положило поражение в битве с греками при Кумах в пятом веке, а затем начавшееся противостояние с растущим Римом. С середины четвёртого века Рим начинает свою экспансию и завоёвывает ряд этруских пограничных с ним городов (Вейи, Тарквинии, Черветери), затем города внутренней Этрурии (Перуджа, Кортонна, Аречий). С третьего века начинается активная экспансия римлян и образование римских колоний на этрусской территории. Несмотря на постепенную романизацию этрусской культуры, в Риме вплоть до второго века сохранялось культурное преобладание этрусков. В первом веке (при первом римском императоре Октавиане Августе) Этрурия официально становится провинцией Рима.

Этруски не оставили после себя литературной традиции, но сохранилось множество «красноречивых» памятников их материальной культуры. Многочисленные изобразительные свидетельства об их внешности религиозного и погребального характера, запечатлённых в скульптуре, живописи, коропластике и бронзе, которые, по сути, отражают их самовосприятие, в том числе физическое [Шпак, 2017]. В отличие от греков и римлян, этруские художники предпочитали работать не с мрамором, а с более пластичными материалами: глиной, туфом, травертином, алебастром. Высшее же художественное мастерство они проявили в бронзе, символ Рима Капитолийская волчица был отлит этрускими мастерами.

Наличие многочисленных изобразительных источников способствует расширению научных границ в изучении этрусков. Однако эти данные применяются в основном археологами, искусствоведами и крайне редко – антропологами в качестве сравнительного морфологического материала. Начиная с 80-х годов находит активное научное применение огромный пласт археологических находок, до этих пор хранящийся в запасниках музеев – античная вотивная продукция, а именно терракотовые анатомические вотивы. Невысокая художественная ценность этих объектов и сложная их трактовка не привлекала особого внимания исследователей и не вызывала научного интереса. Эти античные изобразительные источники представляют собой продукт культурного синтеза не только религии и медицинского знания древнего населения, но также изобразительного искусства (рис. 1).

Междисциплинарный характер современных исследований анатомических вотивов определяется вниманием к этим объектам не только археологов, но и антропологов, а также специалистов по социальной и гендерной истории, истории медицины и культурной географии. Благодаря огромному количеству анатомических вотивов, сохранившихся не только в этруских, но и в греческих, римских святилищах, палеогигиенисты изучают развитие античной лечебной практики исцеления, состояние здоровья и возможные болезни античного населения, возможные пути их распространения [Oberhelman, 2014]. Исследователи продолжают подвергать сомнению цель анатомических вотивов и пытаются объяснить древнее понимание анатомии через идентификацию форм вотивов, а также редиагностировать население, основываясь на статистике вотивных депозитов в исцеляющих центрах различных поселений.

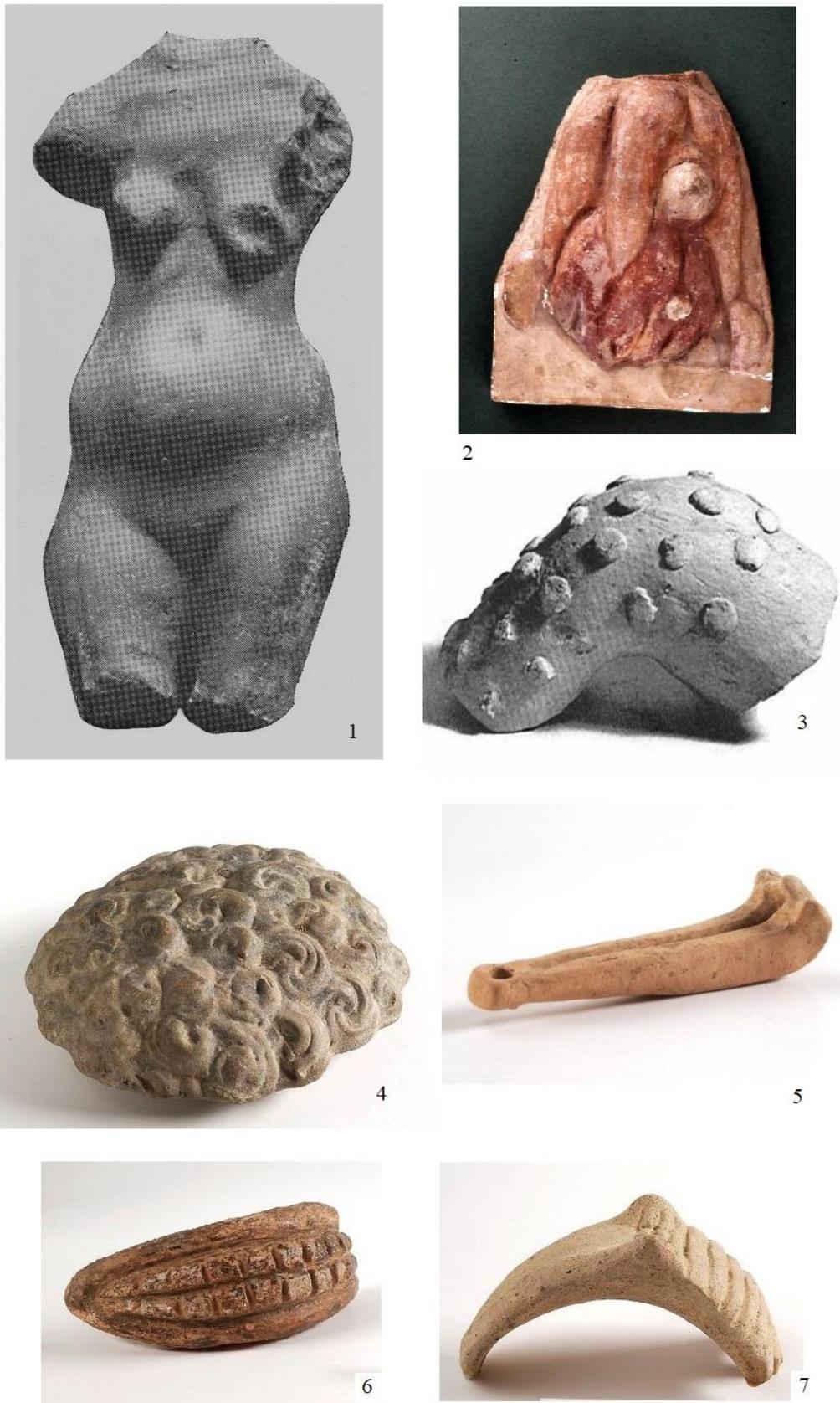

Рис.1 Анатомические вотивы с изображением патологии груди (1), внутренних органов (2), колена (3). Редко встречающиеся типы вотивов «скальпа» (4), кости (5), губ с зубами (6), языка (7).

Распространены вотивы были по всему Средиземноморью. Но происхождение именно анатомических вотивов и активное распространение их на территории античной Италии большинство авторов связывает с Грецией, с исцеляющими культами бога Асклепия и общественными больничными храмами-лечебницами (асклепионами), где анатомические вотивы приносились в качестве обетов с просьбой или в знак исцеления. Большинство анатомических вотивов в Италии датируется концом IV–I веками до н.э., только небольшое количество бронзовых наиболее ранних вотивов датируется VII–V веками до н.э., на Сицилии обнаружены вотивы VIII века до н.э. (фациальные плакетки в виде масок). В Италии не наблюдается абсолютной привязки к Асклепию, вотивы посвящались любому божеству, которое местное население почитало как исцеляющее. Несмотря на то, что анатомические модели появились на территории Древней Италии раньше чем в Греции (матки из Вульчи VII века, вотивные головы VI–V веков из Фалерий и Вей), общий смысл ритуальной практики вотивных предложений в качестве исцеляющей терапии в обеих культурах всё же был одинаков. Однако в древней Италии эта традиция имела свои выразительные особенности, её аутентичное параллельное развитие убеждает специалистов в возможном этрусском происхождении, по крайней мере, некоторой части анатомических вотивов, аналогов которым не имеется у греков. Возможно, что они были и вовсе самостоятельными феноменами, а Рим может рассматриваться скорее как пограничный центр схождения греческой и этрусской вотивной традиции.

В целом, Северная Этрурия при производстве вотивов в качестве основного материала предпочитала бронзу, а дизайн анатомических вотивов был представлен миниатюрными моделями. В Южной Этрурии и Лациуме отдавали предпочтение глине, вотивы представлены полноразмерными моделями, при этом наблюдается большое сходство в культах южных этрусских городов и римских вотивов из Лациума [Turfa, 2004].

Категории вотивов представляют собой: статуи (дарителей, детей и спелёнутых младенцев), статуэтки (дарителей или божеств), анатомические вотивы (части тел и внутренние органы), а также категория изобразительных объектов, не относящаяся к собственно анатомическим (терракотовые головы). Категории вотивов могут варьировать или отсутствовать в вотивных комплексах, но обычно они состоят из трёх категорий вотивов, одна из которых всегда анатомическая. Анатомические вотивы наиболее значимы для прочтения культа и условно подразделяются на вотивы для здоровья (части тела, в том числе глаза, уши, конечности, груди, внутренние органы, сердце, кишечник) и для фертильности и репродукции (женские и мужские гениталии, матки). Посвящение вотивов с такой своеобразной типологией является очень непосредственным и аутентичным выражением религиозности, которая глубоко укоренилась в массовой культуре центральной Италии республиканского периода, став своего рода культурным каноном [Turfa, 2006].

Практическое полное отсутствие эпиграфических свидетельств, доказывающих смысл анатомических вотивов (особенно аутопсированных торсов – так называемых «mortal»), полагает три направления современной трактовки функций вотивов. Им приписываются символические функции (например, для конечностей – готовность следовать за богом), функции прошения (например, уши и глаза – чтобы услышать волю бога или чтобы бог мог услышать просителя), а также медицинские функции, т.е. прошения об исцелениях изображённого органа или части тела. По перечню встречающихся в депозитах анатомических вотивов специалисты интерпретируют характер возможных проблем со здоровьем населения, посвящающего вотивы в конкретном святилище. Распространение типов вотивов связывают со специализацией культов в конкретных видах исцеления. Однако определённое процентное соотношение разных видов анатомических вотивов не является доказательством специализации святилища, возможно только для конкретных периодов его существования.

Однако, как полагают некоторые исследователи, понимание и интерпретация анатомических вотивов (всех категорий, включая статуи, головы) и в целом всей вотивной практики, невозможны без объединённого анализа всех составляющих аспектов: религиозного, социального, исторического и

политического [Glinister, 2006] и, по-нашему мнению, антропологического. Антропологический аспект в изучении анатомических вотивов прежде всего может состоять в изучении портретных терракотовых голов, которые в большом количестве встречаются в многочисленных вотивных депозитах. Если исходить из гипотезы портретности вотива, то есть из предположения, что первичная модель головы изготовлялась с натуры (а затем тиражировалась) и моделью служил конкретный человек этрусского или римского происхождения, то имеет смысл изучение морфологической изменчивости описательных признаков лица изображённых индивидов. Однако, здесь, несмотря на наличие огромного материала, имеются очень большие трудности с хронологией, локализацией и сохранностью депозитов, с их географической привязкой, а, соответственно, с происхождением многочисленных вотивных голов, находящихся в музеях и с которыми возникают трудности атрибутирования даже у специалистов. Анатомические модели вотивов часто не имеют стилистических характеристик, которые могли бы поддержать датирование объекта, за некоторым исключением хронологических изменений моделей вотивов маток [Fraccaro, 2014; Flemming, 2017] и вотивов головы [Steingraeber, 1980]. Именно эти две категории вотивов отличаются наибольшим разнообразием типов моделей. На рисунке 2 представлены варианты изобразительной трактовки моделей матки.

Большим потенциалом в устранении сложностей с атрибутированием вотивов может стать изучение техники их производства, привлечение химического и петрографического анализов материалов, использованных античными корoplastами для производства вотивов. Таких работ встречается пока мало (они весьма трудоёмки), но выявленные региональные различия в материалах в результате подобных исследований говорят о том, что вотивы изготовлялись преимущественно в окрестностях самих святилищ или в мастерских близлежащих городов [Soederlind, 2002]. Однако, каким образом вотивы распространялись, однозначно сказать не представляется возможным, скорее всего это было сочетание циркуляций готовых вотивов, матриц-шаблонов, а также передвижений самих ремесленников и художников.

На основе типологии и распределения вотивных комплексов в республиканской Италии выделяют три их типа: ELC (этрusco-лаций-кампанский) – преобладающий в Тирренской части центральной Италии (статуи, головы, статуэтки, анатомические вотивы из терракоты, реже бронзы), итальянские – в центрально-Северной Италии и на адриатическом побережье (изображения дарителей или богов из бронзы, реже анатомические части тела из бронзы), меридиональные – в Южной Италии и Сицилии (преимущественно статуэтки из терракоты) [Comella, 1981].

На территории Этрурии и Лациума к 1980 году обнаружено археологами около 80 святилищ и 161 вотивный депозит [Comella, 1981], к настоящему времени известно уже более 200 святилищ с вотивными депозитариями, и только менее 130 из них содержат анатомические вотивы [Turfa, 2004]. Анатомические терракоты встречаются как в депозитных закладках, так и отдельно на открытых площадках святилищ (естественных природных ландшафтах - священных мест, расположенных обычно близ источников воды) или священных местах с очень скромной архитектурой, где в дальнейшем возводился храм [Colonna, 1985]. Некоторые святилища с монументальной архитектурой (такие как Лавиниум, Неми) имели обширные депозиты вотивов и были очень важным с политической точки зрения [Lesk Blomerus, 1999].

Городские и сельские святилища были, в том числе профилированные – с посвящением конкретного органа или части тела. Святилища крупных этрусских городов имели многочисленные по вкладам вотивные депозитарии, как, например, в одном из святилищ в Вейях (депозит Contrada Campetti, VI–II века до н.э.), были найдены свыше трёх тысяч вотивов. Сельские святилища имели меньший приход и количество вотивных приношений соответственно, как, например, в депозитах Тессенано около шестисот вотивов за такой же промежуток времени [Turfa, 2004; Comella, 1981].

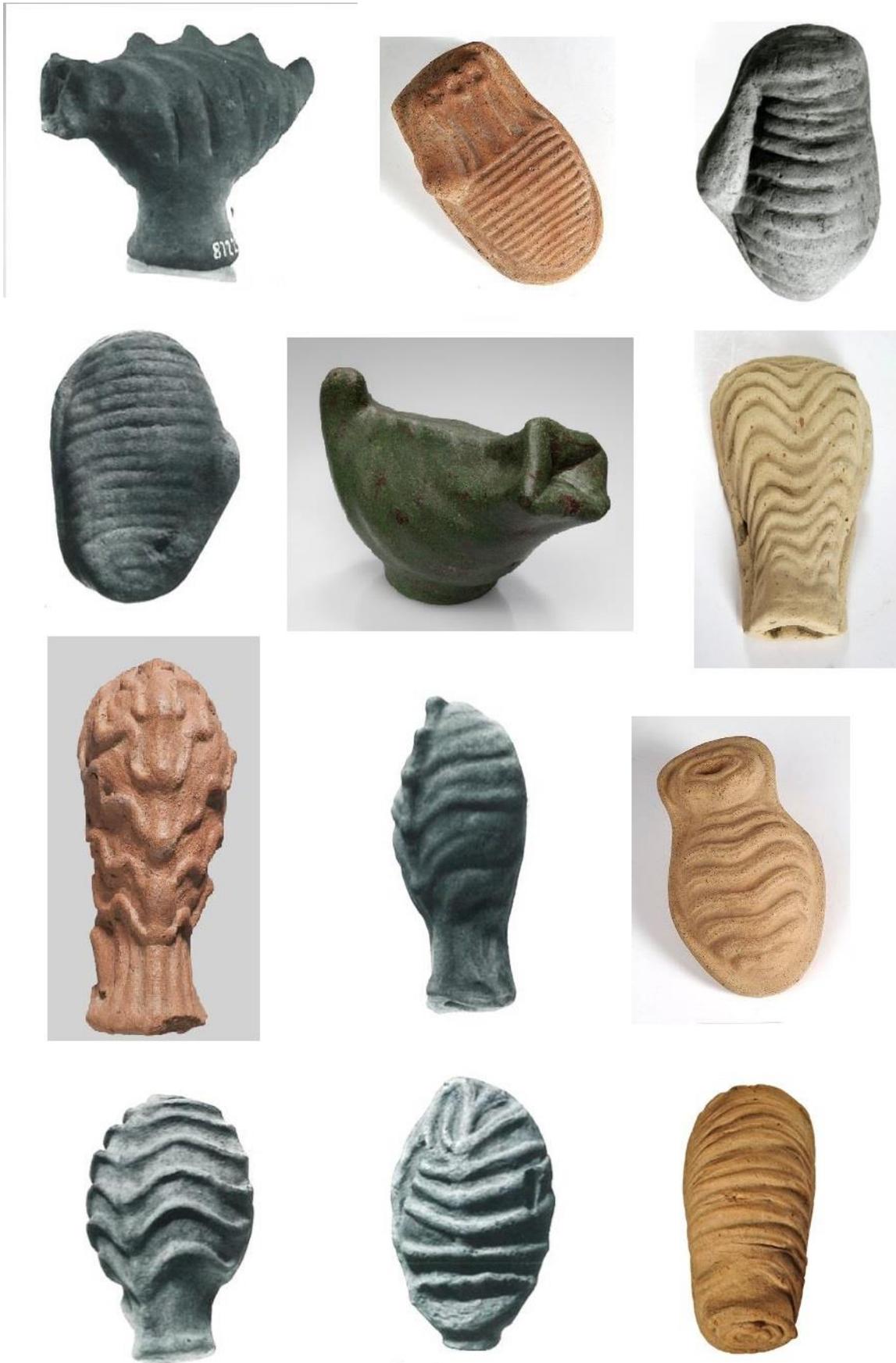

Рис.2. Основные изобразительные модели вотивов матки.

Абсолютное превалирование во всей votивной продукции изображений рук и ног, а также их отдельных частей (кисть, стопа, локоть, колено, плечо, бедро) связывают с сельскохозяйственной доминантой и опасностями в этом виде деятельности. Так в святилище близ Рима (Ponta di Nona), специализировавшемся, по-видимому, на травмах найдено около девяти тысяч votивов конечностей [Potter, Wells, 1985]. Изображения конечностей хронологически монотонны и лишены какого-либо скульптурного стиля, но весьма натуралистичны, иногда встречаются патологии (артрит, бурсит, тромбофлебит, вогнутость ногтевых пластин на пальцах кисти, как возможное свидетельство сердечной патологии). Наличие votивов внутренних органов в депозитах является характерной чертой городского святилища. Несколько южноэтрусских городов (Цере, Тарквинии, Вульчи, Вейи и Рим) имели мастерские с широким производством votивов отличительных локальных стилей и типов. Кроме определённых святилищ, модели внутренних органов (или групп органов), сердца, женские наружные гениталии и тестикулы встречаются не часто.

В посвящениях анатомических votивов были задействованы все социальные слои населения. По всей видимости, существовал огромный выбор готовой продукции разной ценовой категории, тем не менее, несмотря на организованную массовую продукцию и коммерческую реализацию votивов, не вся votивная продукция (тем более votивные головы), в денежном отношении была доступна представителям низших социальных страт. Как отмечают специалисты, встречаются анатомические votивы с посвятительными надписями, сделанными под индивидуальный заказ, также как и votивы с изображением больных органов. Vотивные головы также могут быть исполнены в единичном экземпляре под индивидуальный заказ, но их довольно мало. Чаще встречаются хорошие (для морфологического описания) отливки из первичных матриц, а также массовые не всегда качественные отливки по изношенной матрице, не пригодные для антропологического исследования (рис. 3 и рис. 4).

Рис. 3. Vотивы мужских голов хорошего качества отливки и некачественные

Рис. 4. Вотивы женских голов хорошего качества отливки и некачественные

Скорее всего, такое положение с разнородной по качеству и количеству моделей вотивной продукцией может быть объяснено нуждами представителей контрастных социальных страт, различающихся в количественном соотношении. Однако, по мнению некоторых специалистов, социальное неравенство, которое демонстрируют богатейшие погребения этрусских некрополей, возможно, было не так сильно выражено, поскольку существовала значительная прослойка (торговцы, фермеры, ремесленники) городского и сельского среднего класса [Kron, 2013]. Многочисленные технические достижения этрусков способствовали улучшению условий жизни как городского, так и сельского населения, а также достаточно хорошему уровню здоровья всех слоёв этрусского общества, в котором могла значительно сократиться доля неимущего и нищего населения. Тем не менее, статистические экстраполяции данных на демографические вопросы на основании количественного соотношения вотивов не могут быть репрезентативными, поскольку в распоряжении археологов практически не имеется депозитов, представленных ста процентами находок (депозиты чаще всего диспергированы, много вотивов находятся в отвалах, фрагментированы или рассеяны, «запечатанные» депозиты встречаются редко). Постепенное массирование вотивной продукции и её распространение, начиная с четвертого века связывают с романской колонизацией Этрурии и всей Италии (теория Торелли) [Torelli, 1988], что подтверждается множеством находок в депозитах святилищ латинских городов и колоний. Присутствие в депозитах вотивов ELC типа археологи всегда связывают с фактом римской колонизации. Рост населения, приток латинских колонистов и поселенцев, разрастание социальных страт (плебса и вольноотпущенников) порождало спрос на вотивную продукцию. Таким образом, антропологическое изучение вотивов, в особенности вотивных портретов (терракотовых голов), может быть важным и перспективным для изучения интеграции археологических свидетельств этрусской и римской истории с синхронными изобразительными источниками, отражающими морфологическое разнообразие, представленных в античных культах вотивных приношений.

Библиография

Маяк И.Л. Племена и народности Италии. // История Европы. Т.1. Древняя Европа. М.: Наука. 1988. С. 173-182

Шпак Л.Ю. К вопросу о физическом типе этрусков. Часть 2. Описательные признаки телосложения по изобразительным источникам // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2017. №3. С. 133-148.

Becker M., Turfa J.M. Health and medicine in Etruria. In Turfa J.M. (ed.). *The Etruscan World*. London-New York: Routledge. 2013. Pp. 855-884.

Colonna G. *Santuari d'Etruria*. Milan: Electa-Regione Toscana, 1985

Comella A. Tipologia e diffusione dei complessi votive in Italia in epoca medio e tardo repubblicana: Contributo alla storia dell'artigianato antico. *Mélanges de l'École française de Rome*. 1981. 93. Pp. 717–803.

Flemming R. Wombs for the gods. In *Bodies of evidence. Ancient anatomical votives. Past, present, future*. Draycott J., Graham E. (eds.). Routledge, NY. 2017, pp. 112-130 ISBN: 978-1-4724-5080-7 (hbk)

Fraccaro E. Social and cultural significance of Etruscan female anatomical votives. Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of MA in Mediterranean Archaeology of University College London. 2014

Glinister F. Reconsidering Religious Romanization. In *Religion in republican Italy*. Schultz C.E., Paul B., Harvey Jr. (eds). New York: Cambridge University Press, 2006, pp. 10-33.

Kron G. Fleshing out the demography of Etruria. *The Etruscan World*. In J. M. Turfa ed. London and New York, Routledge, 2013. pp. 56–75. ISBN: 978-0-415-67308-2 (hbk).

Lesk Blomerus A. The anatomical votive terracotta phenomenon: healing sanctuaries in the Etrusco-Latial-Campanian region during the fourth through first centuries B.C. Ph.D. diss., University of Cincinnati. 1999, 178 p.

Oberhelman S. Anatomical Votive Reliefs as Evidence for Specialization at Healing Sanctuaries in the Ancient Mediterranean World. // *Athens Journal of Health*. 2014. V. I. № 1. Pp. 47-62.

Pallotino M. *Etruscologia*. Milan, Hoepli. 1947.

Potter T.W. Wells C.A A republican healing-sanctuary at Ponte di Nona near Rome and the classical tradition of votive medicine. *Journal of the British Archaeological Association*, 1985, 138 (1), pp. 23–47.

Soederlind M. *Late Etruscan Votive Heads from Tessennano: Production, Distribution, Sociohistorical Context*, 2002.

Steingraeber S. Zum Phanomen der etruskisch-italischen Votivkopfe, RM. 87. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen*, 1980, pp.215-253.

Stoddart Simon K. F. *The Etruscans*. Historical Dictionaries of Ancient Civilizations, no. 24 No. The Scarecrow Press, Inc. Lanham, Maryland. 2009.

Torelli M. *Aspetti ideologici della colonizzazione romana più antica*. DdA, 1988, 3.6.

Turfa J.M. Anatomical Votives. In: *Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum I. (ThesCRA)*. J.Ch. Balty et al., (eds.). Los Angeles: Getty Publications, 2004, pp. 359-368. ISBN: 0-89236-787-3.

Turfa J.M. Votive offerings in Etruscan religion. In *The Religion of the Etruscans*. De Grummond N.T. and Simon E. (eds). Austin: University of Texas Press, 2006, pp. 90–115. ISBN: 9781887829816.

Краткое сообщение о результатах работы Индийской антропологической экспедиции в 2018 году

Бандиопадхьяй А.Р.¹, Пежемский Д.В.^{2,4}, Алексеев Ю.А.³, Вагнер-Сапухина Е.А.⁴, Гильмитдинова А.Х.⁴, Ключникова Т.Е.⁴, Лейбова Н.А.⁵

¹Департамент антропологии Калькуттского университета, Колката (Калькутта), Западная Бенгалия, Индия

²МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва, Россия

³Государственный Биологический музей им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия

⁴Центр палеоэтнологических исследований, Москва, Россия

⁵Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия

Статья посвящена результатам работы Индийской антропологической экспедиции, которая была проведена в июне 2018 г. Центром палеоэтнологических исследований совместно с Государственным Биологическим музеем им. К.А. Тимирязева – с российской стороны и Департаментом антропологии Калькуттского университета – со стороны Республики Индия. Задачи экспедиции ограничивались на текущем этапе налаживанием международных научных контактов, сбором данных об индуистском погребальном обряде, в первую очередь – в связи с расширением возможностей антропологических экспертиз кремнированных останков, и оценкой перспективы расоведческих работ в современной Индии. Особым успехом Индийской антропологической экспедиции 2018 г. следует считать выезд к санталам Западной Бенгалии, в результате которого удалось изучить выборку, состоящую из 214-ти человек, проживающих в дер. Пирсон Палли (близ г. Болпура). Большинство из обследованных – это дети и подростки (52 мальчика и 61 девочка). Взрослые санталы составили небольшую и неравнозначную по полу выборку из 32-х мужчин и 59-ти женщин старше 20-ти лет. Исследование было выполнено по максимально возможному числу методов с обязательным социальным анкетированием – собраны данные по соматометрии, кефалометрии и кефалоскопии, дерматоглифические отпечатки кистей рук и слепки зубов, проведено тотальное антропологическое фотографирование головы и лица в трёх проекциях. Кроме того, был собран биологический материал (буккальный эпителий) для изучения ДНК-полиморфизма. В данной работе приводятся первые результаты обработки данных – обобщённые фотографические портреты санталов и санталок, показывающие их морфологическую специфику.

Ключевые слова: физическая антропология, морфология человека, расоведение, обобщенный фотопортрет, Индия, санталы, индуизм, обряд кремации

Современный этап развития российской физической антропологии, как части большой науки о человеке, в первую очередь – биологической, характеризуется рядом особенностей, которые, невзирая на многие объективные и субъективные сложности этого процесса, всё отчетливее прослеживаются. К таковым следует отнести, в первую очередь, междисциплинарную открытость, поиск новых путей её взаимодействия с другими науками, где наиболее рельефно выглядят связи с генетикой и психологией, а во вторую очередь, – переосмысление понятия «раса», формулировка иных подходов к его изучению, в том числе и через сбор нового материала по разным народам. Зарубежные расоведческие экспедиции пока крайне малочисленны (в последние годы российские антропологи выезжали, например, в Индонезию, Монголию, Чили), однако, тенденция к их реализации, наряду с экспедициями к народам нашей страны, судя по всему, будет усиливаться. Ровно о таком событии, лежащем в русле возрождения интереса к комплексным расоведческим исследованиям, пойдет речь в данном кратком сообщении.

В 2018 г. по инициативе Научно-просветительского Центра палеоэтнологических исследований и при его финансовой поддержке была организована Индийская антропологическая экспедиция (науч. рук. – к.б.н. Д.В. Пежемский), учрежденная совместно с Государственным Биологическим музеем им. К.А. Тимирязева. Задачи новой экспедиции были сформулированы следующим образом:

- 1) наладить международные научные контакты, практически утраченные в 1990-е годы;
- 2) собрать данные об особенностях индуистского погребального обряда, в первую очередь – в аспектах, важных для физической антропологии и связанных с экспертизой кремированных останков;
- 3) оценить возможность расоведческих работ в современной Индии и, если удастся, попытаться собрать новый популяционный материал.

Возобновление научных контактов с индийскими специалистами проходило в несколько этапов, как и сам ход экспедиционного путешествия. Удалось встретиться и обсудить возможности совместных научных работ и студенческого обмена с коллегами из Департамента антропологии Делийского университета (доктор Ануп Капур, доктор Сатвани Капур), из Департамента антропологии Пунийского университета в Махараштре (доктор Шаунака Кулькарни, доктор Субхаш Валимбе), из Департамента антропологии Калькуттского университета (доктор Аруп Бандиопадхъяй). В последнем случае удалось сразу же осуществить полевой выезд к санталам Западной Бенгалии и собрать новый расоведческий материал близ г. Болпура/Болпера ¹(Рис. 1).

Первым этапом работы экспедиции, который проходил в г. Агра (штат Уттар Прадеш), было изучение процесса кремации человеческого тела в рамках обрядовых действий индуистской погребальной традиции. Наблюдения за кремацией тел проводились нами на старинном гхате, расположенном на берегу р. Ямуны (Джамны) в 500 м к западу от архитектурного ансамбля мавзолея Тадж-Махал. Исследование велось непрерывно в течении светового дня, все этапы обрядовых действий и самого процесса кремации фиксировались в специальном бланке, куда заносились также данные о погодных условиях. Проводилась фото- и видеофиксация, собирались образцы древесины, на которой сжигались покойники. В общей сложности удалось детально документировать около 50-ти актов кремации и ещё 50 описать по результатам обследования прогоревшего костра (кострища), так как сожжения на Ямуна-гхате проводятся фактически непрерывно в течение суток. В ходе фиксации процесса сгорания тела акцент делался на таких аспектах, как время сгорания трупа, количество остающихся кальцинированных костей, характер изменений костной ткани и т.п. Данные материалы находятся в настоящее время в процессе обработки и готовятся к специальной публикации.

---

¹ На большинстве русскоязычных карт название этого города дано в варианте «Болпер».

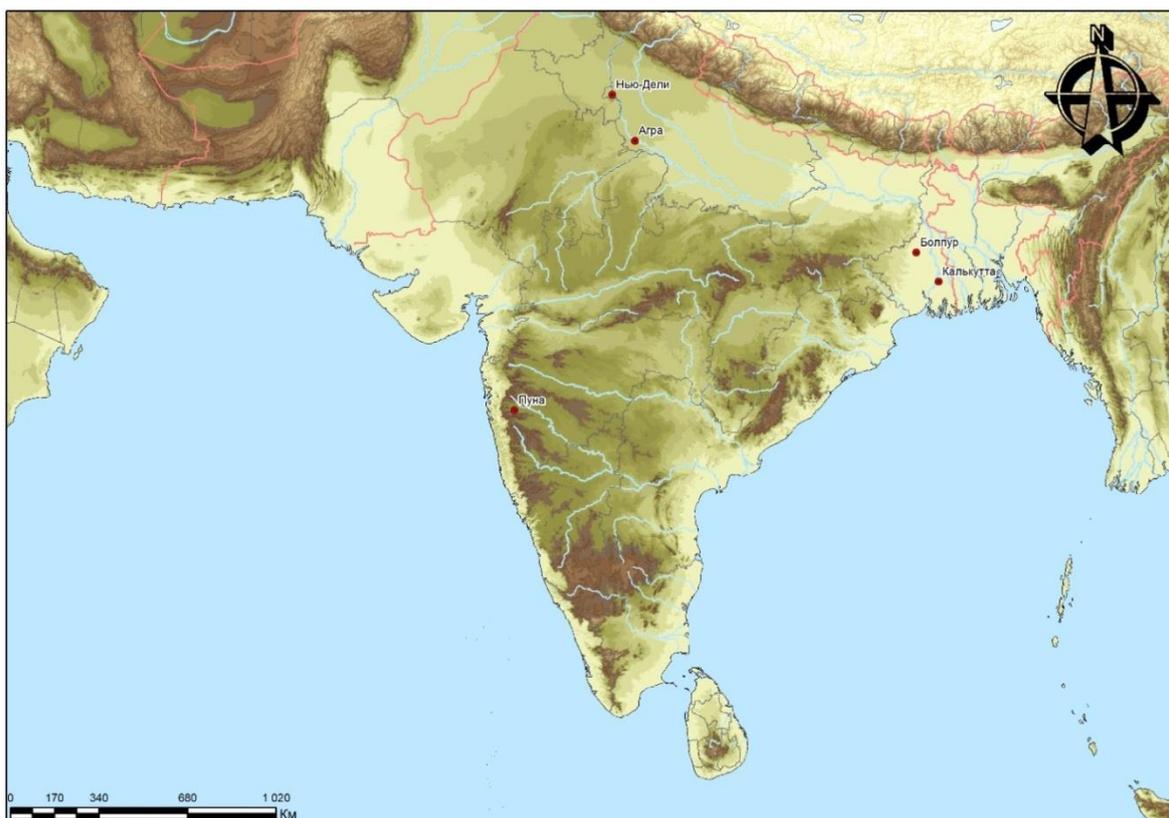

Рис. 1. Географическое положение пунктов, в которых работала Индийская антропологическая экспедиция 2018 г.

Вторым этапом работы экспедиции стало комплексное антропологическое исследование санталов Западной Бенгалии, организованное доктором Арупом Р. Бандиопадхьяем. Из Калькутты экспедиция выехала в г. Болпур, рядом с которым расположился Шантиникетан – в прошлом родовое поместье и усадьба выдающегося индийского писателя и просветителя Рабиндраната Тагора (1861–1941), где им был основан, ныне всемирно известный, Университет Вишва Бхарати. В нескольких километрах от Шантиникетана находится небольшое сантальское поселение Пирсон Палли, в котором, на базе сельской начальной школы, и проводили обследование сотрудники Индийской антропологической экспедиции.

Санталы относятся к группе народов мунда – представляющей отдельную ветвь австроазиатской языковой семьи. Группы санталов проживают в Индии – в штатах Бихар, Западная Бенгалия, Орисса, Мадхья-Прадеш и Ассам, а также в таких странах как Бангладеш, Непал и Бутан. Санталы говорят на языке сантали, имеющем два диалекта – кармали и мали [Седловская, 1999]. По данным переписи 2011 года, в Индии проживает более 7 млн людей, называющих сантали своим родным языком, из которых в Западной Бенгалии проживает около 2,5 млн [Census of India, 2011; Linguistic Survey of India, 2016]. Язык сантали к сегодняшнему дню тщательно изучен. Исследователями был составлен ряд грамматик и словарей сантальского языка [Народы Республики Индии, 1963]. Кроме этого, сантали обладает собственной письменностью, основанной на латинской графике и деванагари [Седловская, 1999]. По нашим собственным полевым наблюдениям 2018 г., многие санталы Западной Бенгалии также говорят на бенгали.

Санталы не имеют кастового деления. У них сохраняются традиционные верования, представляющие собой сложный синтез культа высшего божества, древних культов Солнца, предков, богинь-матерей, народных зооморфных представлений и почитания общемундских духов-демонов [Маретина, Котин, 2011]. Мифологическая традиция санталов весьма богата, в ней также заметны влияния индуистских мотивов. Стоит отметить, что в древнейших пластах фольклора санталов, связанных с сотворением мира,

действуют киты и омары, которые не могут быть известны жителям местностей, удаленных от побережий. Это наводит некоторых исследователей на мысль о связи санталов с морем или океаном в далеком прошлом, особенно в свете того, что этногенез санталов остается весьма серьезной научной проблемой. Санталы также обладают очень богатой обрядовой культурой, которая сопровождается традиционной музыкой и танцами. Однако в последнее время исследователи отмечают падение интереса молодых санталов к традиционной культуре своего народа и восприятие ими индуистских обычаев [Nembrom, 2003].

Сантальские дома в основном каркасно-столбового типа. Основными материалами служат бамбук, тростник и глина [Народы республики Индии, 1963]. Одежда санталов весьма схожа с одеждой большинства других жителей Индии. Женщины носят сари, традиционно – белые (часто с цветной каймой) или клетчатые [Седловская, 1978]. Однако в ходе полевых работ мы наблюдали сари самых разных цветов. В традиционную сантальскую прическу женщины вставляют цветы. Мужчины носят дхоти или набедренную повязку, хотя в настоящее время преобладает «европеизированная» одежда — футболки, рубашки, шорты, джинсы.

Важно упомянуть, что, в отличие от многих народов Индии, у санталов крайне мало пищевых запретов — они свободно употребляют в пищу, например, мясо различных животных. Однако до недавнего времени у санталов существовал запрет на употребление коровьего молока. Большинство сантальских блюд содержит рис и его производные. Из напитков распространены два вида пива — из риса и из цветков махуа [Седловская, 1978].

Традиционно санталы занимаются земледелием. В настоящее время преобладает плужное земледелие. Основная зерновая культура — рис, и некоторые исследователи даже считают, что именно народы мунда принесли в Индию технологию возделывания риса. Кроме риса, санталы выращивают просо, горчицу, некоторые виды бобовых. Вдобавок к этому, санталы занимаются скотоводством — разводят свиней, коз, овец, коров и буйволов [Народы Республики Индии, 1963]. Интересно отметить, что санталы продолжают практиковать охоту. Охотятся с собаками, а в качестве оружия продолжают использовать лук и стрелы разной формы. Сохраняется и обычай коллективной охоты, на которую собираются жители нескольких близлежащих деревень [Маретина, Котин, 2011]. Собирачество тоже имеет важную роль в хозяйстве санталов. Кроме традиционных занятий, современные санталы всё больше занимаются отходничеством и работой в промышленности [Народы Республики Индии, 1963]. Сантальские мужчины также работают в больших городах рикшами, работают на фермах, на чайных плантациях Ассама, обжигают кирпичи. Женщины же часто работают на сезонных работах в лесах, на дорогах и дамбах [Gupta, 2007].

В колониальный период в результате английских реформ большинство общинных земель санталов сконцентрировалось в руках крупных землевладельцев (преимущественно заминдаров — выходцев из других областей Индии), которые через манджхи (старейшин) сдавали её в аренду крестьянам. Сантал, не уплативший ренту, зачастую попадал в долговое рабство [Народы Республики Индии, 1963]. Следствие этого — восстания против кредиторов и помещиков-заминдаров (например, знаменитая «Сантальская революция» 1855 года). Позднее стала наблюдаться миграция санталов на восток — в Бенгалию, и на север — в Непал, причиной чего была необходимость заработков для выплаты долгов [Маретина, Котин, 2011]. Большинство санталов (или их предков), которые были участниками обследования 2018 г., по нашим данным переселились в Пирсон Палли из штата Бихар около 40–60 лет назад.

Все эти обстоятельства предстоит учесть при обработке собранного популяционного материала. Всего было обследовано около 240 человек, из которых 214 — назвали себя санталами (Табл. 1). Большинство из обследованных — это дети и подростки (52 мальчика и 61 девочка). Взрослые санталы составили небольшую и неравнозначную по полу выборку из 32-х мужчин и 59-ти женщин старше 20-ти лет. Ещё 25 человек принадлежат к другим этническим группам — в основном к бенгальцам (10 мужчин и 15 женщин).

Таблица 1. Половозрастная структура антропологической выборки, изученной в дер. Пирсон Палли в 2018 г.; Болпур – Шантиникетан, Западная Бенгалия, Индия

Вся выборка			Санталы		
	м	ж		м	ж
4-6 лет	10	11	4-6 лет	10	10
7-8 лет	14	15	7-8 лет	13	14
9-10 лет	16	19	9-10 лет	15	15
11-12 лет	8	10	11-12 лет	7	10
13-14 лет	4	7	13-14 лет	4	6
15-16 лет	3	7	15-16 лет	3	6
17-19 лет	13	4	17-19 лет	10	3
20-29 лет	20	20	20-29 лет	17	18
30-39 лет	5	12	30-39 лет	5	12
40-49 лет	2	7	40-49 лет	2	7
50-59 лет	1	11	50-59 лет	0	9
>60 лет	2	9	>60 лет	2	7
возраст неизвестен	2	7	возраст неизвестен	2	7
Всего	100	139	Всего	90	124
	239			214	

Исследование выполнено по максимально возможному в конкретных условиях числу методов с обязательным социальным анкетированием (Т.Е. Ключникова; Рис. 2). Анкетирование велось на нескольких языках – английском, бенгальском и сантальском, в чём огромную помощь оказали педагоги сельской школы в Пирсон Палли, студенты Университета Вишва Бхарати (Шантиникетан) и Департамента антропологии Калькуттского университета.

Рис. 2. Рабочий момент – Т.Е. Ключникова ведет социальное анкетирование при помощи педагога сельской школы (Фото Е.А. Вагнер-Сапухиной)

Производилось подробное измерение головы и лица (32 мужчины и 59 женщин старше 20-ти лет – Е.А. Вагнер-Сапухина), описание его морфологических элементов по «расовой» программе у детей и взрослых (83 индивида мужского пола и 119 женского – А.Х. Гильмитдинова; Рис. 3).

Рис. 3. Рабочий момент – А.Х. Гильмитдинова за морфологическим описанием головы и лица (Фото Н.А. Лейбова)

Осуществлена антропологическая фотофиксация головы и лица в трёх проекциях (88 индивидов мужского пола и 121 женского – Ю.А. Алексеев; Рис. 4).

Рис. 4. Рабочий момент – Ю.А. Алексеев проводит фотографическую фиксацию головы и лица (Фото Н.А. Лейбовой)

Измерение тела выполнено по полной соматометрической программе для взрослых (30 мужчин и 59 женщин – А.Х. Гильмитдинова) и по краткой программе для детей (А.Х. Гильмитдинова, Е.А. Вагнер-Сапухина; Рис. 5).

Рис. 5. Рабочий момент – Е.А. Вагнер-Сапухина собирает данные о длине тела детей (Фото Н.А. Лейбовой)

Проводилось тотальное снятие дерматоглифических отпечатков кистей рук (88 индивидов мужского пола и 119 женского – Д.В. Пежемский; Рис. 6). Была изучена зубная система, сняты слепки челюстей по методике, принятой в Институте этнологии и антропологии РАН (70 индивидов мужского пола и 86 женского – Н.А. Лейбова; Рис. 7).

Рис. 6. Рабочий момент – Д.В. Пежемский производит сбор дерматоглифических отпечатков (Фото Е.А. Вагнер-Сапухиной)

Кроме того, был собран биологический материал (буккальный эпителий) для изучения ДНК-полиморфизма (49 индивидов мужского пола и 45 женского; Н.А. Лейбова), который по прибытии в Департамент антропологии Калькуттского университета был заморожен и временно оставлен в Индии.

Рис. 7. Рабочий момент – Н.А. Лейбова в процессе одонтологического исследования (Фото Ю.А. Алексеева)

Хотелось бы обратить внимание на то, что по уровню комплексности применённых методов исследования Индийская антропологическая экспедиция 2018 г. не может сравниться с Советско-Индийской антропологической экспедицией 1971–1983 гг., однако новый материал содержит данные о женской части популяции, чего были лишены материалы, ранее собранные отечественными специалистами в Индии [Абдушелишвили, Малхотра, 1980, с. 6–7; Чебоксаров, 1980, с. 183–184].

Первым результатом наших работ, которым хотелось бы поделиться в настоящей публикации, являются обобщенные фотографические портреты санталов и санталок, показывающие их морфологическую специфику (Рис. 8, 9). Они являются итогом обработки данных антропологической фотофиксации, проведенной в полевых условиях Ю.А. Алексеевым. Фотографическая фиксация проводилась по общепринятой методике с уточнениями, предложенными А.М. Маурером, – в трёх основных проекциях (анфас, три четверти и профиль) с миллиметровой шкалой, позволяющей масштабировать изображения и проводить измерения по фотографии. Обобщенные фотопортреты были получены А.Х. Гильмитдиновой с помощью специальной компьютерной программы faceONface (авторы-разработчики – А.Б. Савинецкий и Г.В. Сыроежкин).

Обобщенные фотопортреты женщин-санталок включает в себя 64 отдельные фотографии в норме анфас и 63 фотографии в профиль и в три четверти (Рис. 8). Возрастной размах индивидуальных портретов – 18–75 лет, средний возраст – 37 лет.

Обобщенные фотопортреты мужчин-санталов состоят из 37-ми отдельных фотоизображений во всех трех нормах (Рис. 9). Возрастной размах на индивидуальном уровне – 18–70 лет, средний возраст – 27 лет.

У санталов сохранилось деление на 12 тотемных родов (по другим данным – 11), среди которых – Сорен, Мурму, Баски, Маранди, Хембрам, Туду, Хансда, Киску, Чонре, Марди и Бесра, встреченные нами

в ходе полевой работы. По мнению некоторых опрошенных санталов, роды Марди и Маранди являются одним и тем же родом, что в дальнейшем необходимо будет уточнить. Каждый сантал считает себя принадлежащим к одному из родов, однако, социальная роль рода уже невелика — в основном она чувствуется в обрядах жизненного цикла [Народы Республики Индии, 1963].

Рис. 8. Обобщенный фотопортрет женщины-санталки из Пирсон Палли ($n = 64$; автор – А.Х. Гильмитдинова)

Рис. 9. Обобщенный фотопортрет мужчины-сантала из Пирсон Палли ($n = 37$; автор – А.Х. Гильмитдинова)

В любой сантальской деревне есть староста (манджхи) и жрец (наик), у которых несколько помощников. Вместе с наиболее уважаемыми старшими мужчинами деревни они составляют панчаят. Панчаят решает такие вопросы, как нарушение отдельными людьми брачных и иных запретов. Санталы — эндогамная группа. За нарушение племенной эндогамии, то есть за вступление в брачные отношения с несанталом, панчаят может назначить битлах — физическое наказание виновных. Случаи подобных избиений были отмечены в полицейских протоколах еще в 70-е годы XX века [Седловская, 1978]. По данным наших индийских коллег, в настоящее время сантал, нарушивший этот брачный запрет изгоняется из рода, перестает быть санталом. Однако, в ходе полевой работы 2018 г., нами были зафиксированы случаи такого нарушения эндогамии и при этом нарушители продолжали жить в сантальской деревне, а супруг-несантал принимался в соответствующий сантальский род. Это обстоятельство потребует очень

тщательной обработки анкетных данных прежде чем мы перейдем к получению морфометрических и морфоскопических характеристик изученной группы санталов.

Благодарности

Для формулировки целей и задач Индийской антропологической экспедиции 2018 г. оказались чрезвычайно важны всесторонние консультации с известными отечественными специалистами, среди которых хотелось бы выделить индолога В.Е. Ларионова; антропологов – доктора исторических наук Г.Л. Хить и доктора исторических наук Н.А. Дубову; этнолога, доктора исторических наук, член-корреспондента РАН С.А. Арутюнова (участника Советско-Индийской антропологической экспедиции 1971–1983 гг.), которым авторы крайне признательны за исключительно ценные советы и рекомендации.

Полевая работа в Западной Бенгалии была бы невозможна без помощи и поддержки со стороны молодых антропологов из Калькутского университета Парикшита Чакраборти (Parikshit Chacraborti) и Шапана Сардера (Swapan Sarder), на которых лёг основной груз организационной работы. При составлении социальных анкет неоценимую помощь в коммуникации оказали студенты Университета Вишва Бхарати Соумен Марди (Soumen Mardi) и Намрата Сантра (Namrata Sanrta). Всем нашим помощникам и участникам антропологического обследования в дер. Пирсон Палли сотрудники Индийской экспедиции и руководство Центра палеоэтнологических исследований выражают самую сердечную благодарность.

Библиография

Абдушлишвили М.Г., Малхотра К.Ч. Введение // Новые данные к антропологии Северной Индии. Результаты советско-индийских исследований 1971 г. М.: Наука, 1980. С. 5–10.

Маретина С.А., Котин И.Ю. Племена в Индии. Спб.: Наука, 2011. 150 с.

Народы Республики Индии // Народы Южной Азии /Под ред. Н.Р. Гусевой и др. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 209–666.

Седловская А.Н. Адиваси Центральной Индии // Малые народы Южной Азии /Под ред. М.К. Кудрявцева. М.: Наука, 1978. С. 35–88.

Седловская А.Н. Санталы // Народы и религии мира /Под ред. В.А. Тишкова. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 469–470.

Чебоксаров Н.Н. Работы по этнической антропологии Индии в 1964 и 1966 гг. // Новые данные к антропологии Северной Индии. Результаты советско-индийских исследований 1971 г. М.: Наука, 1980. С. 183–217.

Census of India Website: Office of the Register General & Census Commissioner, India. Population Enumeration Data (Final Population). 2011. [Электронный ресурс] http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html (дата обращения: 18.12.2018).

Gupta R. Tribal Contemporary Issues: Appraisal and Intervention. New Delhi: Concept Publishing Company, 2007. 96 p.

Hembrom M. A Socio-Philosophical Change in Tribal Life // Changing Tribal Life /Ed. by P. Sen. New Delhi: Concept Publishing Company, 2003. P. 31–39.

Linguistic Survey of India. 2016. [Электронный ресурс] [http://lsi.gov.in/MTSI_APP/\(S\(qexf155gvih2sijvq2rzs45\)\)/Login_Pages/lsi_wb.aspx](http://lsi.gov.in/MTSI_APP/(S(qexf155gvih2sijvq2rzs45))/Login_Pages/lsi_wb.aspx) (дата обращения: 18.12.2018)

Предварительные результаты анализа лицевого отдела черепа серии костяков XVII–XVIII вв. из погребений у стен костёла Божьего Тела в Несвиже

Воронцова Е.Л.¹, Помазанов Н.Н.², Войтехович А.В.², Филькин И.А.¹

¹МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва, Россия

²Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь

При проведении археологических работ на территории, прилегающей к костёлу Божьего Тела в Несвиже, Республика Беларусь, со старого кладбища было поднято около 60 костяков разной степени сохранности и комплектации. В данной работе представлены предварительные итоги анализа лицевой части черепа 22 мужских и 10 женских индивидов. Выявлено, что население г. Несвиж XVII–XVIII вв. имело европеоидный внешний облик с некоторой уплощенностью на уровне глаз. Лицо невысокое, широкое, со средневысокими орбитами и широким носом, ортогнатное. Высокий процент травм лица преимущественно у мужской части выборки позволяет предположить, что эти захоронения принадлежат представителям воинского сословия, т.е. шляхте. Основное изучение серии скелетов с прикостельной территории г. Несвиж будет осуществляться в течение 2019 года.

Ключевые слова: антропология, Несвиж, костёл Божьего Тела, краниология, травмы

Введение

В городе Несвиж Минской области Республики Беларусь расположен памятник архитектуры раннего барокко, построенный итальянским архитектором Джованни Бернардини в 1593 г., получивший имя – Костёл Божьего Тела в Несвиже.

Костёл возведён на месте деревянного приходского храма, который начали перестраивать в 1583 г., но после подписания Николаем Радзивиллом Сироткой акта основания в Несвиже коллегииум иезуитов (19 августа 1584 года), передали иезуитам. Новый костёл стал не только иезуитским храмом, но и выполнял функции приходского. Примечательно, что за 420 лет своего существования храм ни разу не был закрыт.

Знаменит этот костёл ещё и тем, что с 1616 г. и вплоть до наших дней служит родовой усыпальницей князей Радзивиллов.

В 2000 г., в связи с работами по реконструкции каменной ограды вокруг костёла И.В. Ганецкой впервые были проведены археологические раскопки, в результате которых на территории двора костёла были выявлены регулярные захоронения [Ганецкая, 2007].

14.04.2017 г. от ОАО «Белреставрация» в институт истории НАН Беларуси поступило письмо с просьбой провести надзор за земляными работами по объекту «Реконструкция с реставрацией здания костёла Божьего тела в г. Несвиже. 2-я очередь – Реконструкция инженерного обеспечения здания и благоустройство территории. Реставрация фасадов». Однако в этот же день на территории костёла были проведены несанкционированные земляные работы – выкопан котлован под строительство котельной, о чём представителями Института истории и НИКМЗ «Несвиж» был составлен протокол. После этого с Коммунальным дочерним унитарным предприятием «Управление капитального строительства Несвижского района» был заключён договор на проведение археологических исследований на объекте.

При разработке траншей и котлована грунт до уровня захоронений вынимался техникой, далее выборка грунта производилась вручную. Человеческие костяки расчищались, фиксировались и наносились на общий план траншеи. Затем кости извлекались. Части скелетов ушедшие в профили траншеи не исследовались. После проведения работ костяки были оставлены на хранение в каплице святого Роха на территории костёла для дальнейшего их изучения.

В данной работе представлены предварительные итоги анализа краниологического материала с кладбища при Костёле Тела Господня, касающиеся краниометрических характеристик и травматических повреждений лицевой части черепа.

Материалы и методы

Материалом для данной работы послужила серия черепов с кладбища при Костёле Тела Господня, эксгумированных в 2017 г. в ходе проведения археологического надзора во время строительных работ на прикостельной территории. Предполагается, что костные останки принадлежали жителям Несвижа XVII–XVIII вв. Частичной или полной эксгумации подверглись около 40 регулярных погребений и около 20 разрушенных.

Краниологическая серия включала 32 черепа от взрослых индивидов, из которых 22 принадлежали мужчинам и 10 – женщинам. В данной работе изучался лицевой отдел черепа. Все измерения проведены в соответствии со стандартной краниологической методикой [Алексеев, 1964].

При анализе травм помимо лицевого отдела *calvariuma*'а рассматривалась и лобная кость, формирующая значительную часть фронтальной поверхности головы. В краниометрической части лобная кость не принималась во внимание.

Результаты

В таблице 1 приведены основные статистики измеренных признаков лицевого отдела мужских черепов. Средние групповые значения длины основания черепа, полной и верхней высоты лица, высоты носа и зиго-максиллярного угла относятся к категории малых; дакриальная и симотическая ширина и высота, общий лицевой угол, угол выступания носа относятся к категории больших; остальные размеры попадают в ранг средних в рамках мирового масштаба изменчивости. Среднее групповое значение назо-малярного угла находится в промежуточной зоне значений, характерных для европеоидов и монголоидов, а индивидуальные значений перекрывают и тот, и другой диапазоны. Величина зиго-максиллярного угла преимущественно находится в интервале значений, характерных для европеоидных групп, никогда не достигая нижней границы монголоидов. В этой связи, несвижскую мужскую выборку

по особенностям горизонтальной профилировки следует охарактеризовать, как европеоидную с ослабленной профилировкой на уровне орбит. Хотя, наверное, точнее будет сказать – с низким переносом при хорошо выступающем носе. Что касается указателей, то к категории малых относятся верхний и общий лицевой и орбитный; а носовой и дакриальный – к большим.

Таблица 1
Основные описательные статистики абсолютных размеров и индексов лицевого отдела мужских черепов из Несвижа

Краниологический признак	Статистический параметр				
	n	M	S	Min	Max
5. Длина основания черепа	11	99,3	3,98	92,0	108,0
40. Длина основания лица	13	96,7	6,14	88,0	106,5
45. Скуловой диаметр	10	133,4	6,15	123,0	144,0
47. Полная высота лица	8	113,6	6,06	103,0	123,0
48. Верхняя высота лица от <i>pr.</i>	18	65,8	4,63	56,0	73,0
51. Ширина орбиты от <i>mf.</i>	20	42,7	1,67	39,5	45,5
52. Высота орбиты	20	33,5	2,30	30,0	38,0
54. Ширина носа	20	26,2	2,09	22,5	30,5
55. Высота носа	20	50,4	3,40	44,5	57,5
FC. Глубина клыковой ямки	20	5,0	1,94	1,7	9,0
DC. Дакриальная ширина	18	23,5	3,13	20,5	31,5
DS. Дакриальная высота	18	13,1	2,71	10,4	21,7
SC. Симотическая ширина	17	10,1	1,70	6,5	13,5
SS. Симотическая высота	17	4,1	1,18	2,5	7,4
72. Общий лицевой	10	86,5	3,34	82,0	92,0
75(1). Угол выступания носа	11	29,5	4,35	22,0	35,0
77. Назо-маллярный	18	141,1	5,06	134,0	155,0
$zm^{\prime}$ Зиго-максиллярный	17	125,2	5,68	117,0	139,0
40:5 Выступания лица	10	95,4	4,13	89,8	104,6
48:45 Верхний лицевой	10	49,3	3,86	41,5	55,0
47:45 Общий лицевой	5	85,6	-	80,5	93,9
52:51 Орбитный	20	78,6	5,80	68,1	88,6
54:55 Носовой	18	52,3	5,41	44,0	64,2
SS:SC Симотический	17	40,5	8,52	25,0	54,8
DS:DC Дакриальный	18	56,0	10,95	40,7	89,3

В целом исследованную серию можно охарактеризовать следующим образом: лицо невысокое, относительно широковатое с невысоким средним и высоким нижним (нижнечелюстным) отделом. Нос невысокий, сильно выступающий при запавшем переносье, несколько широковат. Глаза относительно большие.

Скульптором Л.П. Яшенко (1959–2018) была выполнена реконструкция внешности жителя Несвижа XVII–XVIII веков по черепу мужчины 50–60 лет из погребения №5 на основе метода пластической реконструкции М.М. Герасимова [Герасимов, 1955] (рис. 1). Череп принадлежал одному из погребений, которые находились под плитой с надписью «Казимир Малявский. Подвоеводич Новогрудский, войски. Умер в 1718 году, Несвиж». Череп был средней степени сохранности. В наличии имелся лицевой отдел черепа, лобная кость, правая и левая боковые части мозгового отдела черепа и левая половина нижней челюсти. Перед началом работы по реконструкции лица была выполнена реставрация черепа.

Второй частью данной работы стал анализ травматических повреждений лицевого отдела черепа.

При работе с материалом обратило на себя внимание наличие очень большого количества травмированных индивидов, причём встречались как одиночные травмы, так и множественные, в ряде случаев – сочетанные. При обсуждении этого вопроса с ещё одним участником данного проекта А.А. Евтеевым, им было высказано предположение о существовании поблизости больницы, которая и «поставляла» усопших на прикостельное кладбище. С другой стороны, задействованные в проекте историки тяготеют к мнению, что возле костёла хоронили придворных князей Радзивиллов и членов их семей, принадлежащих к шляхте (дворянству), т.е. представителей воинского сословия.

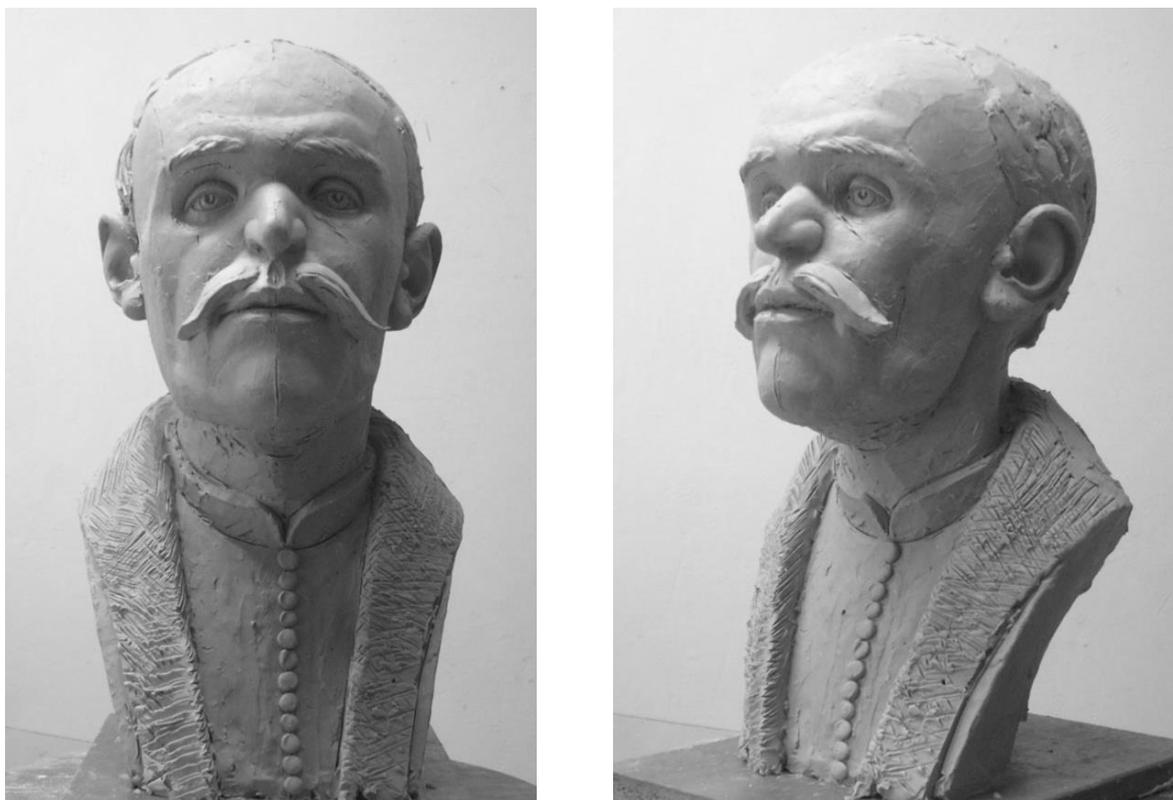

Рис. 1. Скульптурный портрет жителя Несвижа XVII–XVIII веков (шляхтич из Несвижа). Антропологическая реконструкция и фотография скульптора Л.П. Яшенко

Для выявления травматических повреждений в нашем распоряжении оказался 31 череп, т.к. один, из погребения, находившегося под плитой с надписью «Казимир Малявский...», был отдан на реконструкцию. В настоящее время он недоступен для изучения.

Среди зафиксированных нами травм лицевой, точнее, фронтальной, части черепа присутствовали переломы от удара тупым предметом, рубленные и, возможно, колющие [Waldron, 2009; Mann, Hunt, 2012].

Наибольшее количество переломов лицевой части приходится на носовые кости – 12 случаев из 32 и ещё 2 – вероятные переломы. В 8 случаях переломы носовых костей сочетались с искривлением носовой перегородки (рис. 2). Последнее отмечено в 10 случаях. Этот вид травм отмечен у женщин в трёх случаях, остальные 9 (или 11) – у мужчин.

Другие переломы лицевой области: левая скуловая кость в основании височного отростка – 1 случай; левая верхнечелюстная кость – 1 случай (рис 3); правый верхнеглазничный край – 1 случай; правый нижнеглазничный край – 1 случай. Все эти переломы отмечены на мужских черепах.

Рис. 2. Сросшийся перелом носовых костей, искривление носовой перегородки. Погребение № 29. Мужчина, старше 60 лет

Рис. 3. Сросшийся перелом верхнечелюстной и носовой костей слева. Переотложенное погребение № 38, ХФК. Мужчина, старше 55 лет

Другие переломы лицевой области: левая скуловая кость в основании височного отростка – 1 случай; левая верхнечелюстная кость – 1 случай (рис 3); правый верхнеглазничный край – 1 случай; правый нижнеглазничный край – 1 случай. Все эти переломы отмечены на мужских черепах.

Таким образом, переломы костей происходили, видимо, в результате приложения силы преимущественно в область носа или глаза. Примечательно, что не обнаружено ни одного перелома нижней челюсти.

Рубленые раны обнаружены на трёх мужских черепах. Все локализируются в области лобных бугров: 2 – слева и 1 справа (рис. 4).

Кроме того, зафиксировано два травматических повреждения мужских черепов не вполне ясного происхождения: один – либо колющее ранение, либо инфицированный перелом со свищевым ходом в области тела верхней челюсти, а другой – от удара в левую половину чешуи лобной кости непонятным предметом. В любом случае, детальный анализ травматических повреждений ещё предстоит провести.

В целом можно сказать, что характер травматических повреждений не противоречит предположению о преимущественном захоронении на прикостельном кладбище представителей шляхты.

Заключение

Анализ краниологической серии, полученной с прикостельной территории Несвижа, позволяет охарактеризовать население этого города XVII–XVIII веков как европеоидное. Из особенностей можно

отметить некоторую уплощенность на уровне глаз, слабое выступанием верхней челюсти (ортогнатизм), широкое лицо со средневысокими орбитами и широким носом.

Рис. 4. Две рубленые раны в левой половине чешуи лобной кости. Погребение № 26. Мужчина, старше 50 лет

Исходя из характера травм, можно сделать предположение, что на кладбище при костёле Божьего Тела захоронены преимущественно представители шляхты – дворянства Речи Посполитой, т.е. воинское сословие.

Таковы предварительные итоги работы с серией костяков с территории кладбища при костёле Божьего Тела в Несвиже, выполненные только по лицевому отделу черепа. Основное изучение этой серии будет осуществляться в течение 2019 года.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого фондами РФФИ (грант № 18-59-00011 Бел_а) и БРФФИ (грант № Г18Р-271) «Несвижский иезуитский коллегиум в XVI–XIX веках: археология, антропология и история».

Библиография

Алексеев, В.П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В.П. Алексеев, Г.Ф. Дебец. – Москва: Наука, 1964. – 128 с.

Ганецкая І. Археалагічныя даследаванні вакол касцёла Божэга Цела ў Нясвіжы // Матэрыялы па археалогіі Беларусі – вып. 14 – 2007 – С. 181-200.

Герасимов, М.М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек) / М.М. Герасимов // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. – Т. 28. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с. Mann R.W., Hunt D.R. Photographic regional atlas of bone disease. Springfield, C.C. Thomas, 2012. P. 416.

Waldron T. Paleopathology. Cambridge University Press, 2009. P. 279.

Антропология детей метисного происхождения

Перевозчиков И.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва, Россия

Дети – метисы между большими расовыми подразделениями начиная с работы Ч. Давенпорта [Davenport, 1913] изучались неоднократно и с самых различных позиций. Эти работы показали, что самые разнообразные комбинации родительских пар дают плодовитое потомство и так называемый генетический «груз» у них не превышает таковой в несмешанных популяциях. Тем не менее, в процессе индивидуального развития метисные дети могут иметь своеобразные черты в разных возрастных периодах. Это касается как скоростей роста, так и своеобразного сочетания признаков, чаще всего связанного с эффектом доминантности.

Ключевые слова: антропология, метисы, дети, онтогенез

Введение

Смешением можно назвать скрещивание линий, пород, подвидов (рас) или даже видов, которое дает плодовитое потомство. Это потомство может быть названо помесным или смешанным, если мы будем использовать русские слова. Смешение можно синонимически обозначать гибридизацией (имея в виду ее внутривидовой вариант) или метисацией, а потомство – гибридным или метисным, если использовать более интернациональные термины.

Генетические и фенотипические последствия смешения фактически противоположны действию инбридинга. Если инбредные линии, происходящие от одной базовой популяции, начинают скрещиваться, то происходит рост гетерозиготности; показатели, понизившиеся в результате инбридинга, дают повышение. Мера этих изменений зависит от степени доминантности и величины различий в частотах генов (точнее квадрата их разницы, что пропорционально коэффициенту инбридинга). Это отклонение средней величины признака в первом поколении гибридов от среднеродительской Д. Фальконер и называет гетерозисом. Величина гетерозиса во втором гибридном поколении вдвое меньше, чем в первом, т.е. средние величины в популяции гибридов приближаются к среднеродительским. Отчасти этот процесс скрадывается материнским эффектом, который начинает действовать со второго поколения скрещивания. При таком подходе инбредная депрессия и гетерозис (часто называемый гибридной силой) являются следствием эффекта доминирования. Так как это рассуждение верно и для одного локуса, и для полигенных признаков, а доминирование может быть связано с изменением величины признака в разных направлениях (+ и -), то отсутствие гетерозиса в полигенных признаках еще не означает отсутствия доминирования в отдельных локусах [Falconer, 1961].

Но часто под гетерозисом понимают несколько иное явление. Его определяют как «... величину, на которую среднее значение признака в поколении F1 превышает значение этого признака у лучшего из родителей» [Мазер, Джинкс, 1985]. При такой ситуации часто применяется термин «сверхдоминирование», означающий преимущество гетерозиготы над обеими гомозиготами. Существуют различные гипотезы о механизме возникновения сверхдоминирования [см., например, Филатов, 1988]. Некоторые из них следующие: гетерозигота имеет преимущество над обеими гомозиготами в результате межallelной комплиментации; аллели имеют разные функции и гетерозигота обладает обеими; при отсутствии доминантности гетерозигота имеет два пути синтеза, что делает ее более гибкой; гомозигота по одной аллели производит много, а по другой мало, гетерозигота дает оптимум; гетерозигота, кроме родительских белков, производит еще и новые, «гибридные». Предполагается, что сходный эффект могут давать и неallelные взаимодействия, когда в гибриде объединяются доминантные аллели и маскируют рецессивные.

Гетерозис иногда подразделяют на связанный с общей приспособленностью (эугетерозис по Т. Добжанскому) и гетерозис, приводящий к избыточному развитию какой-либо особенности.

Из вышеизложенного очевидно, что гибридизация и сопровождающие ее эффекты могут оказать значительное воздействие на гибридное поколение. Увеличивается гетерозиготность, полиморфизм, изменяются комплиментарные взаимодействия внутри и между локусами, на уровне физиологических процессов может происходить усиление слабого звена [Филатов, 1988].

Если мы рассмотрим последовательный ряд гибридных поколений, то здесь могут быть свои особенности. Во-первых, в F1 наибольшее значение имеют внутрилокусные межallelные отношения, а в последующих поколениях в результате рекомбинационного процесса определенное значение могут приобрести межлокусные взаимодействия. Теоретически гетерозисные явления наиболее сильно должны быть выражены в F1, но изменчивость в этом поколении не должна превышать таковую в родительских линиях (популяциях). Со второго поколения, когда начинается процесс расщепления ядерных генов, гетерозисные явления должны уменьшаться, а изменчивость нарастать.

Все эти теоретические предположения нуждаются в практических исследованиях. Задача данной работы – рассказать о некоторых из них.

Исследования

В 1913 г. была опубликована работа американского антрополога и генетика Чарльза Девенпорта «Наследование цвета кожи в негро-белых скрещиваниях» [Davenport, 1913]. Исследование проведено на Бермудских островах и острове Ямайка. Всего рассмотрено 108 генеалогий и сделаны определения у 631 потомка от различного типа смешанных браков от родителей европеоидов, негроидов и метисов. Кроме проблемы, указанной в названии, в ней приведены и данные по наследованию цвета глаз и волос и формы волос. Основу работы представляет анализ результатов от различных типов скрещиваний в семьях. Основные выводы Ч. Девенпорта, которые были в дальнейшем подтверждены, следующие: окончательная мера пигментации кожи устанавливается в пределах от нескольких недель после рождения до полового созревания; метисы плодовиты не менее чем исходные расы, генетические факторы цвета кожи не сцеплены с полом, доминирования по цвету кожи нет; курчавоволосость доминантна, у прямоволосых родителей дети только с прямыми волосами. У метисов есть корреляция (0,44), цвета кожи и цвета волос и нет корреляции между цветом кожи и формой волос. Анализируя семейные материалы, он обратил внимание на положительную асортативность в браках по цвету кожи, т.е. цвет кожи родителей, как правило, близок. Он также рассматривал проблему появления ясно выраженных исходных вариантов в чреде поколений и показал, что к четвертому поколению обратных скрещиваний на один из родительских типов окраска кожи другого типа не появляется.

Работа по метисам была продолжена. В 1929 году появилась фундаментальная работа Ч. Девенпорта и М. Стеггарды «Расовое смешение на Ямайке» [Davenport., Steggerda, 1929]. Было обследовано по сто человек взрослых (поровну мужчин и женщин) негров, белых и метисов между ними и 1462 детей. Из них 565 негритянских детей, 694 ребенка от смешанных браков (по терминологии исследователей «коричневых») и 206 европеоидов. Программа обследований была чрезвычайно обширна: антропометрия, дерматоглифика, физиология, психологическое тестирование, группы крови системы АВО. Помимо этого, изучались генеалогии и проводилось фотографирование, что к тому времени стало традицией в работах по метисным группам. Приведем те выводы авторов, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме (дети). Возраст обследованных детей 7–15 лет.

Различий в ростовых процессах по основным тотальным размерам (длина тела, вес, окружность груди, рост сидя) не обнаружено.

Известная относительная длинноноготь негров хорошо выражена и у детей. Метисные дети по этому признаку близки к негритянским. По абсолютной и относительной длиннорукости негритянские дети и метисные дети сходны и заметно отличаются от европеоидных детей, у которых руки короче. По продольному и поперечному диаметрам головы негритянские дети и метисные также очень близки и отличаются от европеоидных в сторону большей долихокрании.

Три крупных исследования были сделаны по так называемым «метисам войны», т.е. когортам населения, возникшим в результате смешения коренного населения (как правило, его женской половины) с мужчинами оккупационных войск. Именно так и называется монография итальянских исследователей Л. Гедда, А. Серियो и А. Меркури (Gedda, Serio, Mercuri, 1960): «Метисы войны». В работе приведены результаты исследования 44 детей (в возрасте от 8 до 12 лет) от «цветных» солдат американской армии и итальянок. Основные выводы следующие: курчавоволосость – доминантное состояние, толстые губы так же показали эффект доминирования над тонкими, но не полный, та же ситуация в отношении уплощенного переносья над высоким. Цвет кожи, измерительные признаки головы и лица, размер и форма уха показали промежуточный тип наследования. Некоторые признаки обозначили гетерозисные явления. Итальянские исследователи пишут о морфологическом гетерозисе в длине и весе тела, росте сидя, в обхвате груди и длине стопы, а также ауксологическом гетерозисе, выразившимся в более быстром созревании костной ткани у метисов, по сравнению с европеоидами.

Группой французских исследователей было изучено около 400 детей от французских (по большей части) отцов и вьетнамков [Olivier, Hiernaux, Heintz, Ignzi, 1967]. Большая часть обследованных принадлежит к первому поколению смешения, но 40 детей принадлежало ко второму поколению, из них 33 к возвратным скрещиваниям с французами. Возраст детей – от 5 до 15 лет. Программа исследований включала антропометрию, дерматоглифику и группы крови. В целом метисы первого поколения занимали промежуточное (близкое к среднему) положение между родительскими группами. Бэкрессы второго поколения давали, более менее, пропорциональный сдвиг в величинах признаков. Например, у метисов F1 монголоидов с европеоидами и негроидами эпикантус отсутствует в 50% случаев, у F2 с французами он отсутствует в 65%, а у F2 с вьетнамцами в 15% случаев. Очень темные волосы у французов составили 3,5%, у вьетнамцев – 75%, у метисов F1 – 45% , у бэкрессов F2 с французами – 25%, а с вьетнамцами – 45%. Дерматоглифические признаки и групповые факторы крови вели себя сходным образом, существенно отклоняясь в признаках с доминированием. Были рассчитаны коэффициенты сопряженности между некоторыми расоводиагностическими признаками по французским, франко-вьетнамским и афро-азиатским детям. Многие значения оказались статистически достоверными. В первую очередь это касалось признаков пигментации кожи, глаз и волос. Форма волос достоверно была связана с цветом кожи и цветом волос только у метисов. Эти данные несколько противоречат данным Девенпорта. Эпикантус у метисов с формой волос связан не был, но достоверно был связан с пигментацией.

Серия работ по детям (около 100 человек) от военнослужащих американской оккупационной армии и японок была опубликована различными японскими исследователями [см. например: Suda, 1968; Hoshi,

1970; Hoshi, 1973; Suda et al., 1973; Kimura, 1976]. Так как военнослужащие американской армии имели смешанный расовый состав, то результаты разделены на европеоидно-монголоидные и негроидно-монголоидные скрещивания. Японские исследователи в первую очередь обратили внимание на процессы индивидуального развития. Они отметили у метисных детей быстрый подростковый спурт (ауксологический гетерозис). В целом метисы имели промежуточные величины между родительскими группами, но были несколько ближе к японским детям (видимо проявление материнского эффекта). По отдельным признакам (ширине плеч, ширине носа) они были более похожи на белых и негров. Авторы предполагают возможность доминирования монголоидных факторов в большинстве метрических признаков. 93% гибридов с белыми имели прямые волосы и 60% с неграми имели курчавые волосы. У громадного большинства цвет волос был темный, отдельные случаи несколько более светлых волос с возрастом темнели. У метисов с белыми американцами глаза были светло-карие, но иногда в радужине встречались голубые пятна. У части метисов с белыми американцами цвет кожи с возрастом светлел, но у некоторых оставался характерным для японцев. Кожа большинства негро-японских гибридов с возрастом темнела, но опять же у некоторых была практически того же цвета, что и у японцев.

С 1965 г. стали публиковаться результаты двух крупных программ по исследованию детей-метисов на Гавайях [Morton, Chang, Mi, 1965, 1967] и в северо-восточных районах Бразилии [Krieger, 1970]. Исследовались новорожденные для выяснения воздействия межрасового смешения на появление у них патологических состояний и различных аномалий, определялись также некоторые антропометрические признаки и демографические характеристики. На Гавайях было всего изучено около 18000 медицинских карт новорожденных за период с 1948 г. по 1958 г. В Бразилии было изучено около 8500 новорожденных. Гавайские данные были разделены на 7 этнорасовых групп (европеиды, филиппинцы, китайцы, гавайцы, пуэрториканцы, корейцы) по принадлежности родителей и 21 вариант комбинаций сочетаний родителей разных этнорасовых групп. Все новорожденные принадлежали к F1. В Бразилии это были, как правило, тригибриды между негроидами, американскими индейцами и европеоидами и принадлежали они к более отдаленным поколениям от начала смешения. Результаты обоих исследований совпали. Частоты серьезных дефектов развития и отклонения от нормы в физическом развитии и в других показателях не превышали таковые в несмешанных группах и обычно не превышали случайно ожидаемых величин. Авторы делают вывод, что некоторое увеличение гетерозиготности, которое можно ожидать у межрасовых метисов, не влияет на приспособленность. Учитывая тот факт, что частота многих аномалий растет в инбредных группах, авторы делают предположение об их мутационном, а не сегрегационном происхождении (т.е. это так называемый мутационный, а не сегрегационный груз). Иными словами, изучение популяций с повышенной гетерозиготностью может быть хорошим методом для определения происхождения некоторых дефектов развития.

Генный поток и доли участия родительских популяций в смешанной с помощью частот просто наследуемых признаков к настоящему времени определены во многих десятках популяций. Но в послевоенное время были продолжены, хотя и с меньшей интенсивностью, работы по количественным признакам у метисов, в том числе и по расоводиагностическим. Р. Сингер и К. Кимура [Singer, Kimura, 1981] провели сравнение индивидуального развития детей готтентотов и бастардов (под бастардами в Южной Африканской республике понимаются популяции потомков от браков европейцев и представителями койсанской расы) по трем признакам: длине и весу тела, скелетному возрасту. До 4-х лет готтентоты обгоняли бастардов, но в дальнейшем они выравнивались и к 12 годам бастарды обгоняли готтентотов, а к 20 годам они сравнивались с белыми и неграми США. Правда, авторы отмечают лучшие социальные условия жизни бастардов. Авторы делают предположение, что до полового созревания на развитие больше влияют средовые, а после него – наследственные факторы. Между прочим, к такому же выводу пришли и японские исследователи на материалах по японо-американским метисам.

Индивидуальному развитию детей в ЮАР посвящена и работа Э. Левина [Levin, 1972]. При определении костного возраста методом радиографии автор получил значительное сходство белых и индусов ЮАР, которые опережали «цветных» (под «цветными» в ЮАР понимается сборная группа метисов европеоидов и темнокожего населения) и негров. Различия между последними были недостоверны. Автор полагает, что в данном признаке есть расовые различия (негры обычно опережают белых в ранних возрастах, примерно до двух лет, а затем начинают отставать).

Заключение

- Скрещивание самых различных по происхождению популяций человека не имеет биологических ограничений и не влияет на плодовитость у метисов. Метисация не приводит также к увеличению частоты наследственных аномалий
- Реальных доказательств гибридной силы (сверхдоминирования) в человеческих популяциях не получено, но эта проблема трудна для изучения из-за трудности учета средовой компоненты. Собственно гетерозисные явления за счет эффекта доминирования (отклонения от средней величины признака между значениями родительских популяций) или преимуществ гетерозиготности отмечались разными исследователями, но влияние их на фенотип незначительно.
- Несмотря на существующие мнения о возможном морфологическом гетерозисе у метисов и метисных детей, достоверных доказательств этому не обнаружено. Ауцологический гетерозис у метисов, видимо, реальный феномен, что подтверждает мнение тех исследователей, которые полагают рассматривать расовые различия по некоторым признакам, как следствие различий в генах регуляторов.
- В постнатальном онтогенезе метисных детей и подростков наблюдается своеобразное положение кривой роста при сравнении с детьми в популяциях доноров. Метисные дети в разных возрастах по своему физическому развитию больше похожи на детей то одной, то другой популяции «донора».

Библиография

- Мазер и Джинкс Биометрическая генетика. М., 1985
- Филатов Г.В. Гетерозис. Физиолого-генетическая природа. М., 1988.
- Davenport C.B. Heredity of skin color in negro-white crosses. Washington, 1913. 106 p.
- Davenport C.B., Steggerda M. Race crossing in Jamaica. Washington, 1929. 395 p.
- Falconer D.S. Introduction to quantitative genetics. New York, 1961, 363 p.
- Gedda L., Serio A., Mercuri A. Meticciano di Guerra. Roma, 1960. 398 p.
- Hoshi H. Longitudinal observation on the metric characters of the face in Japanese-American hybrids with special reference to the genetic relation between hybrids and their parental populations// Hum. Biol. 1973. V.45.
- Hoshi H. Physical growth of Japanese-American hybrids from 6 to 15 years of age with special reference to genetic-environmental relationships// Monogr. Soc. Res. Child Developm. 1970. V.35.
- Kimura K. On the skeletal maturation of Japanese-American white hybrids// Am.J.Phys. Anthropol. 1976. V.44. N 1.
- Krieger H. Racial admixture effects in north-eastern Brazil// Ann. Hum. Gen. 1970. V.33.
- Levin E. The skeletal development of children of four South African populations. Human biology, v.44, N 3, 1972, 399-412.
- Suda A. Introduction to our Anthropological studies on the Japanese-American hybrids// J. Anthropol. Soc. Nippon. 1968. V.73.
- Suda A., Hoshi H., Eto M., et al. Longitudinal observation on the anterior trunk height, iliospinal height, biacromial breadth and bicristal breadth of Japanese-American hybrids from 6 to 15 years of age// J. Anthropol. Soc. Nippon. 1973. V.81.

Предварительные итоги антропоэкологической экспедиции 2018 г. в Республику Тыва

Бацевич В.А.¹, Березина Н.Я.¹, Вагнер-Сапухина Е.А.², Маурер А.М.¹, Машина Д.А.¹,
Апалькова Ю.И.³

¹МГУ имени М.В.Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва, Россия

²МГУ имени М.В.Ломоносова, Биологический факультет, Москва, Россия

³Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Работа посвящена описанию предварительных итогов антропоэкологической экспедиции 2018 г. в Республику Тыва, проведенной сотрудниками Института антропологии МГУ при участии аспирантов Биофака МГУ и Института этнологии и антропологии РАН. Ряд экспедиционных выездов планируется в дальнейшем для мониторинга адаптивных изменений у коренного тувинского населения, прошедших со времени первых исследований 1976-1979 гг. По комплексной антропоэкологической программе, включающей сбор данных по морфологии головы и тела, антропологической фотографии, рентгенографии и морфометрии кисти, обследовано 240 человек взрослых и 414 школьников 6-17 лет в г. Кызыле.

Ключевые слова: тувинцы, антропоэкология, морфология головы и тела, рентгенография кисти

В 1976-1979 гг. сотрудниками НИИ антропологии МГУ под руководством Т.И. Алексеевой было проведено комплексное экспедиционное антропоэкологическое обследование коренного населения в четырех районах (теперь – кожунах) Тывы–Дзун-Хемчикском, Тоджинском, Монгун–Тайгинском и Эрзинском. Впервые были собраны данные о морфофизиологическом статусе сельского коренного тувинского населения в различных географических и климатических зонах Республики Тыва. В программу исследований входили: антропологические измерения головы и тела (около 50 признаков), антропологическая фотография, оссеография кисти, дерматоглифика, общий анамнез, физиологические показатели (определялась скорость кровотока, кровяное давление, минерализация скелета и др.), элементы демографии, сбор образцов волос.

Этот регион был выбран для определения биологических характеристик в популяциях, сформировавшихся у человека в условиях резко выраженного континентального климата. В результате сравнительного анализа полученных данных было установлено, что ведущими факторами среды на этой территории являются холодовой стресс, высота над уровнем моря и количество осадков. В ходе проведенных исследований был выявлен и описан соответствующий морфофизиологический комплекс, присущий коренному населению [Антропоэкологические исследования в Тыве, 1984; Антропоэкология Центральной Азии, 2005].

Рис. 1. Кефалометрия

Биологическая и культурная адаптация в рассматриваемых популяциях складывалась в течение длительного времени. Об этом свидетельствуют закономерные географические вариации черт строения тела и функциональных признаков, структура генофонда, тип хозяйства [Алексеева, 1986, 1998].

В современных условиях, при относительной стабильности природных факторов, в тувинских группах происходит трансформация образа жизни в результате таких, инициированных социальными процессами явлений, как урбанизация, миграции, смена традиционного рода занятий, типа питания и др. [Анайбан, 2010].

Переход в новую экологическую нишу требует новой адаптации. Темпы изменений могут быть разными на разных территориях в Тыве в зависимости от степени и скорости нарушений гомеостатических связей, а стрессовые биологические реакции могут проявляться уже на протяжении жизни одного поколения. При слишком быстрых изменениях приспособительный процесс вызывает большое напряжение. В результате в популяциях меняются: морфологические и физиологические особенности (изменение тотальных размеров тела, излишнее накопление жировой ткани в одной части популяции и одновременно астенизация в другой); демографические показатели; эпидемиологические характеристики (уровень заболеваемости, вклад различных классов болезней). Наиболее важным признаком нарушения баланса со средой обитания, по данным наших исследований, является изменение темпов онтогенеза на всем его протяжении (ускорение созревания и развития у детей, старения у взрослых) и связанные с этими процессами модификации морфологических характеристик в популяциях.

Фото 2. Биоимпедансный анализ

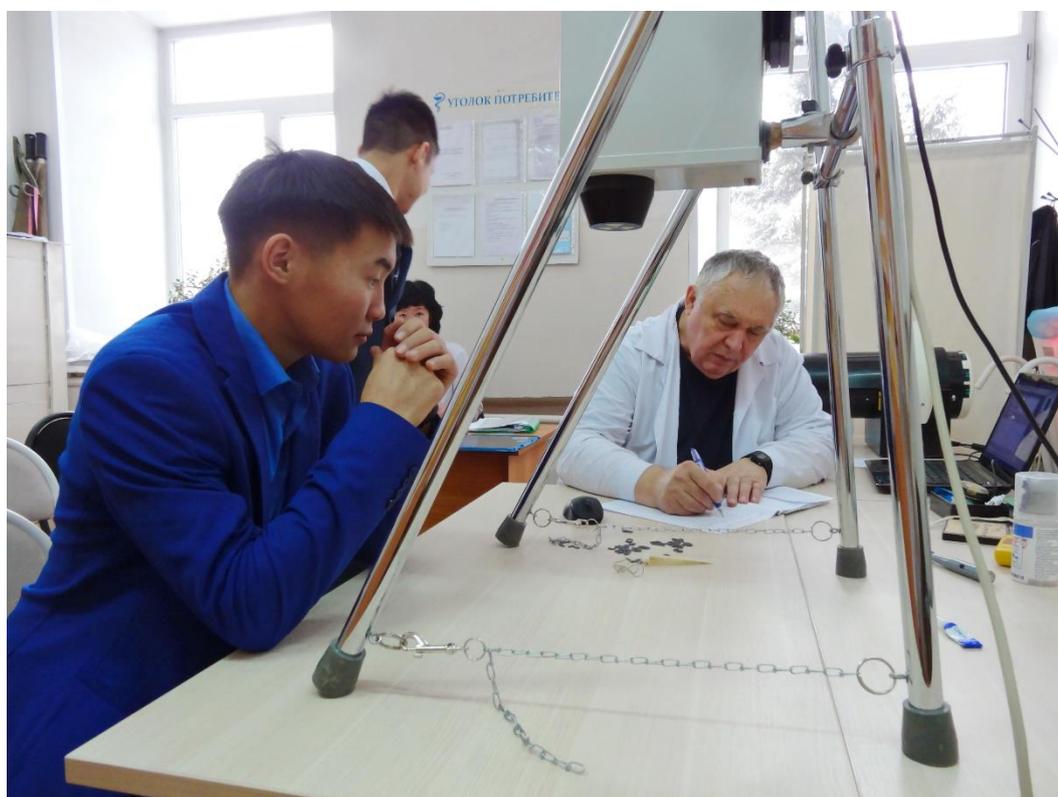

Фото 3. Сбор оссеографических данных

Фото 4. Морфологические измерения

В связи с наблюдаемыми экологическими изменениями на территории Республики Тыва, особую актуальность приобретает проведение повторных антропоэкологических исследований в тех же самых районах Республики Тыва и в г. Кызыле для оценки степени и направления адаптивных изменений в современных тувинских популяциях при модификации социально-экономических условий жизни. Практическая оценка степени адаптации в различных популяциях и динамика её изменений позволит прогнозировать также и общее состояние здоровья коренного населения Тывы в обследуемых районах на всех этапах онтогенеза. Полученные новые данные позволят оценить риски распространения дезадаптивных состояний в группах, переходящих от традиционного к модернизированному образу жизни для разработки программ сглаживания этих процессов.

Основная гипотеза исследований: стабильность темпов онтогенеза и морфогенеза, а также скорость их изменения является индикатором степени адаптивности современных популяций.

В октябре–ноябре 2018 г. при поддержке гранта РФФИ проведены антропоэкологические исследования взрослого и детского тувинского населения школьного возраста в г. Кызыле. В состав экспедиции вошли сотрудники НИИ антропологии МГУ и аспирантки Биологического ф-та МГУ и Института этнологии и антропологии РАН. Все участники экспедиции входят в состав соавторов настоящего сообщения.

Планируемое до экспедиционного выезда обследование населения Тоджинского района пришлось перенести на следующий год в связи с объективными обстоятельствами. Из-за осеннего обмеления р. Бий-Хем закрылась паромная переправа около с. Тоора-Хем. Перевозка людей и оборудования на лодках по реке могла сопровождаться большим риском из-за образовавшейся поверхностной шуги в связи с устойчивым понижением температуры воздуха.

Программа обследования, по сути, повторяла ту, по которой были собраны данные в 1976-1979 гг. Из нее были исключены части, мало связанные с временной и экологической изменчивостью населения или требующие особых условий сбора и обработки данных, в том числе этических и организационных (дерматоглифика, сбор образцов крови и волос и др.). Дополнительно в программу был включен биоимпедансный анализ для расширенного изучения состава тела человека, организован сбор данных по кистевой динамометрии, измерению дистальных отделов кисти руки, возрасту наступления Ме. Все исследования выполнялись только с добровольного согласия участников или их родителей, которые заполняли и подписывали форму «Согласие добровольца».

В г. Кызыле антропоэкологические исследования были проведены среди студентов Тувинского государственного университета, обучающихся на разных факультетах на 2–4 курсах. Всего обследовано около 240 человек обоего пола. По месту рождения они представляли практически все районы Тывы, но преобладали юноши и девушки из центральных кожуунов, к западу от г. Кызыла, с большой численностью населения (например, Дзун-Хемчикский кожуун). Крайние районы, в том числе планируемые к обследованию в настоящем проекте (Тоджинский, Монгун-Тайгинский р-ны), представлены слабо, вплоть до единичных представителей. В подавляющем большинстве все студенты относились к титульному этносу.

Фото 5. Антропологическая фотография

Фото 6. Морфометрия кисти

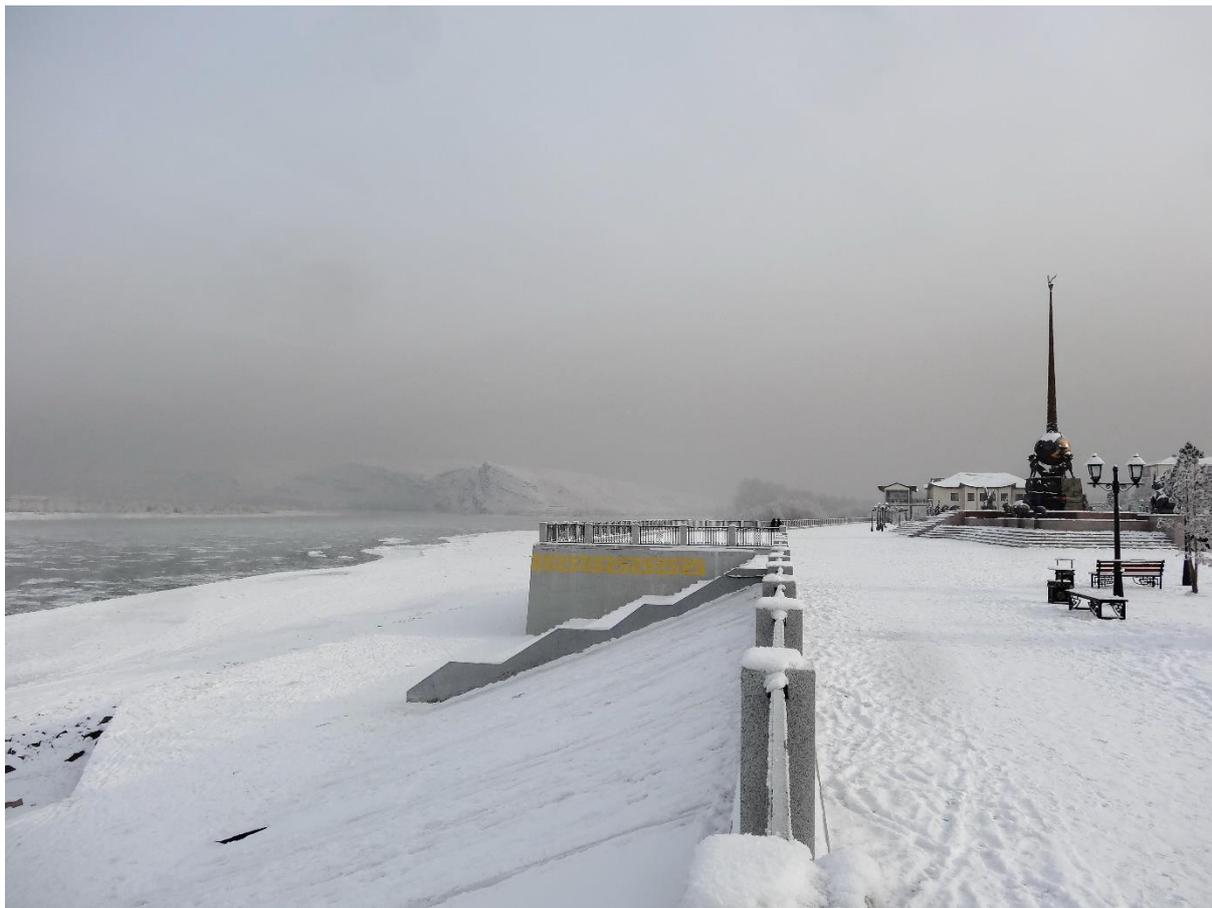

Сбор антропологических данных у тувинских детей 6-17 лет проходил в национальной школе № 2 г. Кызыла. Численность обследованных по разным программам немного варьировала. Минимум составил 414 человек обоего пола по морфологической программе. Обследованное детское население не является в полной мере городским. Предварительный анализ анкет показал, что подавляющее большинство детей родились в сельской местности или в городе после миграции родителей из сельской местности. Таким образом, основной контингент школьников представляет собой первичное мигрантное население г. Кызыла. Этнический состав учащихся практически однороден, это тувинцы. Представители других этносов (русские, монголы, киргизы и метисы) составили менее 10 человек.

В настоящий момент материалы находятся в обработке. Составляются базы данных по морфологическим признакам тела и головы, биоимпедансному анализу, обрабатываются фото и рентгеновские материалы. Планируемый объем экспедиционных работ на 2018 г. выполнен полностью.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-09-00417\18.

Фото 7. Набережная р. Енисей в г. Кызыле. Шуга на реке

Библиография

Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М.: Изд-во МГУ, 1986. 216 с.

Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли (биологические аспекты). М.: МНЭПУ, 1998. 279 с.

Анайбан, З.В. Социальная адаптация населения Тувы к современным экономическим преобразованиям / З. В. Анайбан // Управление ресурсным потенциалом регионов на базе геоинформационных технологий. – Кызыл, 2010. – С. 45-52.

Антропо-экологические исследования в Туве. М.: Наука, 1984. 225 с.

Антропоэкология Центральной Азии. М.: Научный мир, 2005. 368 с.

О НАШИХ СТАРШИХ

Поклон через годы

Великанова М.С.

Автор статьи – Марина Святославовна Великанова – отечественный антрополог. Сфера научных интересов - этническая история древнего населения Молдавии и сопредельных областей по данным антропологии. В 1950-1955 гг. – студентка кафедры антропологии биолого-почвенного факультета МГУ, в 1955-1994 гг. младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник ИЭ АН СССР. В 1975-1982 гг. член Научного совета «Происхождение молдавского народа и славяно-молдавские связи» при Отделении общественных наук АН Молдавской ССР. С 1995 г. на пенсии [<http://ethnographica.kunstkamera.ru>. Электронный ресурс, 9 мая 2017 г., 21:57:30]. Статья содержит воспоминания Марины Святославовны о годах учёбы в Московском университете и начале научной карьеры, о важных событиях и людях, с которыми посчастливилось общаться автору. Марина Святославовна с большой теплотой вспоминает своих преподавателей, как антропологов, так и других биологических специальностей, коллег, среди которых прошли её первые годы работы, сокурсников, впоследствии ставших знаменитыми биологами: Михаила Антоновича Гремяцкого, Марию Александровну Зотову, Якова Яковлевича Рогинского, Зинаиду Сергеевну Никольскую, Михаила Федоровича Нестурха, Георгия Францевича Дебеца, Максима Григорьевича Левина, Петра Николаевича Башкирова, Михаила Васильевича Игнатьева, Александру Васильевну Пугачеву, Марка Соломоновича Плисецкого, Михаила Михайловича Герасимова, Михаила Исааковича Урысона, Лёлю Хрисанфову и Таню Белову [Елена Николаевна Хрисанфова и Татьяна Ивановна Алексеева, прим. ред.]; Отто Николаевича Бадера и его семью (археология), Льва Александровича Зенкевича, Георгия Георгиевича Абрикосова, Владимира Александровича Свешникова (зоология беспозвоночных); Василия Александровича Ракова (зоология позвоночных); Даниила Александровича Транковского, Ирину Александровну Борзову, Нину Викарьевну [Самсель, прим. ред.], Юрцева Бориса Александровича (ботаника); Григория Иосифовича Роскина (гистология); Николая Андреевича Перцова (создатель Беломорской биологической станции) и др.

Ключевые слова: МГУ Биолого-почвенный факультет, антропология, историография

Когда-то, отвечая на вопросы анкеты для книги о судьбах своего университетского курса [«Автопортреты...», 2000], я написала: «Застали мы все-таки серебряный – или золотой? – век русской биологии» (сейчас у меня эта нота колебания не прозвучала бы – несомненно, золотой!). Имела я в виду тогда – и сейчас – не время, конечно, оно совсем, как известно, не было таковым, а людей, окружавших нас в Университете, особую атмосферу создаваемую ими и питающую нас...

И мне захотелось здесь, с давней и неизменной благодарностью, вспомнить-помянуть их – наших университетских учителей, наших, как я их называю, «старших». При этом, естественно, не касаясь их весьма плодотворной научной деятельности. Об этом известно значительно больше, чем я могу сказать в коротких строчках, часто это были ученые с мировым именем. Замечу в скобках, что поскольку основа воспоминаний – личные впечатления, неизбежно немало строк будет относиться и к собственной персоне.

Хочу вначале добавить, что свою долю в особую университетскую атмосферу вносила и сама альма-матер, эти старые здания на Моховой и улице Герцена, сохранившие приметы и дыхание прежних времен. С первых шагов – буквально! – поражал необычный пол парадного входа главного корпуса, выложенный узорчатыми чугунными плитами, казавшимися неподвластными времени, вечными... В отличие от ведущей к этому вестибюлю лестницы, камень которой был так стерт, что ступени уже «стекали» одна на другую, и невольно думалось о бесчисленных множествах наших предшественников, всходивших когда-то по этим ступеням. А теперь и тебя они вносили вверх, и нетленный узорчатый ковер устилал твой путь в Университет, настраивая на верность его устоям...

Не могла не вспомнить это одно из своих самых первых впечатлений – о «недвижимой» составляющей университетского мира. Но возвращаясь к главной составляющей – живым людям – нашим учителям. Это были люди совсем иной породы, чем те с которыми мы так или иначе чаще всего соприкасались раньше. Они запечатали в себе другую эпоху, которой мы совсем не знали. О том, что это были истинные интеллигенты, и говорить не приходится. И находясь годами в среде этих людей, мы сами не могли – даже невольно – не впитать кто больше, кто меньше, это уже уходящее свойство прежней российской духовной элиты. И относилось оно в целом не только к старой профессуре, читающей нам лекции, но и к скромным младшим преподавателям и лаборантам, ведущим практикумы.

Должна сказать, что вспоминаю и пишу именно и только о таких людях, личностях высокого нравственно-духовного и научного уровня. Естественно, что были в те годы помимо них и совсем иные лица, иногда просто антиподы. Но к счастью, их присутствие не оказалось для нас определяющим в основной атмосфере университета и следа в памяти не оставило.

Сначала о наших общих, внекафедральных, наставниках.

...Первый учебный день, первая лекция – зоология беспозвоночных. В ожидании ее начала Большая зоологическая аудитория бурлит первокурсниками. И вот в распахнутую дверь стремительно входит высокий, крупный, с великолепной осанкой и красивой посадкой откинутой назад головы, словом, необыкновенно «породистый» человек. Это Лев Александрович Зенкевич. Белый халат распахнут и кажется, развеивается на быстро – несмотря на величественность – двигающейся у доски фигуре. Учебные плакаты со схемами и картинками во множестве развешаны, но лектор еще постоянно пишет и рисует цветными мелками на доске, иллюстрируя свой рассказ. Прекрасный русский язык звучит в аудитории, картины мира почти неведомых нам ранее, хотя и рядом живущих земных существ раскрываются перед нами...

Но что мне эти беспозвоночные? Разве ради них пришла я на биофак? Однако ведь слушаю с неотрывным вниманием и большим интересом. За считанные минуты лекции миропонимание желторотой студентки круто меняется... Тогда я еще не знала прозвучавшей некогда на факультете и ставшей крылатой фразы: «Земля стоит на трех китах, а биофак на трех львах: Льве Зенкевиче, Льве Кирсанове и Льве Кречетовиче». Точный и красивый афоризм!

Часть курса беспозвоночных позже читал Георгий Георгиевич Абрикосов. Совсем другой, нет и следа «львиного» величия. Высокий, худощавый, очень подвижный, легкий. Еще присутствовали артистичность, обаятельность... Таким я могла представить себе жюль-верновского Паганеля. А лекции были не менее блестящи и увлекательны, чем у Зенкевича. Во время же экзаменов выявились такие замечательные, особенно для нас студентов, свойства Георгия Георгиевича, как доброжелательность и

великодушие. Всем своим видом, движениями, мимикой он, казалось, старался помочь сидящему перед ним волнующемуся первокурснику...

Неожиданно увлекательными оказались и лекции по анатомии человека. Внешний облик лектора, Михаила Антоновича Гремяцкого, не предвещал особого интереса. Умеренно плотная фигура, темно-синий костюм украшен значком лауреата сталинской премии, все венчает голова – куполом, без единого волоска. Голос несколько скрипуч, негромкая речь монотонна... Но внимание и интерес привлекались быстро. Не было узкого круга сухой анатомии, он был расширен множеством интересных отступлений и деталей, например, об особенностях строения тела разных народов мира и т.д. Лекция расцвечивалась неожиданными для строгого изложения сентенциями. До сих пор, вспоминая Михаила Антоновича, слышу, как неторопливо, как-то даже безучастно, произносит он на лекции о строении лицевого скелета фразу, многим запомнившуюся: «Потеря носа наносит непоправимый ущерб красоте лица». Звучало немало, порой рискованных, анатомо-физиологических «перлов», мгновенно оживляющих было задремавшую аудиторию. Уже позже стало известно об уникальной энциклопедичности познаний М.А. ... Более подробно о Михаиле Антоновиче как руководителе кафедры антропологии пишу дальше.

О Данииле Александровиче Транковском основное воспоминание – сдача ему экзамена по анатомии растений. Я, кажется, неплохо подготовилась, все поначалу шло хорошо, я вполне бойко говорила о сосудистой системе высших растений. Профессор слушал доброжелательно и ободряюще. Но в конце задал простенький вопрос, на котором я споткнулась. Непонятно почему, ведь я интересовалась и любила ту латынь, которая давалась нам почти в каждом изучаемом курсе. Но как звучит по-латыни «сосуд» я не знала. Последовала сцена, которую я запомнила на всю жизнь. Мой экзаменатор так хотел помочь мне! «Вы ведь варите летом варенье?» Я с недоумением, но подтвердила. «И в чем вы его подаете на стол?». Даниил Александрович улыбался, радуясь своему хитроумию – сейчас это растерявшаяся первокурсница произнесет нужное слово. Но студентка тупо и подавленно пробормотала не то: «В банке...». «Но из банки вы во что-то его выкладываете?». «В розетки...» – шептала недогадливая студентка, понимая свой провал. Экзаменатор был явно огорчен: «А разве вазу вы не используете?»...

Не мог благополучный, видимо, в житейском плане профессор представить себе уровня жизни дома, где за время войны побился и тот небогатый запас посуды, которым молодая семья, не имея при сложении никакого приданого, с трудом обзавелась в предвоенные годы. И вазы на нашем очень простом столе отсутствовали! И то, что «сосуд» по-латыни называется «vas» я не догадывалась! Конечно, я и сразу была убита своим невежеством, но еще более, когда вылетев из аудитории и раскрыв зачетку, обнаружила в ней пятерку! Было очень стыдно. Но вскоре уже радовалась – пятерка была мне важна – и я была безмерно благодарна великодушному экзаменатору.

Надо сказать, что все они, наши профессора, были великодушны и либеральны, вероятно, эти качества входили в неписанный свод внутренних правил этих людей, которые будучи выдающимися учеными, были прежде всего интеллигентами и гуманистами высшей пробы.

Возвращаясь к конкретным именам, не могу не вспомнить Григория Иосифовича Роскина, читавшего нам курс гистологии. Артистичный, изящный внешне, он и свою речь строил подобным образом, и его блестящие лекции просто завораживали слушателей. Приводило в восхищение, когда в ответ какому-нибудь заумно-вопрошающему студенту звучало очень легко, даже как бы с удовольствием: «А вот на этот вопрос я ответить не могу!». Было ясно, что лишь богатейшая эрудиция позволяла с легкостью делать такое, обычно трудное, признание.

Кроме основных учителей, наших лекторов, запомнились и некоторые ведущие практиков. Резкая на первый взгляд – очень её боялись! – преподавательница физического практикума Эвгена Зелёная (постоянное зелёное узкое платье на худощавой фигуре дало прозвище несмываемое) в дальнейшем общении оказывалась вполне человеческой и терпимой к нам, неумехам...

Мария Александровна Зотова – тихая, спокойная, уютная, с милым круглым лицом и гладкой русоволосой причёской – вносила уют и в мрачноватые подвальные помещения на Моховой, где проходила анатомическая практика. Мы быстро перестраивались от первого впечатления – что на длинном столе, заваленном костями, ведь части когда-то живших людей. Теперь перед нами были лишь

учебные объекты, о строении которых – по-русски и по-латыни нам предстоит сдавать экзамен. Кроме того, интересно было узнавать о себе самих столько нового и любопытного, дотоле неведомого.

Вспоминается и Василий Александрович Раков. Его практикум по сравнительной анатомии позвоночных был как-то мало интересен, но зато преподаватель устраивал нам – антропологам второго курса – замечательные походы-экскурсии в подмосковные леса. Рассказывал много занимательного из жизни природы. Осенний лес в солнечные дни поражал своей красотой. Трудно сказать, что побуждало Василия Александровича к этим прогулкам с малознакомыми студентами чужой кафедры. Но благодарную память он заслужил...

Ирина Александровна Борзова – образец скромности и интеллигентности – вела практические занятия по высшим растениям. К гербарным листам прикасалась бережно и нежно, открывая нам во множестве его видов цветущий мир, который был вокруг нас, в нашей средней полосе, и который мы, оказывается, почти не знали.

Еще более расширяла наше представление о красоте близкого окружающего мира летняя практика в Турове. Здесь, на берегах Оки, нас встретило такое богатство дикого царства Флоры, которое трудно было и представить в наших широтах. Столько всего до тех пор неведомого цвело и благоухало вокруг нас в эти последние майские, затем июньские дни.

Неизгладимое – одно из самых ярких – впечатление: впервые увиденные лилово-серебристые крупные колокольчики сон-травы, густо усеивающие залитую солнцем сосновую опушку... О жизни в Турове можно писать отдельно и много... Это очень дорогое воспоминание...

... Водила нас на учебные ботанические экскурсии по бескрайним лесам и лугам и была всезнающим проводником в новых для нас сферах преподавательница с загадочным отчеством – Нина Викарьевна, фамилию, к сожалению, не помню. Маленькая, полноватая, казалась она нам по нашей юности очень пожилым человеком. Но и на самом деле была она немолода, однако вышагивала неумолимо и бодро; нам, уже уставшим к концу похода, теперь было нелегко поспевать за ней. Мужественно бродила по окрестным лесам и полям, посвящая нас в тайны зеленого мира. Знала она все о каждой былинке и травинке, и наиболее дотошные из нас едва успевали записать в блокнотик самое интересное.

Однажды наша группа заблудилась, окрестных лесов преподаватели не знали, практика в Турове была впервые и оказалась единственной. Наша предводительница оставалась бодрой, но считая себя ответственной, волновалась за нас, выдохшихся и проголодавшихся. К счастью, наконец, набрали на небольшой леспромхоз, где нам показали нужную дорогу, а в скучной лавочке обнаружилось съестное, что было редкой удачей. У Нины Викарьевны оказались с собой деньги, и она накупила нам чёрного хлеба – несколько буханок и большущий кулек сахарного песка. Как же мы уплетали эти ломаные ломти, посыпанные сахаром! Преподавательница счастливо улыбалась, глядя на свою оживающую команду...

... На занятиях в лагере Нина Викарьевна терпеливо и упорно учила нас засушивать гербарии, зарисовывать в альбоме растения. Рассказывала много историй из научной жизни старого поколения университетских ботаников. От нее мы услышали прелестное переложение пушкинского «Цветка» – на тему учёных споров о происхождении цветковых растений. Запомнилось лишь одно четверостишие:

*«... А юбиляр наш отрицает,
Что был ты стробил в утре дней.
Он синтелломами считает
Твой андроцей и гинецей...».*

Уже в Москве Нина Викарьевна взяла мою работу «Опыление шалфея», чтобы где-то опубликовать, и потом, отдавая рукопись обратно, очень извинялась, что не удалось... А мы, юные бездумные эгоисты не догадались собрать и отдать ей деньги за наше лесное кормление! До сих пор стыдно.

Зоологическую часть летней программы вел только что окончивший биофак, пройдя перед тем фронт и ранение, Владимир Александрович Свешников. Это была его первая педагогическая практика. Среди всех преподавателей он был самый молодой и самый красивый, неудивительно, что очень нравился

студенткам. Под их влюбленными взглядами он выглядел всегда смущённым. Возможно, застенчивость мешала тогда ему проявиться как преподавателю, во всяком случае, в такой роли он не запомнился. А может быть, мне, как и другим девушкам, просто хотелось смотреть на него, а вовсе не слушать о ручейных и озерных беспозвоночных...

Ещё один молодой питомец кафедры беспозвоночных, тоже пришедший на первый курс после армии и госпиталя, привлекал в те пятидесятые годы внимание студенческой братии. Это был Николай Андреевич Перцов, создатель Беломорской биологической станции, важной и уникальной составляющей части биофака. Очень популярную и любимую тогда ББС считали «жемчужиной, украшающей корону столичного университета».

Николай Андреевич был, насколько я знаю, связан со студенчеством в основном преподаванием на летних практикумах. Но примером своей жизни, своих дел и своей личности он учил ещё и другому. Энтузиаст и романтик, он являл собой пример бескорыстного служения во благо науки, отказавшись при этом от собственной научной карьеры. Это был пример и образец неутомимости, умения преодоления всех сложностей, умения при необходимости овладевать любой инженерно-рабочей специальностью, умения все уметь и все суметь и всякий труд принимать как радость. Жизнестойкость, жизнелюбие и жизнерадостность, а также абсолютная интеллигентность, сопровождались нетерпимостью ко всем худшим сторонам человеческого поведения.

За этим человеком хотелось идти. Он смог привлечь сотни добровольцев на строительство ББС – выделяемые университетом средства были мизерны. Строительные отряды формировались из студентов всех факультетов, работали и летом и в зимние каникулы. Их безвозмездными силами (лишь иногда приглашались профессионалы) под руководством директора – с его неизменно непосредственным участием своими руками! – было сделано невероятно много. Начиная от кладки высокоэкономичных печей и кончая проведением на станцию труднейших километров высоковольтной линии электропередачи и грандиозным возведением на скалистом грунте – в северной глуши, на Полярном круге! – трехэтажного кирпичного аквариального корпуса – морской лаборатории современного уровня, с аквариумом и всем необходимым для научной работы оборудованием и устройством. Проверочные комиссии принимали всё с высокой оценкой!

Мне пришлось, правда, очень немного, но все же поучаствовать в этом необыкновенном коллективном творчестве. Летом 1954 года я побывала на ББС. Заряжали мы тогда кислотой аккумуляторы для строившегося ветряка, предшественника будущей электролинии, разгружали длинной цепочкой от пирса до склада – из рук в руки – баржи с кирпичом... Было весело, хорошее настроение помогало совсем не уставать от работы. Тем более, что после нее нас ожидал уютный вечер, пели замечательные песни. Николай Андреевич играл на баяне – за отсутствием пианино, оно появилось позже.

А я знала его и раньше, до его поступления в университет. Был он тогда просто Колей Перцовым, или Николо Перцини – как звали его в нашей компании – в юности был поразительно похож на итальянца. Только что демобилизованный и проходивший нелегкое, уже амбулаторное, лечение в госпитале, был он, тем не менее, веселым и жизнерадостным человеком. Его постоянно жизнеутверждающей настрой и дружелюбие, наконец, просто человеческое обаяние, очень привлекали к этому юноше.

Уже тогда его отличала неутомимость, неуёмность в отношении планов и замыслов, которыми увлекал и друзей. Помню множество интересных, самых разнообразных походов, им организованных. Ни минуты не хотел он оставаться без дела, все лето перед первым курсом работал на общественных началах, помогая в научной работе на участках плодово-ягодной опытной станции (где мы тогда и жили), внося в это новое для него занятие разумную рационализацию и оживление. Много занимался в это время фотографией, и я была здесь целиком его ученицей, в том числе и в устройстве необходимой тогда фотокомнаты. Отлично, как и всё, что делал, Коля оборудовал на чердаке дома настоящую фотолабораторию, и я повторила вскоре этот опыт в своём чуланчике, все сделав своими руками, вплоть до проводки электричества... Подробнее об этом незабываемом человеке я пишу в книге «Читая старые письма. Семейная хроника» – М., 2014 г., в разделе о своем детстве.

... Возможно, из-за дружбы с Колей Перцовым у меня было особое отношение к кафедре зоологии беспозвоночных. Но эта кафедра и всеми ощущалась, как помнится, одной из главных или очень важных, может быть благодаря своему блестящему преподавательскому составу, яркой личности Л.А. Зенкевича. Я любила практикум на кафедре и под строгим оком Веры Александровны Броцкой очень старалась и тщательно зарисовывала объекты, которые мы рассматривали. Долго сидела у микроскопа или бинокулярной лупы и не успевала сделать подписи к рисункам. Да, по правде говоря, и не хотелось портить удачную картинку – рисовать я любила, писала хуже. Преподавательница возмущалась и не могла понять: «Рисунки прекрасные, но ведь незаконченные, почему?». Вера Александровна была строга, но справедлива и очень заботлива к нам, студентам...

Но особенно теплое и заботливое отношение к себе – это в основном и сохранила память – мы ощутили, когда выбрали для своего дальнейшего пути на факультете кафедру антропологии. Это произошло в начале второго курса, годом раньше, чем проходило распределение на все остальные кафедры. Мы тогда несколько обособились от курса – в связи с занятостью кафедральными предметами освобождались от некоторых общих лекций. Тем теснее становились наши новые, антропологические связи.

Кафедра по существу сливалась с Институтом и Музеем антропологии, в помещении которых она и размещалась. Собственно кафедральной была лишь одна небольшая аудитория, где по одной стороне массивного длинного стола рассаживалась наша группа, а преподаватель располагался напротив, в непосредственной близости к нам. За этим столом и лекции читались и проводились практические занятия. Нередко занимались за таким же столом в Музее. И близость «застольная» перерастала в близость человеческую. Нечто домашнее, семейное, вносил этот общий стол. Да и не только он. Всем коллективом, включая сторожей и уборщиц, давних и преданных, отмечались здесь праздники. Сидели в Музее, тоже за одним длинным столом, с нехитрым угощением, наблюдая с удовольствием разнообразные таланты в художественной самодеятельности своих студентов. Нередко фотографировались, также всем гуртом, и два старичка-сторожа – кажется, Павел Андреевич и Павел Семенович – торжественно восседали рядом с профессорами в первом ряду. Все это очень сближало младших со старшими...

Заведовал кафедрой М.А. Гремяцкий, но «главным» во всех отношениях для нас сразу стал Яков Яковлевич Рогинский.

... Тонкая, худощавая фигура, довольно высокий рост. Всегда строгий серый костюм, очень гармонирующий по цвету с коротко стриженной, еще густой, еще слегка волнистой, но уже основательно тронутой сединой, шевелюрой. Узкое, сухое лицо, библейский профиль. Негромкая, размеренная, временами задумчивая, временами вдохновенная речь...

Слушали мы Якова Яковлевича неотрывно, с неослабевающим интересом. Его лекции нас образовывали не только узкоспециально, были всегда шире обозначенной темы, уходя в отступления – исторические, литературные, художественные.

Был Яков Яковлевич очень остроумен, но как-то скромно и негромко, не «на показ». Антропологам Института этнографии запомнилось как, увидев из окна Отдела дом, куда недавно переселился В.В. Бунак, Я.Я. тихо и даже как-то грустно сказал как бы самому себе: «Вот и дом поперек». Действительно, расположенный неподалеку дом Виктора Валерьяновича выделялся среди окружающих зданий своим «поперечным» положением. Все поняли и оценили реплику, удивляясь, что никому ранее не пришло в голову отметить это обстоятельство, а главное связать его с характером В.В. – вечного оппонента и оппозиционера во всех научных спорах, а также и вне их.

Помощницей Я.Я. в Университете была Зинаида Сергеевна Никольская, преданная и окружающая его всяческой заботой. Была она, как и все наши старшие, из поколения прежних, истинных интеллигентов, успевших получить своё воспитание до всех российских катаклизмов. Эта «порода» была запечатлена и на её внешности, неизменно вызывая чувство особого уважения. Высокая, статная, с гладкой прической на прямой пробор; платье всегда длинное, на шее – постоянная нитка старинных кипарисовых бус. Она не раз делала мне выговоры за то, что я сутуюсь. Яков Яковлевич, если оказывался свидетелем этого,

всегда хотел как-то поддержать меня, найти какое-то объяснение и оправдание моему «пороку». В общении с нами, студентами, он всегда был очень внимателен, мягок и тактичен.

Перед пятым курсом у меня случилась довольно тяжелая, как я тогда её ощущала, жизненная полоса. Все предыдущие годы на кафедре я занималась мозгом в существовавшей тогда при Институте лаборатории Ю.Г. Шевченко. Позже до меня дошло, что все неуспехи моих здесь работ, предложенных руководительницей, объяснялись их объективной невыполнимостью. Но тогда причины неудач я невольно проецировала только на себя. И конечно, овладела мной великая хандра. Перестала ходить в университет и так далее... Не знаю, чем бы дело кончилось, но мне передали, что Яков Яковлевич «очень просит» меня прийти к нему. Не помню деталей этого долгого разговора, Я.Я. ни о чем не спрашивал. Он стал рассказывать подробно и не спеша, о том, как его давно интересует одна расово-краниологическая тема, которой никогда не удавалось заняться. И ему хочется, чтобы эту тему взяла я в качестве дипломной работы. Я слушала, я заинтересовывалась... Между тем, сама манера разговора Якова Яковлевича действовала необыкновенно успокоительно, врачующе. Более тонкого и верного способа вернуть меня в «норму», наверно, нельзя было и представить. Я ушла вновь живущая, обновленная, окрыленная и, конечно, безмерно благодарная, проникаясь еще более тёплыми чувствами к своему отзывчивому и чуткому учителю.

Временами приходилось соприкасаться с частной жизнью наших профессоров. Было приятно догадываться, видя постоянно ухоженный вид Якова Яковлевича, о его семейном благополучии. Позже узналось, что возможная по тем временам комфортная домашняя обстановка создается женой Надеждой Николаевной, бывшей в молодости певицей. Но однажды, придя к ним домой, чтобы отдать Я.Я. свою работу, я ужаснулась, увидев в какой коммунальной тесноте живёт учёный с мировым именем. После переезда университета на Ленгоры, не сразу, а спустя годы, получил Яков Яковлевич отдельную квартиру поблизости. Но из двух комнат одна была проходной, да и рояль занимал чуть ли не половину, а окна выходили на шумную улицу и весь день поэтому приходилось занавешивать их плотными шторами...

Детей у Якова Яковлевича не было, а он очень любил их, просил учеников дарить ему фотографии своих чад. С большой нежностью относился он к дочери Надежды Николаевны, которую и удочерил, и считал своим ребёнком. Человек издавна сложившихся понятий, был он очень растерян, когда уже взрослая дочь, родила ему внука, причем отец оставался неизвестен. Возможно, как утешение самому себе, говоря об этом событии, повторял смятенно: «Как святая дева Мария, как святая дева Мария...». Мальчик рос крайне живым, буйнил в свои два-три года. Не привыкшего к общению с малышами, это пугало деда – что же будет, когда вырастет?

Я уже вспоминала когда-то в очерке о Г.Ф. Дебеце [«Вестник...», 1996] об одном незабываемом вечере в доме у Якова Яковлевича, куда мы пришли с Георгием Францевичем по каким-то их совместным делам. Позволю себе повториться и привести большую цитату из этого очерка. Чтобы показать, какими порой мы могли видеть наших учителей, каким роскошным духовным богатством, помимо богатства научного багажа, они обладали.

«...У Рогинских нас ждали. Надежда Николаевна накрывала на стол для чаепития. Почему-то запомнилось, что конфеты из коробки были переложены в вазочку... А потом было пиршество. Тонкости ума, изящества остроумия, блеска памяти. Никогда я не видела своих учителей в таком ударе. Необыкновенно хороши были оба. Даже помолодели и похорошели. Сменяли одно за другим забавные воспоминания, стихотворные строчки, шутки, остроты; летали французские словечки, bonmots... Весь вечер не иссякал этот великолепный поток. Я чувствовала себя благодарным и восхищенным зрителем поистине сценического действия...».

... Очень корю себя за недостаток внимания к Якову Яковлевичу в его последние годы...

Михаил Федорович Нестурх стал сразу добрым опекуном нашей группы на кафедре. Кажется, это происходило под вывеской руководства студенческим кружком, но думаю, более всего это была потребность чрезвычайно деятельной натуры этого человека. Происхождение его редкой фамилии так и осталось загадкой, хотя сам он, правда, несколько туманно, говорил о своих французских корнях. Что ж,

всё возможно для Одессы, где он провёл детство и откуда однажды, после окончания университета отправился к И.П. Павлову, преодолевая и тяжелый путь, и голод, и прочие коллизии постреволюционной разрухи, притом без копейки денег, но с мешком соли за плечами – это была тогда валюта. Добрался ли он до именитого физиолога мне неизвестно, но в начале 20-х оказался в Москве, где всю жизнь проработал в Институте антропологии, посвятив себя главным образом приматологии и став известнейшим специалистом в этой области.

Нам казалось, что он сам немножко похож на кого-то из объектов его науки, особенно когда на лекции показывал мимику и жесты обезьян, при этом явно увлекаясь своей демонстрацией. Мечтой Михаила Федоровича было увидеть и наблюдать на воле, в их естественной среде обитания, тех, кого он знал только за решетками зоопарка. Но по тем временам это была несбыточная мечта.

Куда только ни водил он нас – был знаком, казалось, со всей научной, да и не только научной, Москвой. Всего и не помню, но был, конечно, зоопарк, с обезьянником, очень жалким тогда и по виду обитателей и по условиям их содержания. Больше удовольствия, чем визит к обезьянам, доставляло катанье на пони, запряженных в легкие саночки, по всему зимнему зоопарку, почти безлюдному, пустынному в это время.

Бывали и в близко к университету расположенной мемориальной квартире К.А. Тимирязева, ещё в чьих-то. Запомнилась экскурсия в музей криминалистики, где нас досыта «накормили» рассказами о страшных преступлениях, конечно, с показом «орудий производства». Водил нас Михаил Фёдорович в гости к знаменитой тогда, открывшей «возникновение живого из неживого» и ещё не разоблаченной, О.Б. Лепешинской в «дом на набережной». Принимала она нас в окружении свиты любопытствующих, мало симпатичных старух, среди которых сама, в своем весьма «домашнем» облачении, ничем и не выделялась. Зрелище было ошарашивающим. Конечно, все наши походы сопровождались обширными комментариями Михаила Фёдоровича.

Образовывал он нас и музыкально – устраивал собственные фортепьянные концерты. Они происходили в университетском клубе, в небольшом зале. Почему-то кроме нашей группы никто не приглашался. Михаил Федорович торжественно занимал место за роялем, патетично объявлял автора и название исполняемого, и концерт начинался. Мы не могли судить об уровне мастерства нашего пианиста: дети войны, мы в своем большинстве выросли без музыкального образования. Но мы любили музыку, а та классика, которая была в репертуаре Михаила Фёдоровича, была хороша в любом исполнении. Он играл вдохновенно, картинно, настоящий маэстро. Исполняя «Девушку с волосами цвета льна» Дебюсси, он поворачивался и значительно смотрел в сторону какой-нибудь из двух наших белокурых девочек – Вики Липинской или Леры Соловьевой. Это было немножко смешно, но и трогательно. На эти концерты мы ходили с удовольствием.

Говоря о музыке в наши университетские годы, я не могу не добавить к рассказу о старшем поколении воспоминание и о ровеснике, однокашнике – другом нашем проводнике в мире музыки – Боре Юрцеве. Боря был особенной фигурой на курсе, хотя не думаю, что в те годы мы это как-то отмечали для себя, возможно потому, что был он человеком скромнейшим.

В отличие от нашего большинства, Боря поступил на факультет уже во многом сложившимся, хотя, конечно, и начинающим учёным. Многие годы до этого он уже был связан с биофаком, занимаясь в его школьном кружке и общаясь со специалистами. Был он прирождённым ботаником, в истинном значении этого слова, при этом допускаю, что современное, ироничное подростковое его употребление вполне могло возникнуть именно около Бори, в его школьном классе. Увлечённость любимой наукой очень серьёзно проявлялась ещё в самые ранние годы. А уже в первые университетские была опубликована написанная десятиклассником первая статья, о медунице. Ставшее уже редким в Подмосковье растение, как и многие другие виды, Борис наблюдал в найденном уголке сохранившейся и не затоптанной природы, в Ромашкове, недалеко от сталинских дач, куда народ предпочитал не соваться. К счастью, мальчик оставался незамеченным бдительными стражами. В университетские годы поездки туда продолжались, нередко с приглашением друзей.

Боря не был, при всем том, узким естественником, не видящим вокруг ничего, кроме своей науки. Он прекрасно учился, был очень образован в гуманитарных областях, писал стихи, которые не шли, естественно, дальше друзей. Много позже, в другие времена, сборник его стихов был издан. Но самой большой его увлечённостью вне науки, может быть, страстью, а может быть, отчасти и какой-то жизненной опорой, была музыка. Он рано начал ходить в консерваторию, говорил, что бывает там восемь раз в неделю.

Вот слова о музыке из его писем: *«Но музыка! Похитившая у жизни самое сокровенное, её тайну: её огонь, дыхание, биение... её душу! Этот год был трудным и обильным всем: и радостью и – еще более того – горем; он очень сдружил меня с музыкой, сделал её ещё более моей, моим голосом. Что бы я был без неё. Иметь таких великих друзей как Бах, Бетховен – ни с чем не сравнимое счастье! А вместе со звуками их музыки проникает в душу их сила, их доброта, их любовь – и затопляет всего тебя».*

«Я за последние года три необычайно привязался к музыке Баха, словно она стала моим настоящим голосом. Мне в ней чувствуется глубокое родство с самым лучшим своим. И наверное, меня уже по-настоящему без Баха понять невозможно... У Баха мне слышится эта бесконечная тишина, родной и прекрасный голос усталой и доброй души...».

«Уже было темно, и какой-то громкий репродуктор доносил прекрасную и удивительно знакомую музыку, которую я почти сразу узнал – 1-й концерт Шумана. Она показалась мне втройне прекрасной. Да и вообще это чудо. Боже мой, сколько есть хорошего на свете».

Жили они вдвоём с мамой, когда-то серьезно начинающей музыканткой. Теперь работала не по специальности, получая зарплату крайне скудную. Покупать на концерты билеты, даже те дешевые, что были тогда, Боре было не по карману. Но строгие тетки, проверяющие входящих, пропускали его без билета, да ещё и улыбались при этом! Однако бедность, судя по всему, не была угнетающим моментом Бориной жизни, это была счастливая особенность его внутреннего, душевного склада. Мама, вероятно, обладала теми же качествами, к тому же была человеком мало практичным. Внешняя сторона жизни была как бы вне их поля зрения и внимания, жили другим. Все университетские годы Боря проходил в одном и том же байковом лыжном костюме, в чинёных и перечинённых с помощью верёвочек очках, редко бывал в парикмахерских, редко брился. Многожды подшитые валенки были его единственной обувью всю зиму, а ведь бывали и оттепели. Но консерваторские контролерши с улыбкой провожали его взглядом, когда поднимаясь по лестнице, печатал он большие мокрые следы на мраморных ступенях. Борина преданность музыке, несомненно, их покоряла...

Боря не был замкнутым в себе человеком. Всегда был готов к общению; были друзья, с которыми он был очень открыт, дружелюбен, даже нежен, стремился к приобщению их к миру музыки. Можно сказать, что осуществлял некое руководство по их введению в круг прекрасного... Неизменно сообщал о предстоящем в Большом Зале, делился соображениями, стоит ли или не стоит идти... Было много тогда незабываемых концертов, приезжал из Ленинграда великолепный Мравинский, блистал в те годы старший Нейгауз, нередко радовали и фортепьянные дуэты обоих, отца и сына.

Самые любимые Борины вещи звучали в Консерватории все же далеко не всегда, когда хотелось, а потребность в этом была велика. Но однажды у Бори появился патефон с большим набором пластинок хорошей музыки – перешёл из дома Юры Рычкова, где был тогда приобретён новый, более современный проигрыватель.

Так вот, с возникновением патефона у Бори начались домашние концерты, приглашались друзья, в их числе нередко оказывалась и я. Он жил близко от Университета, у Никитских ворот, в Скатертном переулке. Придя туда в первый раз, я была поражена вопиющей бедностью этого жилища. Вероятно, все было распродано, чтобы было на что жить, или разграблено соседями, когда Боря с мамой были в эвакуации. В результате в комнате образовалась неправдоподобная пустота... Но трудный быт не замечался обитателями комнаты, да и у гостей первое впечатление быстро улетучивалось и никак не сказывалось на дальнейшем, ради которого мы сюда и пришли.

Сквозь несовершенство старого патефона, необходимость досадно частой смены пластинок, все равно – к нам прорывалась Музыка, прекрасная, порой божественная, которую можно было слушать без конца. Мы и слушали... Вечера на Скатертном становились потребностью. Музыка в узком, тесном кругу ещё и особым образом объединяла собравшихся. Возникло Дружество...

Не помню сейчас, сколько продолжались наши вечера. Казалось, что конца им не будет. Но неожиданно он наступил. Борю вызвали повесткой в отделение КГБ, где ему было предписано, скорее, приказано немедленно прекратить у себя «незаконные сборища». Это было, вероятно, начало 53-го года, времена ещё сталинские, спорить не приходилось. Борины концерты закончились. Каким образом дошли о них вести до зловещих кабинетов осталось неизвестным.

Боря был растерян, мы горевали. Юра было предложил собираться теперь у него, но там мама наложила своё твёрдое вето. Вскоре умер Сталин, но вряд ли закрылось недреманное око кабинетов КГБ, и новых попыток музыкальных встреч у нас уже не было. Но Борины уроки музыки оставались с нами...

А вскоре был переезд в новое здание на Ленгорах, который несколько разъединил курс. И Консерватория была уже не так доступна... А по окончании университета Боря сразу уехал в Ленинград. Виделись теперь редко, замедленной была и переписка. Приведу отрывки из письма Юре, когда у нас родилась дочка. Стиль письма очень верно показывает самого Борю...

«Юра, милый! Наверное, уже вечность, как мы не виделись, не говорили друг другу ни слова. Но ты не думай, что я тебя забыл или как-то переменялся в отношении к тебе. Сейчас так бывает, когда долго не пишешь – но это ничего не значит. И вот вдруг с такой силой потянет к человеку. Как ты и что? Все-таки немного я знаю. Сколько нового вошло в жизнь!».

... «Мне ничего не хочется сейчас писать о своей жизни, о работе – просто хочется послать привет от души, напомнить о себе добрым словом. Привет тебе и Марине и еще одному новому гражданину – привет ему! Родные, обнимаю вас всех. Будьте счастливы, будьте всегда дружны! Ещё много дорог впереди, столько прекрасного и нового. Всё трудное будет преодолено. Напишите мне, родные!».

Спустя какое-то время мы встретились, и было приятно видеть, насколько Боря внешне изменился – это была забота жены Тамары Полозовой, тоже нашей однокурсницы. Он был одет, что называется, с иголки, был элегантен; в берете, лихо надвинутом на одну бровь, мог сойти за иностранца...

Несмотря на оторванность, знали мы о его больших научных успехах, неутомимых ботанических путешествиях. Были госпремия, зарубежные поездки и признание. Радовала и удачная семейная жизнь. Всё было так заслуженно, и, казалось, восполнилось всё недополученное человеком в детстве, юности.

...Найдя для Бориса место среди наших старших, думаю, что поступила вполне оправданно. Он был старше нас и в научном плане, будучи раньше – серьёзно и глубоко – вовлечённым в мир науки. Что же касается сферы музыки, то здесь он был не только старшим, но и настоящим, одарённым и мудрым учителем...

Возвращаясь к воспоминаниям о Михаиле Фёдоровиче. По каким-то неведомым нам обстоятельствам он не был, как раньше, сотрудником кафедры. Тем не менее, близость к студентам оставалась. Никто не проявлял такого интереса и так не заботился о них, «споспешествуя», как сказали бы в старину, в их работе над курсовыми, дипломными, а так же и в дальнейшем устройстве. Конечно, прежде всего, это относилось к тем, кто работал по более близкой ему тематике. Когда моя руководительница по работе с мозгом Ю.Г. Шевченко дала мне задание записывать на магнитофон звуки обезьян, их язык в различные моменты жизни, Михаил Фёдорович проявил огромную активность, взяв на себя всю официальную подготовительную часть – в виде звонков и писем директору и сотрудникам Сухумской Биостанции. А как только мы прибыли туда (со мной поехала однокурсница Лера Соловьева), следом прилетело написанное знакомым диковинным почерком напутственное письмо:

«Дорогая Марина! Вернувшись из санатория, я узнал, что Вы, хотя и с большим трудом, все-таки сумели вырваться к обезьянам, притом не одна, а «втроём»: с Лерой и с Магнитофоном! Сумейте же получить полное «обезьянье крещение», подразумевая под этим, с одной стороны, интенсивное

ознакомление с жизнью, внешностью, эмоциями и прочими особенностями обезьян, далее, проникновение в жизнь и деятельность питомника и станции в целом...».

Потом мы получили от Михаила Фёдоровича «Одиннадцать сухумских заповедей «не» и «да», где в части «не» под № 1 шло: «Не дразни обезьян!», далее «Не разгневай начальников», «Загорай, но не сгорай!», «Не поддавайся волшебству подтропической ночи!» и т.д. Последним, одиннадцатым пунктом автор напоминал: «Не теряй золотого времени!».

Заповеди «да» советовали: «Будь поближе к обезьянам, но не подальше от людей», «Избегай обезьяньих рук, ногтей и объятий», «Кроме обезьяньего языка, занимайся английским или немецким». Особенно понравились последние «да»: «№ 10. Держи высоко своё реноме студента МГУ» и «№11. Слушайся заветов дяди Миши!».

Когда Михаил Фёдорович в письме упоминает о моём «большом труде» перед отъездом, то речь идёт о моих мытарствах по добыванию магнитофона. Не буду вдаваться в подробности. Когда, наконец, через университетский клуб это «чудо техники» тех лет, сильно б.у. и уже практически полуживое (о чем я, к сожалению, сразу не догадалась) было получено, я была вдобавок убита его весом – два огромных неподъемных ящика – был ведь 1953 год, подобная техника делала свои первые шаги. Так что я была вдвойне рада, когда перед самым отъездом ко мне присоединилась Лера Соловьева.

Увы, магнитофон начал ломаться в Сухуми с первых же шагов. Местные мастера чинили, но тут же все разваливалось. Я была в отчаянье. Не могла найти в себе силы сразу написать Михаилу Фёдоровичу о своих неудачах. А он обиделся, не получив письма, написал о том, как тяжело разочаровываться в людях. Когда объяснительное письмо, наконец, к нему пришло, я была полностью реабилитирована. И с помощью Михаила Фёдоровича и с участием сотрудницы Биостанции Людмилы Викторовны Алексеевой (выпускницы нашей кафедры 1940 года) – ситуация разрешилась. Практику мне продлили, и была придумана другая работа, в важности которой меня убедили, – составить всестороннюю характеристику вида гелад – выяснить стадные взаимоотношения, способы общения и т.д., а также сделать подробное описание внешности, очень своеобразной. До сих пор этого не было сделано, так как вид, вообще довольно редкий, был совершенно неизвестен в нашей стране, и лишь недавно несколько особей было привезено в Сухуми из Эфиопии. Лере же поручили наблюдения за единственным здесь «американцем» Кларо (основные обитатели питомника – узконосые обезьяны Старого Света). Неблагодарный (Лера его полюбила!) капуцин вскоре прокусил ей палец! Забыла заповедь дяди Миши!

Гелады – красивые, с роскошной темно-шоколадной мантией и симпатичными мордочками – мне нравились, и я с энтузиазмом взялась за дело, просиживая чуть ли не до ночи перед их вольером. Возглавлял семью грозный самец Кипр, страшно ревновавший своих подруг – тоже с островными именами – Суматра, Формоза, Сицилия, которые стремились к контактам со мною.

Мы быстро привязались к своим подопечным. Можно написать многие страницы о них и о взаимоотношениях с ними, и вообще о жизни в питомнике. Письма домой сохранили множество интересного. Подружились мы и с сотрудниками и даже их детьми! Постоянно бегал за нами и увлекался нашими наблюдениями, выдавая время от времени словесные перлы, пятилетний Марик. Навещал обезьян и самостоятельно. Однажды на Лерин вопрос: «Как там Кларо?» – очень серьезно ответил: «Как всегда, жаждет крови и мяса».

Познакомились с ещё одним прелестным кудрявым малышом, сыном Людмилы Викторовны, который много позже, потеряв свои кудри, стал известнейшей в своё время фигурой – Артёмом Тарасовым, человеком судьбы, полной превратностей, одним из первых предпринимателей, депутатом первой думы, кооператором и миллионером. С Людмилой Викторовной связи не обрывались и после нашего отъезда...

В Москве, на кафедре, было решено положить мои описания и наблюдения в основу курсовой работы. Я очень увлеклась решением вопроса, к какому роду отнести гелад – к макакам или павианам – зарубежные авторы не давали однозначного ответа. Просиживала в библиотеке МОИП, раскапывая старую и старейшую иностранную литературу, где гелад наблюдали и описывали учёные

путешественники... Михаил Фёдорович очень заинтересованно одобрял и вдохновлял мои поиски. Я была уверена, что он и есть, естественно, руководитель моей работы. Но ближе к концу года оказалось, что это не так. Формальное объяснение – он не сотрудник кафедры. Но подозревалось нами и что-то другое... Михаил Фёдорович был ужасно возмущен и страшно разгневан таким решением. Надо было на кого-то обрушить этот гнев и под рукой оказалась я, без вины виноватая. Возможно, Михаил Фёдорович подозревал, что я заранее знала об этом решении. Не сомневалась, что нашим добрым отношениям пришёл конец и, конечно, переживала. Но спустя какое-то время Михаил Фёдорович, видимо, обратив внимание на мой усталый вид и худобу к концу года, не говоря мне ни слова написал главному врачу Института питания письмо с просьбой принять меня на курс оздоровления... Мир был восстановлен. Я вздохнула облегченно.

Что же касается курсовой, то руководителем стал М.А. Гремяцкий. Я принесла ему уже готовую работу. Он начал проглядывать её при мне, временами слегка усмехаясь, впрочем, вполне благодушно, в свои моржовые усы. Вероятно, его забавляли излишние, на его взгляд, подробности в моих описаниях внешности гелад. Дойдя до раздела, где я пыталась с помощью букв и путём всяческих сравнений передавать обезьяньи звуки, он стал потирать лысину и как-то недоверчиво побряхтывать: «Что, действительно, есть звуки, похожие на плач младенца?». «Да, Михаил Антонович...» – пустилась я в объяснения... Профессор слушал, улыбался, но головой покачивал... Тем не менее, пятёрка была поставлена.

Михаил Антонович очень запомнился на экзаменах. Слушал отвечающего довольно благосклонно, но как-то несколько отстранённо, лишь похмыкивая себе под нос, услышав порой студенческие глупости, к чему был удивительно терпим. Как-то наша однокурсница никак не могла «угадать» число зубов древнего ископаемого примата. При этом называла нечётные цифры. Мы, сидящие в ожидании своей очереди отвечать, негодовали и возмущались такой дуростью. Но экзаменатор оставался совершенно невозмутим, лишь спокойно и даже как-то задумчиво повторял после очередной абсурдной цифры: «Ну, а если подумать?».

Михаил Антонович, мне кажется, был хорошим заведующим, не мешая кафедре жить, как ей живется. Вряд ли ему улыбалось быть администратором, он был только учёным. И ещё, конечно, педагогом. Несмотря на внешнюю отстраненность, он хотел образовывать нас! По своей инициативе он преподавал предыдущим курсам на кафедре латынь, причём не научную, а как язык литературный. Его владение этим языком было таким, что писал даже стихи и был как латинист уникалом на факультете. К сожалению, как раз перед нами это вольнодумство профессора Гремяцкого было пресечено. Но и мы не остались обделенными вниманием Михаила Антоновича. Помимо лекций, которые, как и у Я.Я. Рогинского, из узкоспециальных по названию превращались в интереснейшие широкообразовательные, нашлось у Михаила Антоновича для нашего курса нечто вне рамок обязательной программы, подпитывающее наши умы. Он предложил нам подготовить доклады по одной из тем его списка. У меня оказались «Л.Н. Толстой и И.И. Мечников. Отношение к науке». Не помню остальных тем, но все они были близки к моей по своей отдалённости от изучаемой нами программной антропологической конкретики. И, несомненно, требовали определённого напряжения нашего, еще по сути, школярского интеллекта. Прежде всего, постижения немалого объёма литературных источников, которые вряд ли привлекли бы наше внимание сами по себе. Готовить доклад было трудно и интересно... И все мы, кто больше, кто меньше, но определённо обогатили себя, свои головы, а может быть и души. Благодаря Михаилу Антоновичу...

На моей совести оказался, связанный с М.А., поступок, который долго меня мучил при воспоминании о нём. Та самая студентка, которая заработала на экзамене тройку за свой подсчёт обезьяньих зубов и прочие глупости, получила телеграмму о внезапной смерти матери. Перед срочным отъездом она попросила группу похлопотать, чтобы тройка была исправлена, и она смогла бы получать стипендию. Просьба невероятная, но мы все очень сочувствовали ей после ужасной вести и хотели помочь. Думали, как быть, а сроки сдачи ведомостей в деканат, между тем, ограничены. Как назло, Михаила Антоновича не было в университете в этот последний, ещё возможный день. Ничего другого не оставалось, как ехать к заведующему домой.

Отрядили меня как комсорга группы, и я ощущала себя очень неважно, понимая всё неприличие своей миссии. Телефона у М.А. не было, я нагрязнула неожиданно, что тоже было верхом неприличия. Михаил Антонович вынужден был принимать меня в своём домашнем обликии, очень далёком от его всегдашнего respectable вида. Я не помню – возможно, постаралась забыть – ни хода нашего разговора, ни своего жалобного лепета, ни реакции Михаила Антоновича. Кажется, он больше просто молчал. Но запись о переэкзаменовке и четвёрка в зачётке в результате появились. Я сгорала от стыда, что вынудила почтенного профессора совершить беззаконие, а также и от того, что застала его в «неприбранном» виде, да ещё и увидела его жильё, столь же далёкое от самого скромного по общим понятиям профессорского уровня, как Луна от Земли. Лишь обилие книг выдавало его профессорскую принадлежность. Бедность этой коммунальной комнаты меня потрясла. Никому ни слова не рассказала, а виновницу своего трудного визита какое-то время просто видеть не могла.

Однажды пришлось познакомиться с Женей Гремяцкой, дочерью, с которой они и жили вдвоём. Женя была журналисткой, доходили до нас отрывочные слухи о какой-то её «проблемности». Она появилась в Музее во время наших там занятий. Вытащила из-за пазухи крошечного котёнка и умоляла, чтобы кто-нибудь из нас взял его. Кажется, ей предстояла долгая командировка. По разным причинам котёнок оказался никому среди нас не нужен. Но почему-то у меня не хватило сил отказаться, хотя дома уже жили в то время две кошки, и я не могла нагружать маму ещё и третьей. Сама же я обитала тогда в общежитии на Ленгорах. Женя, быстро распознав во мне кошатницу, радовалась, что отдаёт питомца в «хорошие руки».

Я же пускалась на этот рискованный шаг, надеясь пристроить своё приобретение у родных, в доме, где раньше жила бабушка и где я провела первые университетские годы. На случай неудачи, был и другой, запасной, план. Дело в том, что история с котёнком уже повторялась. Ещё на первом курсе я так же притащила такое же симпатичное существо из университета. В перерыв лекции в Большой Зоологической аудитории пришла с какой-то кафедры пожилая лаборантка в синем халате и почти слёзно просила спасти её подопечного от опытов – «уж очень хороший котёнок, рука не поднимается»... Многие из двухсот (плюс-минус) человек нашего курса теоретически, вероятно, посочувствовали, а котёнок оказался почему-то у меня единственной. Но бабушка категорически отказалась его принять, и я до ночи ходила по соседним переулкам, заходя в дворы, стучась в двери и предлагая незнакомым людям своё сокровище – благо была здесь, в Замоскворечье, еще старая незамутненная Москва – небольшие деревянные домики, уютные дворы, участливые дворники... В конце концов, добрые руки тогда нашлись, и этот вариант был в запасе у меня и теперь.

Но теперь бабушки уже не было, а тётки и семья дяди, жившие сейчас в этом доме, с удовольствием взяли котенка. А через несколько дней ко мне в университете подошел Михаил Антонович и чуть смущённо улыбаясь передал послание от Жени – изложенное на четырёх страницах руководство и советы по содержанию котёнка. Невероятно подробно разъяснялось, чем кормить и чем не кормить, что он любит и что не любит, как следить за состоянием шёрстки, как спасать от блох, как лечить, как играть, как гладить и так далее.

Расставшись вынужденно с любимым существом, хозяйка хотела продлить свою любовь хотя бы таким образом. Думаю, что Михаил Антонович заглянул хоть мельком в эти потрясающие листки и скорее всего, одобрил, иначе не улыбался бы, вручая их мне. Косвенный участник истории с котёнком, был он, оказывается, вполне сердоболен, и дочь, видимо от него и наследовала это свойство души.

Кстати, этот необычный знак любви и заботы до сих пор хранится у меня, и я с трудом удержалась от искушения привести его здесь целиком...

...Когда-то я не могла поверить своей маме, которая слушая мои рассказы об университетских впечатлениях, вдруг припомнила, что преподаватель с фамилией Гремяцкий читал лекции и у неё, на Голицынских высших женских сельскохозяйственных курсах, и она сдавала ему экзамен. Но это подтвердилось; действительно Михаил Антонович служил там в начале 20-х годов ассистентом кафедры зоологии... Был соблазн рассказать профессору об этом удивительном сближении времен, но я почему-то не решилась, о чём позже жалела...

Максим Григорьевич Левин в наши времена уже не был штатным сотрудником Университета, с 40-х годов он работал заместителем директора и заведовал Сектором антропологии в академическом Институте этнографии. Но всегда оставался тесно связанным с кафедрой, где читал лекции. У нас он вёл два далеких друг от друга курса: анатомию мозга и этнографию – таков был диапазон его научных интересов.

Еще в 30-е годы, будучи уже вполне определившимся и успешным исследователем и специалистом в области антропологии и этнографии народов Севера и Дальнего Востока, он, не отрываясь от основной деятельности, кончает мединститут, став, таким образом, еще и профессионалом в сфере центральной нервной системы.

О Максиме Григорьевиче было известно, что в молодости он был невероятно красив, имел роскошнейшую шевелюру, от которой в наше время не осталось и следа. Тем не менее, Максим Григорьевич был по-прежнему хорош, выглядел молодо, несмотря на совершенно «незасеянное» темя. Более того, казалось, что волосы, появившись они вдруг, только испортят эту красивой лепки голову... Был Максим Григорьевич энергичен, полон напора и делового энтузиазма, и все это очень отражалось на его внешности, манере держаться и речи – быстрой, громкой, с отдельными «рычащими» нотками...

...По анатомии мозга был не экзамен, а только зачет, мы с этим справились. А вот этнография пугала мировым обилием народов и племён, языков и культур. Все это надо было знать и всё это с трудом вмещалось в наши головы. По каким-то причинам, возможно, был не вполне здоров, но Максим Григорьевич принимал этот экзамен у себя дома. Он жил в районе Донского монастыря, на ул. Серпуховской Вал, в доме новой постройки, в отдельной квартире. Наверное, был наиболее благополучен в жилищном вопросе среди всех наших профессоров.

Большой кабинет был весь заполнен стеллажами и шкафами с книгами. Рассадив нас, Максим Григорьевич показал на одну из полок и предложил: «Если будут нужны карты, пользуйтесь энциклопедией». И ушел надолго. А мы, вытащив с полки тома БСЭ, обнаружили в них карты не только географические, но и распространения языков, народонаселения и ещё много чего полезного...

В результате экзамен был сдан всеми весьма успешно, потом нас ещё и угощали... Мы были, конечно, довольны, но вместе с тем и смущены и озадачены. Что означал этот жест гуманности в сторону полки с БСЭ? В конце концов решили, что Максим Григорьевич, видимо, считал, что интересующийся предметом студент освоит его независимо ни от чего, в обратном же случае плохая отметка ничему не поможет, как и неполучение стипендии. У нашего экзаменатора был в это время свой студент – сын Гриша, моложе нас на курс (в будущем академик-историк), и невольно отец проникался сочувствием к молодому поколению. Мы, в свою очередь, были проникнуты благодарностью...

В один из дней рождения Максима Григорьевича нам особенно хотелось сделать ему что-то приятное – незадолго до этого он потерял жену, был в подавленном состоянии. Придумать оказалось трудно по нашим студенческим возможностям. Остановились на цветах, хотя и сомневались в их уместности. Но и это было непросто в октябре. Надо было видеть цветочные магазины тех лет в Москве. Их было очень мало и заполняли их в основном горшки с вечнозелеными, скорее, серо-зелёными скучными растениями. К счастью, на даче у Юры Рычкова именно к осени зацвели необычайно пышно роскошные, бархатистые, темно-синие анютины глазки. Букет этих милых цветов и был преподнесен имениннику. Вопреки нашим опасениям, он был тронут, рад нашему вниманию, цветами искренне любовался, казался «оттаявшим». Вообще-то в те годы делать подарки преподавателям не было принято.

Максим Григорьевич умер слишком рано, не дожив и до 60-ти, как говорится, в полном расцвете сил. Навещающие в больнице поражались его мужественному поведению – абсолютно не жаловался, интересовался жизнью Института и кафедры, продолжал руководство Сектором антропологии. А ведь на протяжении жизни с трудом переносил и лёгкие недомогания... Это был 1963 год, я уже давно работала под началом Максима Григорьевича. Очень мы все тогда горевали...

Петр Николаевич Башкиров преподавал нам основы учения о физическом развитии человека. За исключением тех студентов, которые были заняты в своих курсовых работах этой темой, мы, остальные,

были не очень близки к нему. Он не помнил или просто не знал наших фамилий и имён и называл при необходимости «девушка» или даже «барышня». Тем не менее, было в его обращении с нами что-то такое, какая-то доброта, может быть, что неизменно вызывало чувство особой симпатии к нему. Правда, поначалу мы слегка посмеивались про себя над одним его словечком. Ему так много приходилось говорить о «конституциональных типах», что произвольно в его произношении типы превратились в «кунциональные». Но скоро мы привыкли и сами иногда позволяли себе пользоваться таким укорочением.

Вероятно, Петру Николаевичу было тогда не так много лет, но выглядел он далеко не молодо. С трудом верили, когда приходилось слышать, что в молодости был он красив и слыл завидным женихом. Однако семейной жизни не сложилось, жил он с мамой, был не очень-то ухожен. Но однажды (мамы уже не было) всё изменилось. Петр Николаевич помолодел, похорошел, приходил на работу в новом костюме, лакированных туфлях. Вскоре мы узнали о его женитьбе. Наблюдая Петра Николаевича и далее, можно было не сомневаться в полном благополучии этого брака.

Позже, когда я уже кончила университет, узнала, что у Петра Николаевича есть дача, и он вдохновился создать там сад. Выбрать и подготовить необходимый для сада посадочный материал взялась моя мама, работавшая на Московской плодово-ягодной опытной станции, где мы тогда и жили. Пётр Николаевич приезжал к нам за саженцами, выглядел вполне счастливым...

Вариационную статистику, или биометрию, читал нам Михаил Васильевич Игнатьев. Будучи сильным специалистом в своей области, был он то ли недостаточно опытен как педагог, то ли мы в своем большинстве оказались туповаты, только наши головы с трудом вмещали услышанное на лекции. К счастью, это возмещалось, т.е. непонятное разъяснялось, на практических занятиях, которые вела Александра Васильевна Пугачева. Являла она ещё один образец прекрасной старой научной интеллигенции. Уже, естественно, в летах, с гладкой седой причёской, довольно высокая, сухощавая, стройная; строгое лицо, живые тёмные глаза. Всегда один и тот же, но очень достойный наряд, неизменная овальная камея у горла. С нами была терпелива, но и требовательна. Мы ничего не знали о ней, да и не интересовались по своей эго-младости. А жаль. Возможно, была она в свое время курсисткой на высших женских курсах, и при более близком общении мы могли бы узнать от неё немало интересного, помимо статистики.

Директором Института и Музея антропологии был в наше время Марк Соломонович Плисецкий. Будучи «первым лицом» в этих стенах, он, тем не менее, казался нам здесь каким-то инородным телом. Сталкиваться с директором совсем не приходилось, в редких случаях – за необходимыми подписями – шли к заместителю Пантелеймону Ивановичу Зенкевичу.

Плисецкий писал статьи по общим вопросам религии, расизма, происхождения человека. Его имя не было связано с конкретными научными исследованиями. Но к нему относились с большим уважением, и этот человек его вполне заслуживал. Рассказывали, что в страшные 30-е годы он не боялся делать попытки спасения людей, при том, что был расстрелян собственный брат. Порой такие попытки удавались, в судьбах нескольких человек он сыграл большую положительную роль. Многого мы не знали, но было известно, что, например, Людмилу Евгеньевну Гиндце, оказавшуюся на улице после ареста мужа, именно он пристроил в Институт. На похоронах Марка Соломоновича было много народа; среди собравшихся совершенно терялась его племянница Майя Плисецкая, удивившая всех своим крайне скромным и незаметным, совсем не артистическим, обликом...

С Лабораторией пластической реконструкции, созданной в начале 50-х гг. в Институте этнографии АН и руководимой Михаилом Михайловичем Герасимовым мы не были связаны своими учебными планами. Но она размещалась поначалу в одном из помещений, вернее, «закоулков» Музея антропологии, поэтому мы часто видели её сотрудников. С любопытством поглядывали во время занятий в Музее на проходящих мимо незнакомок из Лаборатории. Чаще видели Тасю Маевскую и Галю Лебединскую. Обе нравились нам: высокая, с молодым звонким голосом, бело-розовым фарфоровым лицом и удивительными «русалочьими» глазами, к сожалению, прикрытыми сильными очками, – Тася и миниатюрная, изящная, негромко-спокойная, улыбающаяся – Галя. Никаких контактов, ни деловых, ни иных сначала с ними не было. Но о работах М.М. Герасимова мы, конечно, знали ещё до университета.

Его уникальное научно-художественное творчество интересовало тогда всех. Может быть, даже в выборе кафедры это сыграло для меня какую-то роль....

...Помню, как приятно было случайно встретиться в Музее и поздороваться с Михаилом Михайловичем. Он всегда был при этом очень приветлив, добродушно-улыбчив. Круглое лицо с большим лбом, обрамлённым венчиком лёгких волос, лучащиеся улыбкой добрые глаза, крупная полноватая фигура, коротковатые, но сильные руки – все это роднило его с каким-то симпатичным сказочным персонажем...

Со временем произошло знакомство со всеми «герасимидами», а потом довелось и ближе сойтись и подружиться на долгие годы... А тогда Михаил Михайлович даже побывал у меня в гостях в общежитии на Ленинских горах. Новый университет был в то время интересен всем. Этот визит очень запомнился мне, и я написала о нём в очерке для одного из сборников о нашем факультете [«Новоселье...», 2011]. Позволю себе привести здесь этот отрывок:

«Однажды в гости пришёл с семьёй Михаил Михайлович Герасимов, антрополог и скульптор, известный своими работами по воссозданию внешнего облика человека по черепу <...> Кто-то из его сотрудников по секрету предупредил, что М.М. очень любит шоколад в плитках, который и нужно, значит, припасти к чаю.

И вот, после долгой экскурсии по всем достопримечательностям нового здания, мы, наконец, сидим у меня за чайным столиком. Но Михаил Михайлович интересуется вовсе не шоколадом, а обёртывающей его фольгой. Крупные, сильные пальцы неуловимыми движениями быстро лепят из смятой фольги полные изящества фигурки. На моих глазах возникает чудная сценка: серебряный олень с роскошной короной рогов, преследуемый сворой гончих. Фигурки необычайно выразительны и настолько полны стремительного движения, что кажутся летящими...

Эта необычная пластика потом очень украшала мою комнату, вызывая всеобщее восхищение. Ее мгновенное возникновение создало обманчивую иллюзию простоты такого способа валяния, и я как-то попробовала подражать Мастеру, хотя бы слегка. Куда там!... А шутка о любви Михаила Михайловича к шоколаду ещё долго жила в нашем антропологическом мире...».

Не был формально связан с процессом нашего обучения и Михаил Исаакович Урысон, однако его нельзя не вспомнить. Он был заметной и уважаемой фигурой в сообществе антропологов. Оказался самым молодым из «старших», стоял по возрасту почти посередине между ними и нами, студентами 50-х. Его коротко-кудрявая голова вмещала огромное количество знаний по всем областям антропологии, хотя в основном он занимался теоретическими аспектами антропогенеза. Досконально знал старую и новую историю университета и антропологии в его стенах. Был в курсе всей мировой литературы, связанной с физической антропологией. За любой справкой можно было обращаться к Михаилу Исааковичу. Он был доброжелателен и всегда проявлял инициативу, чтобы высказать своё одобрительное мнение по поводу прочтенной статьи кого-нибудь из молодежи. Мне кажется, что был он ещё и очень скромным человеком, не стремился делать карьеру и до многожды заслуженной докторской степени добраться не захотел...

Часто выступал с докладами, не обращая внимания на свой речевой недостаток – заикание. Находил способы выходить из трудных положений – заминок в ходе доклада. Например, понимая, что сложно справиться с длинным словом, разбивал его вставкой: «Блюмен, видите ли, баховские коллекции» – прозвучало однажды в его выступлении. Но слушателей это не смущало. Более того, я прочла позже о его лекциях по антропологии для первокурсников биофака где-то в 70-х гг., и этот отзыв меня поразил и порадовал. Слушательница, ставшая психологом, спустя много лет в книге, посвященной проблемам публичной речи, вспоминает, что все лекции М.И. Урысона заканчивались аплодисментами, и заключает: «Одним из лучших выступавших, которых видела в жизни, был М.И. Урысон». Она объясняет это его искренней увлечённостью предметом.

«Старшими» были для нас и совсем молодые учителя – преподававшие нам аспиранты, бывшие лишь на несколько лет старше. Больше всего запомнился педагогический дебют Наташи Миклашевской, которая вела практикум по приматам. Очень живая, даже порой бурная, всегда улыбающаяся и настроенная на

позитив; серые глаза в густых тёмных ресницах сияют, звонкая речь дополняется выразительными взмахами рук... Была она всеобщей любимицей среди антропологов всех возрастов...

Таня Белова консультировала меня при моей курсовой работе с мозгом, а Лёля Хрисанфова была оппонентом на защите диплома. Её сдержанность, серьёзность заранее настраивали на мысль о возможно излишней строгости к подзащитной. К тому же я ухитрилась доставить ей неудобство – принесла работу в какой-то немыслимо поздний срок – всегда не успевала уложиться вовремя. Но когда началось её выступление, а говорила она всегда прекрасно, кто-то сравнивал: «как ручеек журчит», я не только успокоилась, но просто заслушалась её речью...

С Таней Алексеевой, оставившей по себе очень яркую и добрую память, бывшей тоже аспиранткой тогда, довелось познакомиться и сблизиться уже позже, после университета.

Вся эта молодежь нас, студентов, всегда интересовала и привлекала. Но были интересны и не имеющие к нам прямого отношения, но часто встречаемые в Музее его старожилы, «старые дамы», как мы их называли. Думаю, что чему-то мы невольно, даже не понимая этого, у них тоже учились...

Давно работала в Музее художница Наталья Ивановна Ильенко. Успела она до революции закончить Институт для благородных девиц. Вынесла из тех лет выучку и привычку держать спину только прямо и умываться по утрам до пояса ледяной водой из-под крана. Её выпрямленная вопреки возрасту стать обращала на себя внимание. Как и внешность в целом, где определяющими были прежде всего знаки аристократизма и благородства, ни в коей мере не заслоняемые крайне скромным, точнее даже бедным, видом одежды. Постоянное присутствие опекаемых домашних и около-домашних животных, возникающих неизвестно откуда, помимо воли хозяйки, сильно истощало и без того скромные доходы.

Наталья Ивановна была талантливым реставратором ископаемых костных остатков. Я у неё училась этому мастерству, иногда мы вместе обедали в столовой. Ветеран музея, она часто рассказывала что-то интересное из прежней жизни круга антропологов. На любой знак внимания с моей стороны (вещественный) спешила ответить, чем-то отдариться.

В числе старых дам ещё запомнилась Нина Александровна Смирнова. Она была хранительницей этнографических экспонатов, которые не выставлялись, а хранились в многочисленных шкафах Музея. Возраст её определить было невозможно, была всегда тщательно причесана, напудрена, продуманно одета. Она легко приходила в волнение при разговоре, и красные пятна мгновенно проступали на лице. Не помню, в связи с чем приходилось с ней общаться, но запомнились её интеллигентность и доброжелательность.

Обитали в Институте-Музее и другие старые дамы. Была машинистка Людмила Евгеньевна Гиндце, сохранившая на лице следы былой красоты и особенно фарфоровую лазурь глаз. Она бралась печатать на заказ, была безукоризненно грамотна, но печатала медленно, а машинка у неё дома была чудовищно стара и полна дефектов. Все же работу ей подкидывали, скорее из гуманных побуждений – дать немного подзаработать. Была глуховата; и может быть, в компенсацию, при общении всегда приветливо и чуть растерянно улыбалась...

В противоположность ещё одной сотруднице, библиотекарше Наталье Николаевне, которая недослышала очень сильно и была абсолютно неулыбчива, отчего казалась недовольной и сердитой, хотя таковой и не была. Заботливо, иногда подолгу роясь в хранилищах, находила нужные книги. Казалось, другой жизни, вне пространства меж библиотечных шкафов, у неё и быть не может...

...Время от времени мы видели сидящую уединённо в одном из закутков Института весьма пожилую маленькую женщину, занимающуюся статистической обработкой антропологических материалов. Она мало соприкасалась с другими сотрудниками; возможно, работала по договорам. Когда я узнала её фамилию – Фортунатова, в памяти сразу всплыли мамин рассказы о профессоре Алексее Фёдоровиче Фортунатове, преподававшем статистику в Тимирязевской академии. Это была необыкновенная личность; считая, что его предмет скучен большинству, ставил отметку на экзамене не спрашивая. А после, встречаясь и здороваясь, называл каждого студента по имени-отчеству, память была феноменальная. Но если студент проявлял интерес к его науке, мог с удовольствием беседовать

бесконечно. Помимо сухой статистики было увлечение поэзией. Писал много стихов, в том числе на тему Тимирязевки. Скромно называл свои стихи виршами. Умер в начале 20-х годов.

Так вот, услышав эту знакомую и редкую фамилию, моё сознание сразу зашевелилось мыслью: нет ли родственной связи у этой статистической старушки с известным мне статистиком? Но опять-таки по непонятной глупости спросить так и не решилась...

Наша летняя практика после 2-го курса была археологической и проходила на Урале, в Пермской области (тогда Молотовской). К нашей группе присоединились ещё двое студентов – востоковед Женя Медведев и археолог Вера Шевякова. Тогда и произошло, оставившее след на всю жизнь знакомство с семейством Бадеров. Отто Николаевич, известный, заслуженный археолог, до войны тесно связанный с Институтом антропологии, а теперь вынужденно работающий в Молотовском университете в результате жестокой высылки из Москвы всех русских немцев, был руководителем нашей практики. Мария Александровна, его верная и постоянная спутница и помощница на раскопках, практически осуществляла это руководство, так как Отто Николаевич был занят в этот период полевой работой еще и в другом месте и бывал у нас наездами. Десятиклассник Коля, с детства участник родительских выездов в поле, был уже вполне опытным их помощником, в чём мы вскоре и убедились.

Мы же, уже вкусившие на кафедре доброутеческое отношение к себе, здесь оказались тоже в удивительно тёплой и располагающей обстановке. Незнакомые и обычно маловнимательные студенты были встречены как близкие люди. А мы всё не могли не влюбиться в Марию Александровну, в тесном общении с которой прошли все два месяца. В ней было всё: красота, обаяние, ум, а также и терпение и мужество; она работала после перенесённой недавно операции, прикрывалась от солнца зонтиком. Не отстранялась как взрослый человек от нашей, может быть, не очень подходящей и интересной для неё компании. Мы постоянно были вместе, включая и свободное время, слышали много интересного о довоенной жизни антропологов и археологов, о тех, кого уже не стало. И очень заботилась о нашем быте, здоровье – работа с лопатой была непривычна для нас, горожан. Основные раскопки (поздненеолитическая стоянка) были на реке Чусовой, у Борового озера, в местах красоты необыкновенной. Довольно долгий лесной путь от дома лесника, где мы жили, до раскопа проходил в разговорах с Марией Александровной незаметно...

Отто Николаевич во время его приездов также был очень внимателен к нам. Просвещал и образовывал нас в области археологии – и уральской, и более широкой. Устраивал интересные походы по окрестностям, организовывал далёкие экскурсии...

С Колей, милым шестнадцатилетним мальчиком, мы подружились быстро. В наших глазах, да, наверное, и на самом деле, он был и тогда завзятым, опытным археологом. Перед десятым классом ему уже нужно было решать вопрос о выборе дальнейшего. В семье видели два пути: антропология и археология. Когда и нас призвали на совет, мы дружно «голосовали» за последнее – нельзя же бросать такой богатый археологический багаж, который был накоплен. Да и не просто «багаж» это был, а уже глубоко и прочно вошедший в плоть и кровь образ жизни... Имели или нет значение наши голоса, но Коля выбрал археологию...

Из Колиного детства (в рассказах Марии Александровны) запомнился один эпизод. До войны в Музее антропологии устраивались замечательные новогодние ёлки. Дети сотрудников весело резвились вокруг нарядного дерева, под которым в конце праздника их ждали подарки – не только конфетно-мандаринные кулечки, но и разнообразные игрушки. И тут не обходилось без маленьких потаённых детских драм. Коле Бадеру однажды подарили прелестную деревянную – совсем как настоящую – тележку. А так хотелось получить серебряный двухкрылый самолётик, тоже совсем как настоящий, а главное, более соответствующий духу времени... Но самолётик достался Грише Левину...

...А наша уральская жизнь лета 1952 года оказалась очень увлекательной, насыщенной, помимо интересной работы, множеством удовольствий. На Каме, в Огурдине, куда мы позже перебазировались, у нас была лодка под парусом! Было пиратское (пэтушники!) нападение, когда лодку топили среди реки, положение спасла только моя большая голубая эмалированная кружка, с помощью которой

удалось вычерпать затопляющую воду. После этого героическое судно получило громкое имя «Голубая кружка»!

Было ещё путешествие в знаменитую Капову пещеру, с переходом через речку Сылву по плывущим и прыгающим в воде бревнышкам... Были в Купальскую ночь долгие поиски в глухом незнакомом лесу «огненного цветка» и шок от невероятного завершения – находки этого чуда! (светлячки в глубине куста папортника, действительно, волшебным образом освещали его, превращая в сказочно сияющий узорчато-лепестковый цветок). Много было всякого, но всего и не перескажешь – я ведь взялась писать только о наших «старших».

Отъезд в Москву был несколько омрачен – мы все получили лишь четверки за практику, что отражалось на размере стипендии. Это объяснялось более ранним отъездом троих из нас, не у всех оправданным. Отто Николаевич мог быть и строгим...

А с Марией Александровной и Колей мы прощались со слезами. Но расстались не навек, переписывались, а через год Коля поступил в Москве на истфак, и Мария Александровна приезжала к нему. Мы с удовольствием виделись, однажды Мария Александровна даже побывала в гостях в моём родительском доме, куда я малодушно сбежала от подступивших тогда ко мне в университете трудностей. Её теплое участие оказалось очень важным и нужным мне в то время.

Вскоре времена изменились, и Отто Николаевич с семьёй смог вернуться в Москву и успешно работать в Институте археологии. Коля так же успешно шёл по стопам отца...

...Старших Бадеров давно уже нет; как ни печально, совсем недавно не стало и Коли. С ним, с его собственной семьёй, ниточка связи никогда не порывалась. В его внешности временами проступали материнские черты, что всегда было очень приятно видеть. А при взгляде на его сына Андрея непостижимым образом вспоминается Отто Николаевич – при всей их физиономической несхожести. Но внуком повторяется его внимательный взгляд, лёгкий, чуть в сторону, наклон головы...

...Как-то в разговоре с Колей, незадолго до его ухода, мы дружно сошлись в общем мнении, что Андрей сочетает в себе лучшие черты бадеровской «фамилии», взяв их и от родительского и от дедовского поколений. Так важно и отрадно видеть и знать, что гены наших незабвенных старших продолжают свою жизнь...

Наконец, оказавшееся последним из воспоминаний об учителях – о Георгии Францевиче Дебеце. Между тем, этот человек в моей памяти далеко не на последнем месте, а напротив, остаётся одним из первых и главных в ряду наших дорогих старших. Я тянула с написанием, вероятно, оттого, что уже был в своё время напечатан мой очерк о Георгии Францевиче [«Вестник...», 1996], довольно объёмный, и в ходе складывания этой статьи я поняла, что написать короче мне трудно и долго не могла придумать, как быть. В результате, решила вспомнить сейчас, основываясь на эпизодах из своей жизни, лишь об одной стороне человеческой натуры Г.Ф., удивлявшей и оставившей сильное впечатление. За более полными воспоминаниями отсылаю к упомянутому очерку.

Мне довелось быть и студенткой, и лаборанткой, и аспиранткой Георгия Францевича, и наше общение было достаточно широким и разнообразным. На протяжении всех лет наших контактов – к сожалению, недолгих, он слишком рано ушел из жизни – Г.Ф. не переставал удивлять меня многим. Но более и ранее всего – контрастом своего внешнего и глубинного.

Был он обычно внешне резковат – говорил кратко, без лишних слов. Не был любезен, обходителен (хотя в каких-то ситуациях это менялось, как выяснилось позже). Никому в голову не могло бы прийти назвать его «добрым человеком», это не вязалось с его манерой держаться. А между тем, это свойство, большая душевная широта и щедрость, в нём присутствовало и проявлялось совсем нередко. При этом исключительно по его собственному побуждению и инициативе, и ни в малейшей степени не «рекламируясь», скорее, наоборот.

Но полное понимание особенностей дебецовской многогранной личности приходило постепенно. А поначалу... *«Поначалу именно внешнее выступало на первый план, поэтому поступая в Институт*

этнографии в качестве лаборанта Георгия Францевича я испытывала лёгкий трепет. Он усилился, когда в первый же рабочий день в комнату, где помещались антропологи, вошла одна из сотрудниц института и громко заявила: «Г.Ф., все Вас боятся, и мне как самой смелой поручили передать Вам то-то и то-то» (из очерка 1996г.). Немудрено, что звучали порой вот такие мои жалобные восклицания в первый год работы с Георгием Францевичем: « Ну отчего Г.Ф. такой! Ну хоть бы одно какое-то человеческое слово, пусть даже не одобрение или ободрение, но хоть междометие какое-нибудь, а то ведь ничего кроме молчания!» (из письма лета 1956г.).

Но уже в том же году видим суждение, где акценты существенно сдвинуты: *«Несмотря ни на что, это, конечно, самая яркая, привлекательная, просто притягивающая к себе людей, фигура. У нас нет никого, кто бы мог сравниться с ним. Но с ним очень трудно». Даже и тогда, когда было «очень трудно» – а со временем это уходило, - мы всё же чувствовали, что внешнее в Г.Ф. не главное. Вот ещё одни, подтверждающие это, строчки посвященные Георгию Францевичу, в письме тогда студента 3-го курса Юры Рычкова из их совместной с Г.Ф. экспедиционной поездки в Дагестан в 1953 году: «...Странный, но очень хороший человек. За грубостью, гимнастеркой и сапогами, кажущимся безразличием ко всем – большой душевный и интеллектуальный мир и поэзия ученого-путешественника, действительно «презревшего грошевый уют». Здесь – огромная сила ума и воли, а не черствость души, как можно подумать о нём в первые моменты».*

С дебецовским своеобразием я столкнулась впервые перед своим 5-м курсом. Приведу выдержку из очерка 1996 года:

«Все университетские годы (до последнего курса) я была как бы и незнакома с Георгием Францевичем, ни разу не разговаривала с ним. Тематика моих курсовых и дипломной работ была далека от проблем этнической антропологии и расоведения – основных направлений его научной деятельности. Но вот однажды, в узкой катакомбе коридора из шкафов, отделяющих библиотеку, встречаюсь и уже разойдясь со мной, Г.Ф. вдруг оборачивается и почти мимоходом говорит, как бы продолжая прерванный разговор: «Да, вот что, посмотрите Вейденрейха о синантропе, там довольно подробно говорится о рельефе затылочной кости». И быстро идёт дальше, не давая мне успеть произнести ни слова.

Меня поразило всё. Мало того, что этот человек знал тему моей дипломной (чисто морфологическую!), он почему-то догадался, что книга Вейденрейха не была рекомендована мне моим руководителем. Студенты кафедры отнюдь не были обделены добрым отношением старших, но чтобы держать в голове подсказку «чужому» дипломнику...

...Поразила и манера Г.Ф.: никаких предваряющих слов, что-нибудь вроде: «Вы работаете над такой-то темой, так вот...», равно как и общепринятых завершающих. Ничего. Наверное, уже тогда, в этой коротенькой встрече сфокусировалось и приоткрылось мне главное в дебецовской человеческой сущности».

Её более полное со временем осознание определило то, что первоначальные трудности общения с Георгием Францевичем переставали быть таковыми. Ему легко прощали его суровые назидания, вроде такого, например: «Бланки из института выносить нельзя, попадёте под трамвай, материал погибнет». Были и другие формулы поведения антрополога, в том же духе, звучащие так же вполне серьёзно и так же обидно. Но обижаться на Г.Ф. было невозможно... Что же касается суровых формул, то действовали на нас не они, а более всего пример самого Г.Ф. Его преданность науке, вообще делу, заражающим образом влияла на учеников. А то, что ученики в целом получали от учителя, было неизмеримо ценнее и важнее того, что иногда могло их задевать.

Диапазон его научной помощи был необычайно широк. Георгий Францевич был щедр и на идеи, и на материалы, и наконец, на собственное время, отдаваемое кому-то. Приносил книги, подбрасывал сравнительные данные из зарубежных публикаций, помогал править текст, подталкивал всячески со статьёй, диссертацией... Все это скорее, вскользь, как бы между делом, безо всяких к нему просьб.

Полученный мною в музейном коридорчике совет был, конечно, малостью со стороны Г.Ф. по сравнению с тем, как он поступал, увидев плохую работу и поняв, что простыми советами дело не поправишь, а материал-то интересный. Без всяких предисловий, коротко бросал нерадивому или просто незадачливому исполнителю: «Берите ручку и бумагу» и надиктовывал чуть ли не всю статью или дипломную работу... Узнавалось об этом случайно, иногда по «почерку», т.е. стилю Г.Ф., который был всем знаком – своей четкостью, краткостью, взвешенностью каждого слова. Порой пробалтывался сам «автор» возникшей таким образом неплохой работы.

Был случай, когда Г.Ф. не просто переписал, а радикально переработал материалы исследования, присланного на отзыв зарубежным учеником. Получил в результате гораздо более существенные и интересные выводы. Конечно, при публикации автор оставался единственным...

Естественно, что подобная «помощь» оказывалась тогда, когда Г.Ф. понимал, что из самого автора уже ничего не выжмешь, когда тот сам справиться не может. Понимал, что не всякому мог её и предложить – далеко не все нуждались в помощи такого рода. Но поддержка могла быть и другой. Приведу строчки из писем Г.Ф. по поводу моего долгого оттягивания кандидатской защиты, они тоже играли важную подталкивающую роль:

«Москва, 29.XI.66 г.

...Больше всего мне хочется сейчас подтолкнуть злосчастную диссертацию. Но тяжелая это работа... Бегемота – то что, бегемота я бы зараз выволок (что-то я никак не могу попасть на колею высокого штиля. Нет, нет, я его не презираю, этот штиль. В меру если).

Итак: доклеить и померить черепа бронзового века, составить табличку, взять все оттиски статей, расклеить на одну сторону, соединить какими-нибудь там словами, приделать начало и конец, подправить там и тут для композиции. И на машинку.

Думаю об этом настолько часто, что даже реально вижу эти расклеенные по листам страницы вперемежку с рукописным текстом».

«Кабул. 15.XII.67 г.

...А вот о своей диссертации ничего не пишете. Опять оттягиваете? Знакомо мне всё это. Знакомо и нелепо... Хотя мало ли что нелепо, с другой стороны...».

Нечего и говорить, что напоминал о диссертации Г.Ф. не только в письмах. Так же настойчиво посылал меня напечатать на ротапинтере, только что появившемся тогда, мой аспирантский реферат. А мне, знающей его требовательность и строгость к собственным исследованиям, хотелось «соответствовать», а для этого всё не хватало – то материалов (еще не выкопанных в Молдавии), то литературных данных (ещё не полученных в ИНИОНе из Америки)... Но всё равно, подталкивающий эффект был и так или иначе действовал. И вообще, ведь важно было ощущение интереса к твоей работе, её значимости не только для тебя.

Георгий Францевич никогда не хвалил в лицо, но заочно мог дать весьма лестный отзыв о твоей работе, в виде, например, внутренней рецензии для журнала или просто в частном разговоре с кем-то, но «за спиной» у тебя. Это тоже было своего рода разграничение «внешнего» и «внутреннего».

И с точностью наоборот, не позволял себе за спиной у кого-то ни единого плохого слова, даже и тогда, когда со стороны было видно, как накипело и была потребность возмутиться, пожаловаться, просто излиться.

Работая у Георгия Францевича лаборанткой, я убедилась, что помогая другим, он совсем не привык сам пользоваться чьей-то помощью. По-моему, меньше всего в эти годы я занималась его собственными делами. То получала от Г.Ф. какое-то задание общесекторального плана, то реставрировала серию черепов для другого сотрудника, то участвовала в «чужой» экспедиции, то сидела над статистической разработкой опять же «чужих» материалов. Но надо сказать, что результаты работ окружающих были

для него часто не менее интересны, чем собственные, и может быть, ещё и отсюда шла его готовность способствовать их скорейшему появлению.

Между тем, своей счётной работы у Георгия Францевича всегда хватало, и на всех заседаниях, чтобы не тратить время попусту, он не расставался с логарифмической линейкой, ведя на ней свои расчёты. А поручая их мне, неизменно хотел, чтобы я сосредотачивалась не только на статистике, но и проникалась соответствующей проблемой, т.е. чтобы был какой-то интерес и для меня. Однажды, ещё в первый год работы, я получила задание отреставрировать серию черепов, присланную для Г.Ф. из раскопок в Молдавии. По окончании было доверено всё измерить и наконец всё подсчитать. Задания давались всегда в предельно краткой форме, без малейших уточнений и разъяснений. Конечно, я была уверена, что подготавливаю материал для работы самого Г.Ф. Но в итоге была ошеломлена, услышав последнее распоряжение: «А теперь напишите статью». Так, кстати, определилась моя дальнейшая судьба в антропологической науке, увлеклась и продолжала заниматься прошлым этой территории.

А тогда – моё первоначальное изумление постепенно переходило в другое чувство – глубокого уважения к человеку, который ни в малейшей степени не хотел пользоваться чужим трудом, хотя никто другой не увидел бы в этом чего-то неправильного, и все спокойно принимали лаборантскую помощь. Последняя статья Г.Ф., вышедшая уже после его смерти, была подписана двумя фамилиями – так он счёл необходимым отметить счётную работу для этой статьи, проделанную Юлией Алексеевной Дурново. Она была тронута до глубины души. Это был первый случай в её многолетней лаборантской практике.

...Мне тоже довелось получить уже после ухода Георгия Францевича то, что можно было понять либо как прощальную весть, либо последнее напутствие, либо благословение: спустя пару лет я неожиданно узнала, что в издательском госплане Института значится моя книга по палеоантропологии Молдавии. Конечно, никто кроме Г.Ф. не мог внести в план эту ещё несуществующую работу. Когда он это делал, не было ничего кроме возможного заголовка и отдельных статей. Уверенность Г.Ф. в том, что я это выполню, помогла мне закончить всё в срок, и книга была издана. Не могу простить лишь глупости, сделанной тогда и непонятной себе самой до сих пор...

Книгу – в рукописи – я посвятила памяти Георгия Францевича. Но в издательстве я услышала, как наш редактор, милейший Евгений Петрович Прохоров, говорил о своих мучениях с абсолютно неготовой к печати книгой и о том, как трудно работать с её автором, молодым периферийным антропологом, тоже учеником Г.Ф. А я сразу вспомнила, как был расстроен Г.Ф., как отказался пойти на банкет после защиты диссертации этого ученика. Дело в том, что тот вышел на защиту, не учтя ни единого замечания, не внося ни единой поправки руководителя. Какие-то очень сложные чувства овладели мной тогда в издательстве, когда увидев на этой работе также посвящение Г.Ф. и подавив в себе желание зачеркнуть его как нечто фальшивое, я тут же сняла собственные посвятельные строки... Потом, конечно, ругала себя.

Г.Ф. отнюдь не навязывал своего постоянного контроля за работой учеников. Меня в период аспирантуры это вполне устраивало. Я сама предпочитала как можно реже обращаться к руководителю. Тем более, мне казалось почему-то, что и он склонен к такому стилю общения, может быть, даже и ценит самостоятельность. Или эта ситуация вообще вне его поля внимания. Оказалось, всё не так.

Но я не получила выговора за то, что не докладывала как идут дела и не обращалась с вопросами. Была выбрана другая форма урока. Во время банкета по поводу одной из защит в нашем Отделе, Г.Ф. неожиданно, ещё в начале вечера, очень деловито объявляет мне: «Я, как Вы знаете, получаю деньги за руководство Вами. Но совсем не уверен, что отработываю их. Поэтому хотя бы отвезу Вас сегодня домой»... В этом был весь Дебец, непредсказуемый и неповторимый...

То ли урок был слишком мягким, то ли я слишком упряма в своих понятиях, только всё случилось по-старому. И мне и в голову не пришло поделиться с Г.Ф. своим отчаянным положением – цейтнотом в сдаче аспирантских экзаменов. Все запасы времени на подготовку съела работа над рефератом о группах крови у индейцев Америки, которая разрослась невероятно из-за обилия материала, т.е. американской литературы и периодики, посвящённых этой проблеме. Тема, диаметрально далекая во всех смыслах от молдавской палеоантропологии была специально подобрана Г.Ф. по принципу: это,

скорее, последний шанс заняться столь отдалённым сюжетом, вряд ли когда ещё придётся, а изведать профессию стоит как можно шире. Я была вполне согласна, увлеклась, и увлечение привело к «катастрофе».

Передав Г.Ф. наконец законченный реферат, я в крайне подавленном настроении сидела дома, не видя впереди никакого выхода. Но, возможно, по объёму реферата Г.Ф. догадался обо всём сам. Опять обращаюсь к очерку 1996 года:

«Вдруг вечером звонок в дверь, на пороге Г.Ф.: «Приехал к вам в гости». Чаепитие, разговор на самые различные темы, много смеха с монеткой, подвешенной на нитке к пальцу, это было тогда новым всеобщим увлечением, уж и не помню, что таким образом определялось... И ни слова о работе, о делах. Лишь уходя, очень коротко – «Экзамен перенесён на осень» и ободряющий кивок. И посыпались с моих плеч тяжелые камешки, и жизнь снова была прекрасна.

Это Г.Ф. умел как никто – прийти во-время, выручить...».

Со временем, по мере возрастания общих соприкосновений и невольного и естественного проникновения в дебецовскую суть, всё дальше отступало значение его внешней манеры держаться. Да и она сама сглаживалась с годами, резкость смягчалась. Отношения с нами, младшими, менялись в сторону упрощения, потепления. Человеческое обаяние всё более уверенно проступало сквозь корку суровости, к тому же рядом всегда было не менее привлекательное обаяние научной увлечённости, которое скрыть невозможно. Этого человека нельзя было не любить... И это чувство довелось испытать и пронести в себе на долгие годы многим из нас – тем, кто оказался счастливым образом во времени и месте рядом с Георгием Францевичем...

...Кажется, можно поставить точку: всех, кого могла и как могла, хотя бы коротко, хотя бы одним эпизодом, но вспомнила. Хочу только заметить, что, несмотря на то, что это были, конечно, личные записки, я часто прибегаю к форме множественного числа, пишу от лица «нас», имея в виду своё ближнее в те моменты окружение. В университете это была по большей части моя кафедральная группа; но дружили и порой тесно общались и со студентами ближайших курсов. Приравнивать «я» к «мы» мне позволяет, как кажется, то, что были мы, вопреки всей нашей разности, объединены очень многим и являли собой какую-то общность, по крайней мере, в том, что касалось отношения к нашим учителям, то есть собственно к области моих воспоминаний. На нашем курсе было нас восемь человек; как подметил кто-то из старшекурсников «семь-то девок, один я». Назову всех по алфавиту: Марина Великанова, Таня Дунаевская, Вика Липинская, Ира Моисеенко, Нина Рожнова, Нина Смирнова, Юра Рычков, Лера Соловьева, Валя Термартиросова. Кого-то из этого списка уже нет, нет и многих из тех, кто был рядом в более поздние годы. И мне хочется думать, что когда я пишу на этих страницах «мы» и «нас», то тем самым – им, ушедшим ранее, тоже воздается некая дань памяти. Рядом с памятью о наших старших...

Библиография

Автопортреты поколения биологов. МГУ. 1950-2000. Изд-во Московского университета, 2000 г.

Великанова Марина Святославовна — Отечественные этнографы и антропологи. XX век. http://ethnographica.kunstkamera.ru/%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0 [Электронный ресурс]. Дата публикации: 9 мая 2017 г., 21:57:30. Дата обращения: 19.12.2018 г.

Вестник антропологии. Альманах, вып. 2. Москва, 1996 г.

Новоселье биологов МГУ на Ленгорах. М. 2011 г.

НАШИ ЗАМЫ

Воспоминания о П.И. Зенкевиче и В.П. Волкове-Дубровине

Строкина А.Н.

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва, Россия

Автор статьи, Алла Николаевна Строкина – выпускница кафедры антропологии Биолого-почвенного факультета МГУ, доктор психологических наук. В своей статье Алла Николаевна вспоминает П.И. Зенкевича и В.П. Волкова-Дубровина, служивших заместителями директоров в НИИ и Музея антропологии.

Ключевые слова: МГУ, НИИ и Музей антропологии, заместитель директора, Зенкевич Пантелеймон Иванович, Владимир Петрович Волков-Дубровин

Прежде чем начать писать о наших замах, я задумалась, а что же это за такая должность «заместитель», заместитель директора института, предприятия, школы и т.п. Заместитель должен быть всегда на месте, предоставляя свободу директору, освобождая его от рутинных дел. На заместителе можно сорвать зло, сорвать плохое настроение, выпустить «пар», потом по-товарищески извиниться. С заместителем можно быть невежливым, свалить на него какую-то вину, даже уволить, а при случайных встречах виниться, говорить: «Ну, старик, извини, иначе я не мог». У зама отпуск, как правило, предоставляется в неудобное время. Но они, как правило, люди незаменимые. Зама бывают разные и по личностным качествам, добрые и злые, заботливые и равнодушные, весёлые и общительные, угрюмые и скрытные, в общем разные. Но у заместителя должно быть одно положительное качество – верность. Верность институту, его руководителю, его сотрудникам.

У нас, в НИИ антропологии, на протяжении его истории было несколько заместителей, но два из них, по моему, заслуживают того, чтобы о них знать и помнить. Это Пантелеймон Иванович Зенкевич и Владимир Петрович Волков-Дубровин.

Зенкевич Пантелеймон Иванович (1903 – 1975)

Когда я только стала собирать материал о П.И. Зенкевиче, я почти ничего о нём не знала. Я не была с ним близко знакома. В 60-х годах, ещё работая в Институте физкультуры, я приходила к нему с просьбой дать мне во временное пользование антропометрические инструменты. Надо сказать, что он был очень

любезен, посадил меня рядом и долго расспрашивал о том, когда я окончила кафедру, зачем мне нужны инструменты, какую работу я буду выполнять, умею ли я измерять. Если бы знать, что восьмидесятилетней старухой буду о нём писать! Если бы знать!

Пантелеймон Иванович Зенкевич родился 23 мая 1903 года в г. Александров. «Анкета» его очень немногословна. Он пишет, что его родители были из дворян. Отец работал в Управлении текстильной промышленности. О его матери сведений я не нашла. Пантелеймон Иванович закончил мужскую гимназию в городе Александрове. Я пыталась найти какие-либо сведения о его семье, о его родителях, писала письма в архивы городов Александров, где родился Зенкевич, и в г. Владимир, областной центр, в который входит г. Александров. Но в государственных архивах сведений о семье Зенкевичей не было найдено. Как в детективе! Я даже изучила происхождение его имени и хочу поделиться результатами своих изысканий.

Имя Пантелей, Пантелеймон (Пантолемон, Пантемон) греческого происхождения. Означает «Всемиловитый». Человек весьма дельный, толковый, всякое дело доводит до конца. Он что называется двужильный, умеет хорошо организовывать работу, умеет объективно оценивать достоинства и недостатки коллег, если надо, тактично «воспитывать» их и т.д. Его тотемное животное – «верблюд». Правда, интересно? Это же наш Пантелеймон Иванович! А что же рассказывают о Св. Пантелеймоне в религиозной литературе? В истории был такой персонаж, сначала не святой, а просто праведник. Он был грек, жил очень давно (III век н.э.). Учился у знаменитого врача Евфросина. Был призван в качестве врачевателя ко двору императора Максимилиана. Пантелеймон познакомился с учением Христа и принял его. Он безвозмездно лечил всех обращавшихся к нему, богатых и бедных, знатных и простых, посещал в темницах узников, что не нравилось другим врачам. По доносу, что он христианин, император Максимилиан бросил его в темницу и обрёл на жесточайшие муки. Далее идут «рассказы» – свидетельства о его святости. Казнили Пантелеймона в 305 году. Когда мученику отсекали голову, маслина к которой он был привязан, зацвела. Брошенное в костёр тело святого осталось не повреждённым, и христиане его с почестями похоронили, а мощи его разошлись по всему православному миру. Ему принадлежат слова: «Исцелился сам». Почти в каждой церкви вы можете увидеть икону Св. Пантелеймона с атрибутами врача в руках (коробочки, ложечки, склянки). Я уверена, что если бы наш Пантелеймон Иванович жил в то время, он мог бы быть искусным врачевателем и верным христианином.

Но вернёмся к нашему коллеге, советскому Пантелеймону. В 1918 году Пантелеймон Иванович подал документы на 1-й курс естественного отделения физико-математического факультета МГУ, секцию антропологии, но «вследствие неблагоприятных обстоятельств к занятиям не приступил» (так написано в «Деле»). Что за неблагоприятные обстоятельства могли быть, мы не знаем, но можно предположить два варианта: первый, это его дворянское происхождение, а второй – состояние здоровья. Думаю, второе, так как в дальнейшем его уволили из армии по заключению медицинской комиссии. И так, не начав учиться, Пантелеймон Иванович поступил на службу в одно из районных Управлений Текстильной промышленности в г. Александрове и проработал там до начала службы в армии. С 1919 по 1921 год служил в запасных и действующих частях Красной Армии. Но в 1921 году был уволен из Армии опять же по заключению медицинской комиссии. Думаю, что семья была небогата. Пришлось пойти работать. В 1921-1922 годах он работал секретарём в Александровской Уездной Судебно-следственной комиссии. Но мечта об Университете его не оставляла, и осенью 1922 года он был восстановлен в правах студента, а в 1927 году защитил диплом на тему «К антропологии русского населения Нижегородского Заволжья». Отметка – «весьма удовлетворительно», т. е. «отлично».

Ещё в 1926 году, будучи студентом, Пантелеймон Иванович начал работать лаборантом на кафедре антропологии МГУ. Он – постоянный участник многочисленных экспедиций. В 1928 и 1929 годах он самостоятельно руководил летней производственной практикой студентов-антропологов.

С 1931 по 1933 годы кафедра антропологии была временно закрыта, поэтому в 1931 году Зенкевич П.И. был зачислен в Институт антропологии на должность научного сотрудника, а в 1932 получил должность старшего научного сотрудника. В 1934 году ему присваивается звание доцента, о чём в «Деле» имеется выписка из протокола. В 1935 году он вступает в должность заместителя директора института.

После восстановления кафедры в 1933, Пантелеймон Иванович начинает читать курс лекций по морфологии. В 1938 году курс анатомии, ранее читавшийся медиками, начал читать Гремяцкий М.А. Практические занятия по анатомии вели сотрудники кафедры антропологии биофака и Института антропологии. П.И. Зенкевич был в их числе.

В 1938 году ему присудили учёную степень кандидата биологических наук без защиты диссертации («h'onoris causa» – по причине уважения). В «Деле» имеется протокол Учёного совета.

Для меня есть ещё одна загадка о Пантелеймоне Ивановиче. Он знал три языка: немецкий, французский и английский. Когда он их познал? Родители ли сделали ему этот подарок, учил ли языки самостоятельно, изучал ли в университете? Думаю, что этот дар он получил благодаря родителям. К сожалению, я опоздала. Коллеги Пантелеймона Ивановича, с кем он работал, все ушли в мир иной. Всё что я написала о нём это скудные сведения из его «Дела» и воспоминания сотрудников, которые были намного моложе его, но которые уже работали под его руководством. Все они очень тепло отзывались о нём, но почти ничего не знали о ранних годах его деятельности. А в Институте работал образованный, профессионально грамотный, заботливый, требовательный, добрый и отзывчивый заместитель директора. Причём, директора-то при этом менялись.

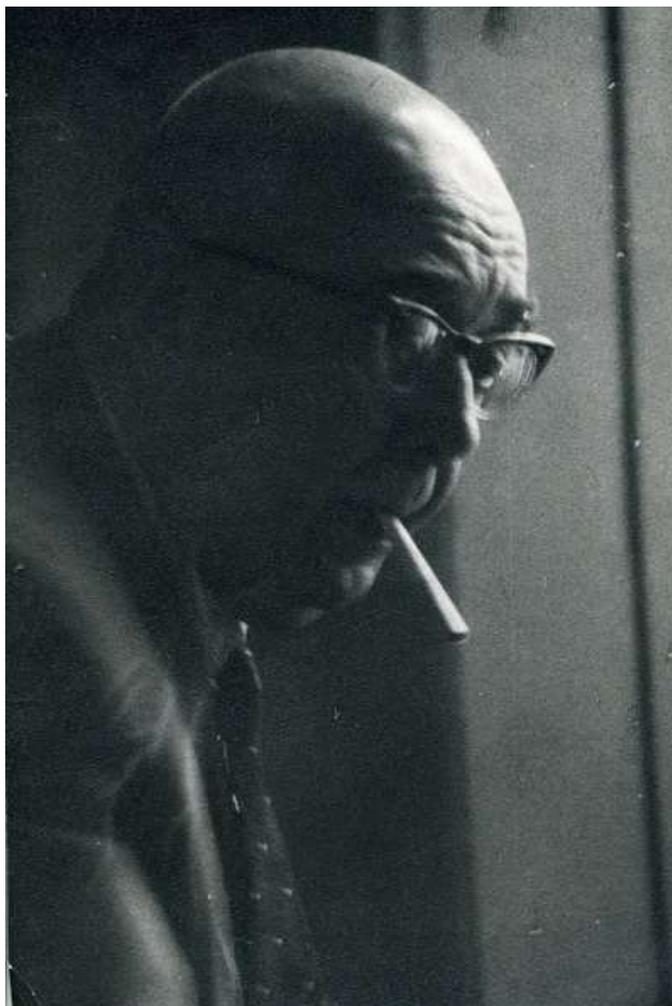
Я его помню всегда в светло-сером костюме, светлой рубашке, чаще без галстука, с папиросой (рис. 1). Висящая на губе папироса была его видовым признаком. Она никогда не покидала его нижней губы. Это не означает, что он постоянно дымил. Он постоянно жевал её бумажный мундштук, перекидывая из одного угла рта в другой. Бритая голова, круглые не модные очки, как теперь сказали бы «очёчки». Крупный, грузный, он неторопливо проходил по институту, держа в руках очередную пачку бланков.

Пантелеймон Иванович приходил на работу каждый день. Никаких отгулов или свободных дней не брал. Приходил в одно и то же время, рано, раньше всех. Приходил первым и уходил последним. Он жил жизнью только института. Институт был его родным домом. Он знал все его закоулки, расположение шкафов и их содержимое. Он был ангел хранитель НИИ антропологии, хозяин. Большая связка ключей всегда висела на ремне брюк.

Живя в Москве, он поменял три адреса, чтобы территориально приблизиться к институту. В разговоре он как-то сказал, что жить надо близко к месту работы. Когда встал вопрос о получении жилплощади, он выбрал комнату в коммуналке (правда, большую) в Камергерском переулке, а не отдельную квартиру где-то далеко, как ему предлагали. Говорят, что он был вовсе не тщеславным.

Во время Великой Отечественной войны большинство сотрудников Института были эвакуированы. В Институте остались П.И. Зенкевич, А.А. Дёшин и В.В. Бунак. Следует заметить, что институт, как и теперь, территориально находился на Моховой, место наиболее уязвимое для бомбёжек. Осенью 1941 года Пантелеймон Иванович все дни проводил в институте, а часто и ночевал там. От гибели были спасены оборудование и ценнейшие экспонаты коллекций музея. Так и представляю, как Пантелеймон Иванович, заботливый «домовой», бродит по залам, прислушивается, смотрит в щёлку между шторами, наблюдает за прожекторами, аэростатами, стерегущими московское небо. А ещё я слышала от Урысона М.И., что осенью 1941 года Пантелеймон Иванович погрузил наиболее ценные экспонаты Музея антропологии на телеги и вывез за город. Мне неизвестно куда. Эта «сказка» передаётся из поколения в поколение как легенда-подвиг. За достоверность сведений не ручаюсь.

После войны Пантелеймон Иванович Зенкевич был награждён медалями «За Оборону Москвы», «За доблестный труд во время ВОВ», медаль в память 800-летия г. Москвы.

Рис.1. Зенкевич Пантелеймон Иванович с неизменной своей папиросой

Самым большим помещением в институте был так называемый «счётный зал». В зале сидели человек 30 девочек, которых он называл «барышнями». В основном это была молодёжь. Дисциплина была железная. Работать надо было, не прерываясь на разговоры, выходить надолго не полагалось. Тишину нарушали лишь звуки крутящихся ручек арифмометров: обрабатывался материал, привозимый из экспедиций.

Пантелеймона Ивановича называли «душой» института. Он очень дружелюбно встречал каждого нового сотрудника, скорее сотрудницу. Для вновь приходящего сотрудника сам организовывал рабочее место так, чтобы ему было удобно. На первых порах заботился о нём, навещал его. Я говорю о сотруднике в мужском роде. Но наш институт был женский. И заботился-то Пантелеймон Иванович о сотрудницах-женщинах. Женщин обожал. Если вы садились рядом с ним для беседы, он иногда решался погладить вас по коленке. Несмотря на то, что коллектив был женский, Пантелеймон Иванович не разбирал ссоры, гасил их, не поощрял наговоры и был дисциплинарно строг. Он знал личные дела всех сотрудников, знал, когда и кто женится или выходит замуж, удачно или неудачно, о рождении детей и т.д.

Волновался он в основном только по поводу дел в институте. Когда он расстраивался, то никогда, не повышал голоса, не размахивал руками, но у него краснели шея, его бритая голова и лицо. И всем было ясно, что Пантелеймон Иванович гневается.

О порядочности и бесстрашии Пантелеймона Ивановича рассказывала М.М. Герасимова (со слов Г.Ф. Дебеца). В 1930 году в институте работал выдающийся краниолог А.Н. Абиндер, написавший диссертацию по трансверзальной уплощённости лицевого скелета. Перед защитой он был

репрессирован. Пантелеймон Иванович, несмотря на опасность, сохранил рукопись его диссертации, а после реабилитации вернул её автору и способствовал защите, которая успешно состоялась.

Пантелеймон Иванович был женат вторым браком. В обоих случаях детей не было. Вторая жена, Александра Зиновьевна работала в бухгалтерии Университета. Она нежно заботилась о нём, гордилась своим мужем. В столовую он никогда не ходил, а обедал принесёнными с собой бутербродами, любовно приготовленными Александрой Зиновьевной. И ещё. Пантелеймон Иванович любил пить чай в компании своих сотрудниц, обсуждая в это время вопросы отнюдь не служебного характера.

Умер Пантелеймон Иванович в 1975 году 25 ноября. Ему был 71 год. Он умер от рака желудка, не подозревая, что он болен. Умер очень быстро, как говорят, сгорел за несколько месяцев.

Пантелеймон Иванович Зенкевич проработал в институте 49 лет, из них 40 – в должности заместителя директора по научной работе. Жаль, когда из жизни уходят такие личности.

Научные интересы Пантелеймона Ивановича сначала были довольно разнообразны, особенно в довоенное время. Думаю, что он был в поиске. В 20-30-х годах в Институте началось исследование финно-язычных групп населения (мари, мордвы, удмуртов), которое имело большое теоретическое и практическое значение. Зенкевич П.И. исследовал физический тип горных и луговых мари. В 1933 году выходит одна из самых ярких и значительных его работ «Физический тип горных и луговых мари».

В 30-х годах Пантелеймон Иванович часто ездит в экспедиции с В.В. Бунаком. Надо отметить, что он уважал и любил Бунака. Говорят, что он называл его «наш отец».

Уже в 1928 году он пишет тезисы по антропологии Нижегородского Поволжья на «III-й Всесоюзный съезд зоологов, анатомов и гистологов». Обычно антропологи печатали свои работы в материалах этих съездов, так как собственного журнала тогда ещё не было.

В Институте ещё в 30-х годах началось исследование связей соматического и обменного статусов человека. Об этом свидетельствуют ряд работ по минерализации костей. Например, была выполнена дипломная работа Сергеева В.И. о связи минерального состава костей черепа с его формой [1929]. Синельников Н.А. провёл исследование о соотношении формы и функции на примере изучения системы остеонов бедренной кости человека и животных. К сожалению, Синельников Н.А. умер в 1941 году. А Сергеев В.И. погиб на фронте. Пантелеймон Иванович тоже интересовался этой тематикой. В 1937-1940 годах им были выполнены работы о связи степени минерализации длинных костей нижней конечностей (большой берцовой кости) с их формой и размерами. Опубликовав часть результатов, он, к сожалению, не успел опубликовать обобщающие результаты, и оформить материал в диссертацию. Говорят, что Пантелеймон Иванович всю жизнь сожалел об этом. Началась 2-я Мировая война.

В 1925-1930-е годы Бунак В.В. начал проводить комплексные экспедиции в центральные регионы СССР. Начался планомерный массовый сбор материалов по различным профессиональным группам населения. Работы по вопросам прикладной антропологии также начались с первых лет существования института. В 1931-1933 годах в журнале «Швейная промышленность» вышла серия статей В.В. Бунака, в которых обсуждались вопросы теории и практики антропологической стандартизации. В эти годы было выполнено много работ, имеющих важное народнохозяйственное и оборонное значение. Наибольший размах они получили в послевоенное время.

В 1932 году в институте был организован сектор теоретической и прикладной антропометрии. Руководителем был назначен П.И. Зенкевич. Пришлось начать совершенно новые исследования. Сначала эти исследования велись не систематично. Срочно решались частные вопросы-задания. Приведу примеры.

Так, были разработаны:

- ✓ размерная типология стопы для конструирования колодки детской и подростковой обуви;
- ✓ размерная типология кисти для производства хирургических перчаток;
- ✓ созданы размерные типы ножных протезов;
- ✓ разработаны стандарты глазных протезов и т.п.

Много исследований было проведено по заказу оборонной промышленности. Была разработана размерная типология и ростовка армейской обуви и одежды, размерная типология для конструирования средств индивидуальной защиты.

Все работы проводились под контролем и при участии П.И. Зенкевича. В эти годы уточнялись и совершенствовались программы измерений, использовались различные приёмы анализа материалов, новые способы их математической обработки.

Пантелеймон Иванович участвовал во всём и везде. В 1951 году вышел из печати тематический сборник «Теория и методы антропологической стандартизации», в котором были отражены достижения института в этом направлении исследований. И Зенкевич П.И. – составитель сборника и соавтор некоторых статей.

Именно в эти годы Зенкевич П.И. был награждён Орденом Трудового Красного знамени.

Рис. 2. Карл Заллер в гостях в Институте антропологии, 1958.

Стоят: Нестурх М.Ф., Игнатъев М.В., Герасимов М.М., Заллер К., Рогинский Я.Я., неизв., Зенкевич П.И., Левин М.Г., Дебец Г.Ф., Урысон М.И.

Сидят: Бунак В.В., Шевченко Ю.Б., переводчица, Плисецкий М.С., Гремяцкий М.А., Башкиров П.Н.

В 1955 году вышло постановление Совмина СССР о привлечении Института антропологии к разработке размерной типологии для конструирования изделий лёгкой промышленности (для детского и взрослого населения страны) и составлению ассортиментных размерно-ростовочных шкал. Это исследование тоже было организовано под руководством П.И. Зенкевича. Измерениями было охвачено более 120 000 человек на территории 60-и областей СССР. Работа продолжалась 6 лет. Была поставлена задача свести

полученные данные по антропологическому составу измеренных групп населения СССР к ограниченному числу типов, наиболее полно отражающих распределение размеров тела и его частей, а также их сочетаний. Удалось выяснить некоторые закономерности возрастной, половой и территориальной изменчивости размерных признаков, взаимосвязь между их величинами.

Так называемая классическая антропометрия, преимущественно проекционная, не всегда отвечает прикладным требованиям. Поэтому была несколько изменена техника измерений, введены новые размерные признаки, например, обхватные. Были разработаны основные теоретические вопросы: критерии представительности выборок, изучение закономерности изменчивости размерных признаков их сочетаний в широких контингентах населения, использование корреляционного и регрессионного анализов.

*Рис. 3. Наши старшие товарищи и учителя (Учёный Совет НИИ антропологии).
Стоят: Шмаков А.А., Зенкевич П.И., Нестурх М.Ф., Левин М.Г., Башкиров П.Н., Игнатъев М.И.
Сидят: Рогинский Я.Я., Иваницкий М.Ф., Гремяцкий М.А., Плисецкий М.С., Громов В.И., Шевченко Ю.Г.*

Внедрение в практику швейной промышленности результатов исследований, проведённых институтом, выразилось в разработке более 20 государственных стандартов (ГОСТ,ов). Например, «ГОСТ 17522-72. Типовые фигуры женщин. Размерные признаки для проектирования одежды», «ГОСТ 17521-72. Типовые фигуры мужчин. Размерные признаки для проектирования одежды» и др. Об этом Пантелеймон Иванович написал большую статью «Антропология и задачи лёгкой промышленности Советского Союза», которая вышла в 1957 году в журнале «Советская антропология».

Затем начались прикладные работы в рамках стран – членов СЭВ.

В середине 60 – х годов Постоянной комиссией по размерно-ростовочным стандартам стран Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) по лёгкой промышленности, был поставлен вопрос о возможности построения объединённого размерно-ростовочного стандарта для взрослого и детского населения стран-членов СЭВ. Антропологическая программа для каждой страны была составлена П.И. Зенкевичем и Т.Н. Дунаевской. В результате этого сотрудничества были разработаны стандарты для каждой страны. А в 1974 году в издательстве «Лёгкая индустрия» был издан коллективный труд «Размерная типология населения стран-членов СЭВ», в которой Пантелеймон Иванович в главе «Методика и программа

измерений, необходимых для конструирования одежды» как бы подведён итог своей работы в области прикладной антропологии.

В заключение следует отметить, что Пантелеймон Иванович Зенкевич участвовал во всех работах, выполняемых для швейной промышленности, как руководитель, автор статей, редактор научных сборников и организатор разработки большого количества государственных стандартов.

Рис. 4. Урысон М.И. и Зенкевич П.И. беседуют с венгерским антропологом Миланом. 1958.

Список научных трудов Зенкевича П.И.

1. К антропологии русского населения Нижегородского Поволжья /Сб. Нижг. Губкома. – 1926.
2. Форма поперечного сечения головных волос русского сельского населения //Антроп. журнал. – 1932.
3. Морфологическое строение кисти рабочих подростков /Сб. О.З.Д. П. – 1933.
4. Физический тип горных и луговых мари //Журнал «Марийская автономная область». – Йошкар-Ола. – 1934, 1936. – № 8 – 9 и 10 – 12.
5. Смена волосяного покрова у человека /Уч. зап. МГУ. – Вып. 10. – 1936.
6. Характеристика восточных финнов /Уч. зап. МГУ. – Вып. 63. – 1941.
7. К вопросу о факторах формообразования длинных костей человеческого скелета / Уч. зап. МГУ. – Вып. 34. – 1940.
8. Вариации формы сечения большой берцовой кости в связи с распределением остеонов /1948. Сдано в печать.

9. Антропология и задачи лёгкой промышленности Советского Союза //Советская антропология. – № 1. – 1957.
10. Анатомо-антропометрическое руководство для конструкторов средств индивидуальной защиты (закрытая рукопись по заказу А.К.Б. Кр. Богатырь)
11. Теория и методы антропологических стандартов применительно к производству изделий личного пользования /Сб. статей. – М.: МГУ. – 1951.
12. Пять работ, выполненных по прикладной антропологии по условиям договоров, не подлежащих опубликованию.
13. Размерная типология населения стран-членов СЭВ. – М.: Лёгкая индустрия. – 1974.
14. Статьи в БСЭ.

Волков-Дубровин Владимир Петрович (1935 – 1995)

Мы из поколения 50-х годов. Учились с 1953 по 1958 год. Биолого-почвенный факультет МГУ, так он тогда назывался, был женский и славился красивыми девочками. Нас называли трогательно и ласково «биологинями». Мы были объектами внимания студентов «мужских» естественных факультетов, особенно физиков. Выйти замуж за физика было очень романтично. А на биологическом факультете было микроскопическое количество особей мужского пола, хотя в дальнейшем многие из них превратились в профессоров, ректоров, академиков и т. п. Но тогда это были «мальчики».

У нас, в группе антропологов выпуска 1958 года, были два мальчика, Володя и Олег – Владимир Петрович Волков-Дубровин и Олег Михайлович Павловский (тогда Голубев). Оба симпатичные, высокие, худощавые. На этом сходство их заканчивалось, хотя ходили они парой, жили в одном блоке общежития, учились отлично. Оба рано женились, Олег на 5-м курсе, Володя женился сразу после окончания университета. Через год родились дети, и почти сразу же семьи распались. Наши «мальчики» практически не занимались воспитанием сыновей. Жестоко так говорить, но это так. В 2004 году должна была пройти конференция «Экология и демография человека в прошлом и настоящем», посвящённая памяти наших мальчиков. Меня попросили написать об Олеге Павловском. Сначала я отказалась. Но всю последующую неделю я думала о наших студенческих годах, в частности об Олеге. А потом села и за один день написала то, что написала. Можно сказать, написала «нечаянно», но писала вдохновенно и быстро. Всем понравилось. А вот о Володе Дубровине тогда написала серьёзную научную статью его коллега по экспедициям Л.К. Гудкова. А теперь и я тоже решила написать о Володе, Володе-человеке, нашем приятеле, нашем однокласснике. Правда, когда я писала, у меня мелькала мысль, а обо мне кто-нибудь напишет? Думаю, что нет. И не потому, что я не заслуживаю того, чтобы запечатлели мой образ на бумаге, а потому, что уже некому будет писать. Сменится поколение. Спешите вспоминать!

Владимир Петрович Волков-Дубровин родился 12 января 1936 года в г. Исса Куйбышевской области. Затем семья переехала в г. Бузулук, где Володя окончил среднюю школу. Откуда он уехал в Москву и поступил в МГУ на биолого-почвенный факультет на кафедру антропологии.

Владимир Петрович вырос в семье учителей. Его отец Пётр Иванович Волков, работал завучем средней школы, преподавал математику в старших классах. Он добровольно ушёл на фронт и погиб в боях на Курской дуге в 1943 году. Пётр Иванович был заботливым отцом. Даже будучи на фронте, он беспокоился о том, как растёт его сын, чем занимается. Сохранилось письмо отца, написанное на квитанции «денежного аттестата», в котором он просит жену купить «Вовику» ко дню его семилетия

патефонные пластинки со сказками. В конце он пишет: «Ждите с победой». В войну умерла их дочь, младшая сестра Владимира Петровича.

Мать Володи, Анна Петровна Дубровина, тоже учитель, учитель младших классов. Говорят, она тоже была неплохим математиком. Так что Володя воспитывался в семье учителей-математиков. Могу сказать сразу, что он тоже отличался значительными математическими способностями. Анна Петровна прожила долгую жизнь, помогала воспитывать его детей.

В Бузулуке жила вся родня, очень большая и дружная. Володя застал деда и бабушку. Дед был знатный портной, учился портновскому делу за границей. Бабушка занималась домом. Володя вырос в семье, в которой были преимущественно женщины, о нём заботилась бабушка, и я думаю, что это наложило отпечаток на его дальнейшую жизнь. Но в семейной жизни ему не везло. Три семьи, три сына. С детьми занимался мало. Сыновья выросли с мамами. Разные. Разные, видимо потому, что были разные мамы.

Я считаю своим долгом написать о первой жене Владимира Петровича Наталии Сергеевне Шишкиной, Наташе, нашей однокурснице. Наташа и Володя поженились сразу после окончания курса. Мы, группа антропологов, «гуляли» на свадьбе. Через год родился сын Серёжа, а ещё через год они разошлись. Причины? Не знаю, но думаю, что Володя не выдержал тягот семейной жизни.

Наташа Шишкина, образованная, активная, сильная, всю жизнь проработала НИИ консервной овощесушильной промышленности, кандидат биологических наук, заведующий отделом холодильной обработки плодов и овощей, Академик Международной Академии Холода. Я с большим удовольствием перечислила все регалии Наташи. Её человеческие качества также заслуживают внимания. Она верная подруга и заботливая мать. Наташа одна воспитывала своего сына. Она дала ему и свою фамилию. Видимо отец не возражал. С сыном он практически не общался. А вот Наташа не оставляла своего бывшего мужа своим вниманием и помощью всю жизнь. Например, когда он развёлся со второй женой, ему негде было жить, он был болен, и Наташа приютила его у себя, ухаживала за ним.

Старший сын Володи Сергей Владимирович Шишкин окончил Экономический факультет МГУ, доктор экономических наук. Работает в Московской высшей школе экономики. Сергей – состоявшийся учёный, автор нескольких монографий. Он состоялся и в семейной жизни, имеет двух сыновей, дочь и внуку. Его старший сын, Дмитрий, тоже окончил экономический факультет. Младший сын, Сергей, окончил Высшую школу экономики, юрист. Дочь Наташа окончила факультет психологии МГУ. Я думаю, что успех сына в науке и благополучие в семье – это заслуга его матери. Наташа всегда поддерживала и вдохновляла его.

Вторая жена Володи, Вера Павловна Акимова, Верочка, как её трогательно называл Володя и все его коллеги, окончила Филологический факультет МГУ, славянское отделение. Работала переводчицей с чешского. Много ездила по стране. Этот брак продлился значительно дольше, появилось материальное благополучие, свободное время, но с рождением сыновей семья распалась. Сыновья – Алексей (1967) и Владислав (1971). Правда, мама Володи помогала Вере Павловне ухаживать за внуками. Сыновья от второго брака тоже выросли без отца. Они не получили высшего образования. Старший сын Алексей, перебрав несколько профессий, стал заниматься дизайном по озеленению. Младший сын, отслужив в армии, работает шофёром.

Почему я пишу о личной жизни тех, у кого мы учились или с кем мы работали? Казалось, что моя задача привести основные факты жизни учёного, а не выяснять причины его семейных неудач. Но мне, думается, что эти две стороны жизни взаимосвязаны, порой очень крепко. За официальными фразами не видно человека.

Третья жена Володи, Раиса, молодая, красивая, заботливо ухаживала за ним. Володя стал ходить более ухоженным, но, казалось, он был грустен, задумчив. Знаю, что Володя болел. Болезнь мучила его. У Раисы была дочь от первого брака, Володя удочерил её, трогательно относился к ней, возился с ней. Может быть, если бы у него в прежних семьях были дочери, его семья сохранилась? Девочки более

ласковы, как правило, трогательно любят отцов. Я так подробно рассказываю о личной жизни Владимира Петровича, потому, что дружила с ним, а он помогал мне в трудных ситуациях, поддерживал на работе, даже в сложностях личной жизни.

Я хорошо помню Володю, когда он был заместитель директора Института. Деловой, спокойный, негромкий, доброжелательный. Работы было много. Он был идеальный администратор (организация экспедиций, каждодневных экскурсий в Музее антропологии, отпуска сотрудников, общественная работа и т.д.). Но я отвлекусь.

Рис. 5. В.П. Волков-Дубровин в одной из экспедиций.

У нас были необыкновенные учителя, можно сказать все великие антропологи. Все они были очень разные. Мягким тихим голосом рассказывал Яков Яковлевич Рогинский, слегка скрипучим голосом каламбурил Михаил Антонович Гремяцкий, увлечённо трубным голосом втолковывал материал Пётр Николаевич Башкиров, немного торопясь говорил Максим Григорьевич Левин, как будто боялся не успеть рассказать о всех индейцах Америки. Он всё время курил, и пачка папирос таяла у нас на глазах. Слегка закатывая глаза, в упоении говорил об обезьянах Михаил Фёдорович Нестурх. Он называл себя «обезьяньим папой». Мы упивались рассказами своих «старших» и слушали, слушали, слушали.

Наверное, больше всех мы любили Якова Яковлевича Рогинского. Из всех учителей он был наиболее доступен для общения. И вот Володя Волков-Дубровин откликнулся на его зов и стал выполнять под его руководством дипломную работу (1957-1958). Его работа называлась так: «К вопросу о значении конфигурации свода черепа в условиях инсоляции». В.П. Дубровин ставил задачу, определить интенсивность облучения различных по форме сводов черепа. А в 1960 году вышла статья «Гипсистоцефалия как приспособительный признак в тропической зоне». Авторами были В.П. Волков-Дубровин и Я.Я. Рогинский. Хочу заметить, что фамилия Якова Яковлевича поставлена на втором месте. И не потому, что начальная буква его фамилии находится ближе к концу алфавита. Яков Яковлевич понимал, как важно было молодому специалисту, ещё студенту, утвердиться. Я знаю ещё одного учёного, моего научного руководителя, М.Ф. Иваницкого, который никогда не ставил свою фамилию

рядом с фамилией своего ученика. Он считал, что он не имеет на это права. Мой коллега, известный психолог, В.П. Зинченко, называл многоавторство «братской могилой».

По окончании кафедры антропологии Владимир Петрович работал во ЦНИИ кожевенно-обувной промышленности, мечтая перейти в НИИ антропологии, что и произошло в 1960 году. Володя семь лет проработал старшим лаборантом. В те годы работать старшим лаборантом в Университете было не зазорно. Вырабатывались навыки в работе, собирался материал для задуманной диссертации. Кроме того, ты был в постоянном общении со своими учителями, присутствовал на заседаниях кафедры, Учёного совета, слушал доклады своих сотрудников и пришельцев. Ты был, если не участником, то активным наблюдателем. Это давало очень много для начинающего специалиста.

С 1961 году в НИИ антропологии началось изучение различных популяций Северной Евразии под руководством Т.И. Алексеевой (впоследствии академик РАН) и Владимир Петрович стал бессменным участником всех этих экспедиций.

Ему было поручено освоить и применить совершенно новый для антропологии метод оксигеметрии. Метод, известный в физиологии и биохимии, но никогда не применявшийся в антропологических исследованиях. Это метод бескровного, длительного и непрерывного определения изменений насыщения крови кислородом, что давало возможность оценить интенсивность окислительных процессов на популяционном уровне.

В 1964 году в Москве состоялся VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, на котором была официально признана физиологическая антропология. Это событие окончательно утвердило В.П. Волкова-Дубровина в желании заниматься оксигеметрией применительно к интересам физической антропологии.

Рис. 6. Олег Павловский, Алла Строчкина и Владимир Волков-Дубровин. 1965 год.

В результате исследований, проводимых Волковым-Дубровиным, были получены новые результаты, которые получили выражение в виде целого ряда статей и докладов. Но сначала была диссертация. В 1967 году В.П. Волков-Дубровин под руководством Т.И. Алексеевой защитил кандидатскую диссертацию на тему «Опыт антропологического изучения интенсивности окислительных процессов». Была показана большая индивидуальная изменчивость показателей оксигеметрии. На большом материале была изучена её половозрастная изменчивость и установлена географическая вариабельность.

Следующим этапом было изучение взаимосвязи между такими разносистемными признаками, как морфологические особенности и обменные показатели. Была установлена относительная независимость этих признаков друг от друга. «Предполагаемая зависимость уровня окислительных процессов и особенностей телосложения проявляется не так резко, как следовало бы ожидать» [Волков-Дубровин, 1970].

Владимир Петрович был разносторонним исследователем, владел всеми методиками исследования в физической антропологии. В 1971 году его направили в составе советско-индийской экспедиции в Северную Индию, где он изучал антропологические особенности пяти кастовых групп индусов. Там он провёл исследование по широкой морфологической, рентгенологической и оксигеметрической программам. Позже, в Москве, на обработку материала ушло 2 года. Результат: блестящая статья с интереснейшими выводами об адаптации исследуемых кастовых групп к условиям приэкваториальной зоны.

В.П. Волков-Дубровин был «прирождённым экспедиционным работником», вспоминают его коллеги. В экспедициях он просто расцветал, там даже менялась его характерная походка, которая в институтских коридорах казалась угловатой. «Он был хорошим хозяином. Вёл экспедиционную бухгалтерию и так, что мы никогда при всей ограниченности средств не испытывали особой нужды», – вспоминает его коллега Л.К. Гудкова.

Владимир Петрович был надёжным товарищем, спокойным, уверенным и смелым. И ещё Володя обладал удивительным, редким качеством – угадывать направление. Л.К. Гудкова, которая часто ездила с ним в экспедиции, рассказывала, как он ночью в Бухаре в абсолютной темноте вывел к ночлегу всех членов экспедиции. И это был не единичный случай. Он прекрасно ориентировался в местности.

Наши два зама, П.И. Зенкевич и В.П. Волков-Дубровин очень разные, но обоих объединяла одна черта – порядочность, умение вести «хозяйство» и забота о коллегах.

Список наиболее значимых печатных работ В.П. Волкова-Дубровина

1. Гипсистоцефалия как адаптивный признак в тропическом поясе // Вопросы Антропологии/ - 1960. – Вып. 8. (Соавт. Рогинский Я.Я.).
2. Опыт антропологического изучения интенсивности окислительных процессов (по данным оксигеметрии). Автореф. дис. ... канд. биол. Наук. Москва, 1967.
3. Уровень окислительных процессов в связи с тотальными размерами и основными соматическими компонентами тела // Сб. «Морфо-физиологические исследования в антропологии». – М.: Изд. МГУ. – 1970.
4. Размеры тела и некоторые физиологические особенности пяти эндогамных групп хиндиязычного населения Союзной территории Дели // Вопр. антропол. – 1974. – Вып 46.
5. On the degree of connection between morphological and functional characteristics in a group of adult population (in relation to the study of man's constitution). – VII ICAES, Moscow, August 1964.
6. Антропологические аспекты медико-географического районирования (по материалам исследования Баргузинской котловины) /Тр. Третьего научн. совещ. по проблемам мед. географии. Ч.1. – Ленинград. – 1968. (Соавт. Алексеева Т.И., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Щекочихина Л.К.).
7. Антропологические исследования в Забайкалье в связи с проблемой адаптации у человека (морфология, физиология и популяционная генетика). Ч.1 // Вопр. антропол. – 1970. – Вып 36. (Соавт. Алексеева Т.И., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Спицын В.А., Щекочихина Л.К.).

8. Антропологические исследования в Забайкалье в связи с проблемой адаптации у человека (морфология, физиологии и популяционная генетика). Ч. II // Вопр. антропол. – 1971. – Вып. 37. (Соавт. Алексеева Т.И., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Спицын В.А., Щекочихина Л.К.).
9. Антропологическое изучение лесных ненцев. Ч. 1 и 2 // Вопр. антропологии. – 1972 – Вып. 41, 42. (Соавт. Алексеева Т.И., Голубчикова З.А. и др.).
10. Саамы. Морфофункциональный очерк // Вопр. антропол. – 1973. – Вып. 43. (Соавт. Алексеева Т.И., Голубчикова З.А., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Щекочихина Л.К.).
11. Морфофизиологические исследования населения аридной зоны. Туркмены. Часть I. Текинцы Ахала // Вопр. антропол. – 1975. – Вып. 50. (Соавт. Гудкова Л.К., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Шагурина Т.П.).
12. Морфофизиологические исследования населения аридной зоны. Туркмены. Часть II. Йомуты Казанджикского района // Вопр. антропол. – 1977. – Вып. 55. (Соавт. Гудкова Л.К., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Шагурина Т.П.).
13. О соотношении расовых и морфофизиологических признаков // Вопр. антропол. – 1976. – Вып. 52. (Соавт. Абдушлишвили М. Г.).
14. Морфофизиологические исследования населения аридной зоны. Туркмены. Часть III. Каракалпаки Западного Прикызылкумья // Вопр. антропол. – 1977. – Вып. 57.
15. Physiological Anthropology of Populations of the Arid Zone // X-th Int. Conf. of Anthropol. and Ethnol. Scien. – 1978. Abstr. Vol.2. – P.50. (co-authors: Smirnova N.S., Goodkova L.K., Shagurina T.P., Pavlovsky O.M.).
16. Морфофизиологические особенности населения аридной зоны (по матер. экспедиций 1973-75 гг.) // Тез. докл. на сессии, посвящ. итогам полевых этнограф. и антропол. исследований в 1974-1975 гг. – Душанбе. – 1976. (Соавт. Гудкова Л.К., Павловский О.М., Смирнова Н.С., Шагурина Т.П.).
17. Выделение морфологических типов методом категориальных вычислений // Вопр. антропол. – 1979 – Вып. 62. (Соавт. Абдушлишвили М.Г.).
18. Определение уровня окислительных процессов методом оксигеметрии / Сб. «Методика морфофизиологических исследований в антропологии». – М., Изд-во МГУ. – 1981.
19. Связи и комплексы в системах морфофизиологических признаков // Вопр. антропол. – 1981. – Вып. 68.
20. Сравнительный анализ изменчивости оксигемодинамических показателей у мужчин и женщин // «Изменчивость морфологических и физиологических признаков у мужчин и женщин». – М.: Изд-во Наука. – 1982.

Обзор публикаций в журнале «Вестник Московского университета. Серия XIII. Антропология» за 2018 год

Пермякова Е.Ю.

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва, Россия

В работе дан обзор публикаций в журнале «Вестник Московского университета. Серия XIII. Антропология» за 2018 год. Согласно редакционной политике статьи в журнале группируются в два блока: «Антропология (физиология по биологическим наукам)», «Исторические науки и археология». Автор группирует работы внутри каждого блока по более узким темам. Так, в блоке «Антропология (физиология по биологическим наукам)» выделяются следующие направления: морфология детей, подростков и студентов различных регионов, а также связь морфологических показателей со средовыми, социально-экономическими и психологическими факторами; морфология взрослого населения; полиморфизм генетических факторов, их связь с морфологическими и др. характеристиками у детей и взрослых, оценка структуры генофонда, сравнительный антропогенетический анализ процессов воспроизводства; морфологические исследования по скульптурным и живописным изображениям; морфологии детского и взрослого древнего населения по кранио- и остеометрическим данным. Блок «Исторические науки и археология» включает следующие темы: историография; археология.

Ключевые слова: антропология, морфология человека, палеоантропология, генетика человека, историография, археология

Введение

Согласно концепции современного развития «Вестника Московского университета» и для включения в базы данных Scopus и WoS, «Вестник Московского университета. Серия XIII. Антропология» был приведен в соответствие с перечнем требований, разработанных на основе предписаний, изложенных экспертами названных международных баз. Эти требования касаются англоязычной части материалов журнала (то есть части, доступной англоязычным экспертам и затем — иностранному читателю), а именно англоязычной версии веб-сайта журнала, англоязычных блоков текста, а также ряда конъюнктурных особенностей журнала, подлежащих оптимизации. С учетом новой редакционной политики в 2018 году было опубликовано 4 номера журнала, статьи в которых были сгруппированы в

следующие блоки: «Антропология (физиология по биологическим наукам)», «Исторические науки и археология».

В работе проведено обобщение изложенного материала, позволяющее подвести итоги работы за 2018 год как редакционной коллегии «Вестника Московского университета. Серия XIII. Антропология», так и непосредственно авторов статей.

Результаты

1. Антропология (физиология по биологическим наукам)

Опубликованные в данном разделе статьи по смысловой нагрузке можно разделить на несколько групп.

1.1. Первая связана с исследованиями корреляции морфо-функциональных показателей детей, подростков и студентов различных регионов со средовыми, социально-экономическими и психологическими факторами.

Проведен анализ морфологических характеристик грудных детей 12-месячного возраста и детей раннего возраста 2-х и 3-х лет городов и сельских местностей России (40 выборок на каждый возрастной срез), согласно которому не выявлено большого количества корреляций антропометрических показателей с отдельными антропогенными факторами [Горбачева, Федотова, 2018, №1]. Более значительный вклад в вариации габаритных размеров тела детей раннего возраста (длины и массы), по мнению авторов, вносит географический фактор (суммарный уровень солнечной радиации) сравнительно с секулярным [Горбачева, Федотова, 2018, №2].

Задорожной Л.В. описана возрастная динамика тотальных размеров тела русских москвичек школьного возраста, обследованных в 1961-62 гг., графическое отображение которой сходно с «идеальными» дистантными графиками роста и развития, соответствующими изменениям скорости ростового процесса у человека на протяжении ранних этапов онтогенеза. Автор заключает, что, не смотря на тяжелые условия жизни в голодной послевоенной Москве, запаса устойчивости организма человека к воздействиям неблагоприятных условий среды оказалось достаточно, чтобы реализовать соответствующую программу роста и развития [Задорожная, 2018, №3].

Вопрос об использовании в нашей стране национальных стандартов физического развития, позволяющих давать более адекватную оценку происходящих процессов, поставлен Пермяковой Е.Ю. на основе оценки изменений ИМТ современных московских девочек, проведенной на фоне референтных значений ВОЗ. Полученные медианные z-оценок свидетельствуют о разнонаправленном смещении их величин в зависимости от возраста [Пермякова, 2018, №1].

Для абхазских школьников 2005 г. обследования установлены меньшие значения тотальных размеров тела относительно своих сверстников и сверстниц, обследованных в 1980 и 2012 гг., что следует рассматривать как результат воздействия тяжелых условий жизни во время войн и социальных потрясений, особенно отразившихся на детях, переживших эти тяготы в первые годы жизни [Кокоба, Година, Хомякова, 2018, №1].

Для городских белорусских школьников в возрастном интервале от 7 до 17 лет установлено, что возрастная динамика массы тела и толщины кожно-жировых складок обследуемых зависит от конституциональных особенностей их телосложения. В период полового созревания у девочек всех соматотипов происходит увеличение жираотложения, а у мальчиков – его снижение [Мельник, 2018,

№1]. Возрастная динамика широтных и обхватных показателей обследуемых зависит от конституциональных особенностей их телосложения [Саливон, Мельник, 2018, №2], так же как и сроки, и темпы развития вторичных половых признаков у городских девочек [Мельник, 2018, №3].

Для детских групп населения Северо-Запада и Приуралья характерна высокая (согласно критериям ВОЗ) распространенность избыточной массы тела и ожирения. Доля детей с превышением нормативных массо-ростовых показателей нарастает и в городе, и в селе. Резкое ускорение этих изменений относится ко второму десятилетию XXI века [Лир с соавт., 2018, №3].

Ретроспективный анализ данных по динамике длины тела в чувашских детских популяциях показывает неравномерность темпов роста: подтверждено затухание увеличения продольных размеров у чувашей примерно с 80-х годов прошлого века. Но прекращение акселерации развития в сельских популяциях на территории Чувашии в связи со стабилизацией экологической обстановки или по другим причинам, по мнению авторов, не является установленным фактом [Бацевич, Ясина, 2018, №4].

Также показано, что на морфофункциональные показатели развития студентов Тувы оказывают влияние этническая принадлежность, климато-географические и социальные условия проживания. В наиболее экстремальных климатических условиях наблюдается уменьшение продольных размеров тела, особенно мужского населения, и увеличение функциональных резервов кардиореспираторной системы [Красильникова, Будук-оол, 2018, №4].

Рядом авторов независимо друг от друга рассмотрен вклад в формирование морфологических характеристик детей и подростков психофизиологических факторов (включая самооценку), образа жизни, а также рассмотрена связь показателей телосложения и функциональных характеристик сердечно-сосудистой и дыхательной систем организма.

Так, высокие отрицательные коэффициенты регрессии морфологических признаков и показателей самооценки выявляются для девушек из РУДН, что может рассматриваться как свидетельство высокого уровня адаптационного напряжения в сложной социальной ситуации, связанной с необходимостью приспособления к непривычным условиям жизни. В выборке из МГУ обнаружены существенные различия в значимости отдельных частных самооценок. Предложенный в работе подход может рассматриваться в качестве нового перспективного метода комплексного изучения различных в социальном и этническом плане выборок [Бахолдина, Титова, 2018, №1].

Показана относительная независимость внутригрупповой изменчивости показателей трех систем признаков — соматических, психологических, ЭЭГ параметров. Выявлена автономность вариации комплексов показателей внутри каждой из рассматриваемых систем: внутри морфологической системы признаков для продольных скелетных размеров и размеров, связанных с жиротложением; внутри нейрофизиологической системы признаков для показателей мощности и когерентности ЭЭГ, показателей когерентности для разных поддиапазонов альфа ритма ЭЭГ, для лобно-затылочных и теменных отведений. Показана обратная связь показателей личностной тревожности и показателей саморегуляции внутри психологической системы признаков [Федотова, Горбачева, 2018, №3].

Особенности диеты, режима сна и физической активности современных российских школьников, начиная с начальных классов, представляют собой комплекс факторов, оцениваемых большинством современных исследований как факторы риска развития избыточного веса тела [Задорожная, Макеева, Хомякова, 2018, №2].

Исследованы показатели телосложения и функциональные характеристики сердечно-сосудистой и дыхательной систем организма у студентов разных ВУЗов городов Москвы, Самары, Саранска и

Архангельска. Показано, что у московских юношей и девушек по сравнению с молодежью Саранска и Архангельска установлено улучшение показателей функционирования сердечно-сосудистой системы, уровня физического состояния и общей адаптации организма. Наиболее низкие показатели общего функционального состояния организма отмечены для юношей Архангельска, обусловленные, по всей вероятности, более суровыми климатическими условиями Севера и адаптивными сдвигами в сердечно-сосудистой системе [Негашева с соавт., 2018, №3].

Небольшие и немногочисленные связи тотальных признаков дерматоглифики с конституциональными характеристиками иной природы рассмотрены на примере мордовской выборки. Так, количество ладонных трирадиусов больше у крупных юношей с развитыми скелетно-мышечной и жировой компонентами телосложения. Повышенная узорность пальцев и кистей рук сочетается с более выраженными показателями гнева и агрессивности. Психологические особенности юношей практически не ассоциируются с соматическими и функциональными признаками. Результаты проведенного исследования свидетельствуют об обособленном положении дерматоглифических признаков, отражающих узорную интенсивность кисти, в системе общей конституции человека [Славолюбова, Юдина, Филькин, 2018, №3].

1.2. Вторая группа статей представляет собой работы по морфологии взрослого населения.

В частности, представлен анализ антропометрических параметров и индекса массы тела у женщин Латвии старше 40 лет, который показал, что среднестатистические значения ИМТ во всех группах превышали средний уровень ИМТ (более 25) по стандартам ВОЗ. Полученные результаты представят собой значимые данные для распространения знаний по описанию антропометрических характеристик женщин Латвии [Станкевича с соавт., 2018, №1].

Для мужской выборки из Чувашии зафиксированы неслучайно повышенные значения большинства размерных характеристик лица и головы и подтверждено явление брахикефализации в данной группе. Оценка изменчивости измерительных признаков головы и лица у женщин и изучение межполовой дифференциации из Ядринского районов Чувашии и Аургазинского района Башкирии позволила выявить ряд достоверных различий по признакам лица и головы между двумя рассматриваемыми группами в трех онтогенетических интервалах. Абсолютные значения кефалометрических признаков во всех возрастных категориях у женщин ниже, чем у мужчин, за исключением головного указателя. В целом по кефалометрическим признакам женщины, родившиеся в Чувашии несколько массивнее уроженок Башкирии. Установлено, что продолжающийся процесс брахикефализации в чувашских популяциях затрагивает также и женщин. Межполовые различия по большинству признаков головы и лица в популяции с территории Чувашии превосходят значения для выборки из Башкортостана в зрелых возрастных когортах. [Маурер, 2018, №2, 3].

Рассмотрение долговременных изменений длины тела и ширины таза женщин коренного населения Севера Западной Сибири – северных хантов и сосьвенских манси показало, что длина тела обских угров изменялась неравномерно, наибольший вклад в этот процесс внесло улучшение условий жизни в период индивидуального роста и развития. Авторы заключают, что долговременные изменения соматических характеристик хантов и манси согласуются с гипотезой секулярных трендов как отражения «качества среды обитания» [Козлов с соавт., 2018, №3].

Сравнительные исследования морфологических параметров в группах халха-монголов (Монголия), бедуинов (Синайский п-в) и датога (Северная Танзания) показали, что обследованные выборки

дифференцируются и по морфологическим характеристикам лица и тела в соответствии с биологической адаптацией к локальным климатогеографическим условиям. Объединяющим экологическим фактором для всех групп является выработанный в течение длительного времени традиционный тип хозяйства и его сохранение на момент обследования населения. Сравнительное исследование показало, что халха-монголы и бедуины имеют низкие темпы дифференцировки скелета кисти на этапах роста и развития. Эти группы также отличаются замедленными темпами накопления возрастных изменений костей кисти на этапах старения в популяциях. Найдено, что все три группы характеризуются замедленными темпами роста длины тела и морфофизиологического созревания детей и подростков. Взрослые в выборках халха-монголов и датога интервале 20-60 лет сохраняют близкие к средним значениям для группы тотальные размеры тела, что свидетельствует об отсутствии процессов акселерации (дезадаптивных изменений) в изученных популяциях [Бацевич, Бутовская, Кобылянский, 2018, №3].

Анализ морфологических параметров взрослых тувинцев и алтай-кижи показал высокий уровень полового диморфизма для продольно-поперечных размеров скелета (длине тела, ноги, руки и корпуса, ширине плеч) и обхватных размеров в обследованных группах [Хомякова, Балинова, 2018, №4].

Наличие связи между пальцевым соотношением и признаками остеоартроза и оссеографическими показателями кисти руки – скелетными биомаркерами биологического старения установлено для сельских популяций чувашек, проживающих в многочисленных деревнях республик Чувашии и Башкортостана. Женщины с 3-м типом соотношения длин пальцев демонстрировали достоверно более высокие значения показателей развития остеоартроза, а также более высокие значения оссеографических показателей, в сравнении с женщинами, имеющими 1-й и 2-й типы соотношения [Калихман, Бацевич, Кобылянский, №2].

К этой же группе статей можно отнести работу по оценке комплекса психологических черт и поведенческих особенностей, характерных для мужчин, склонных к риску. Помимо прочего, показана востребованность на конкретной профессиональной группе данного морфо-психологического комплекса в современном обществе. При сравнении с контролем было показано, что мужчины из двух высоко рискованных групп (военные и спортсмены) отличаются большей уравновешенностью и добросовестностью, а также лучше контролируют гнев и враждебность. Вместе с тем, представители этих двух профессиональных групп раньше сверстников начинали половую жизнь, и были ориентированы на поиск нового опыта. Авторы предполагают, что все эти черты характеризуют устойчивый морфо-психологический комплекс, в эволюционном прошлом обеспечивающий успешность мужчин в получении доступа к ценным средовым ресурсам и половым партнерам в меняющихся условиях. В современном индустриальном обществе способность принимать на себя риски продолжает быть выигрышной стратегией [Апалькова, Бронникова, Бутовская, 2018, №4].

1.3. Третья группа работ связана с исследованиями полиморфизма генетических факторов, их связи с морфологическими характеристиками детского и взрослого населения, а также рядом других характеристик. В эту же группу можно отнести работы по оценке структуры генофонда и генетических процессов, протекающих в различных популяциях, и сравнительный антропогенетический анализ процессов воспроизводства.

Так, исследование полиморфизма гена FTO в группах алтайцев, калмыков, монголов и русских позволило выявить статистически неслучайные различия между исследованными моноэтническими выборками. Обследованные популяции в неодинаковой степени подвержены генетически обусловленному риску ожирения. Также в пределах одной этнической группы частоты гена FTO значительно рознятся в зависимости от региона проживания. Для прогноза популяционных рисков, по мнению авторов,

необходимо учитывать не только этническую принадлежность, но и дополнительные факторы [Бондарева с соавт., 2018, №4].

На основе независимых литературных данных и результатов лаборатории Family Tree DNA проанализировано разнообразие Y-ДНК азербайджанцев из отдельных регионов Азербайджана, Ирана и Южного Дагестана. Установлено, что среди рассмотренного материала свыше половины субъектов были носителями гаплогрупп переднеазиатского происхождения – E-M35, G-P15, J-P209 и T-CTS6507. Их наличие удачно вписывается в теорию заселения Закавказья в мезо- и неолитическую эпоху племенами из зоны «Плодородного полумесяца». Восточноевропейские субклады гаплогруппы R и гаплогруппы центральноазиатского происхождения вкуче охватывают свыше трети исследованных и свидетельствуют, скорее всего, о миграциях с восточных и северо-восточных географических плацдармов. Выявлены также гаплогруппы южноазиатского и западноевропейского происхождения, но с довольно низкой частотой встречаемости [Алиев, Ибрагимов, Халилова, 2018, №4].

Результаты исследования соотношения дискретного генетического полиморфизма систем AMY 1, E3, PGM4 и LF с репродуктивной функцией женщин выявили связь с такими акушерскими патологиями, как наличие выкидышей, спонтанных аборт и мертворождений. Впервые показано, что генетический полиморфизм амилазы женского молока достоверно связан с уровнем лактации рожениц [Бычкова с соавт., 2018, №1].

По данным современного фонда фамилий проведено исследование межэтнических контактов коренного тюркоязычного населения Томской области и тюркоязычных сибирских народов Кемеровской области, а также потомков татар-переселенцев из Волго-Уральского региона (источником информации послужили данные книг похозяйственного учета сельского населения). Показана информативность фонда фамилий тюркоязычных народов Западной Сибири как источника данных о структуре их генофонда и генетических процессах, протекающих в популяциях. Показано, что фонд фамилий исследованных сибирских народов хранит историю их контактов, согласуясь с данными этнографов и лингвистов [Ульянова с соавт., 2018, №2].

Результаты сравнительного антропогенетического анализа процессов воспроизводства в популяции Горно-Алтайска показали, что в данной группе выработались специфические адаптивные свойства репродуктивной структуры: она максимально приближена к естественному нерегулируемому характеру процессов воспроизводства, но по вкладу в формирование нового поколения, сопоставима с параметрами воспроизводства простого типа. Наблюдающийся в настоящее время в г. Горно-Алтайске незначительный спад рождаемости на фоне происходящих демографических процессов в РФ, имеет тенденцию усиления с прогнозированием дальнейшего роста естественной убыли населения [Бодрошева, Балинова, Спицына, 2018, №4].

1.4. Четвертая группа статей отражает результаты исследований, использующих описательные морфологические признаки в выборках скульптурных и живописных изображений.

Так, дано морфологическое описание этрусков, которое не совсем подходит классическому средиземноморскому варианту с его грацильностью, о которой часто пишут исследователи при описании физического типа этрусков, и усиливает балкано-кавказские (альпийские) черты в общей характеристике исследованной выборки [Перевозчиков, Шпак, 2018, №1].

Также подтверждена значимость использования в антропологических исследованиях анатомических вотивов, которые представляют собой своеобразный культурно-исторический феномен синкретизма религии, искусства и античного естествознания, позволивший трансформировать знания этрусков,

латинов и греков о биологии человека и медицине в античности через пластическую форму [Шпак, 2018, №3].

1.5. Пятая группа работ посвящена исследованиям морфологии детского и взрослого древнего населения различных регионов с использованием кранио- и остеометрических характеристик.

Литературный обзор публикаций, посвященных исследованию толщины черепа, приведен в статье М.К. Карапетян. Показано, что изменчивость толщины свода черепа напрямую не связана с половой принадлежностью, возрастная изменчивость существует, но не является прямолинейной. На внутривидовом уровне толщина свода черепа практически не связана с тотальными размерами тела и размером черепной коробки, однако эта связь выявляется на межвидовом уровне в пределах отряда приматов [Карапетян, 2018, №2].

Исследованию трепанации черепа из могильника Вербовский I посвящена работа Мамонтова В.И. с соавторами. Операции на черепе женщины из рассмотренного могильника, по мнению авторов, несут ритуально-символическое значение. Это могла быть и подготовительная процедура при мумификации трупа или его бальзамировании, и подготовка трупа к погребению или длительному хранению, и ритуальное разграбление и вредительство с целью «запираания» неудобного покойника и т.д. Аналогичные результаты были найдены в средне и позднесарматских погребениях Нижнего Поволжья, а также в памятниках Западного и Центрального Казахстана V-III вв. до н.э. [Мамонтов, Обраменко, Перева, 2018, №1].

Результаты палеопатологического исследования черепа молодой (около 25 лет) берберской женщины из селения Таберга (Алжир) подтвердило, что рассматриваемый краниум стал объектом посмертных манипуляций целителей племени шауйя, обладавших особыми навыками в совершении трепанаций. Автором предположено, что первая, наиболее обширная трепанация была произведена в попытке излечения больной, которая могла страдать головными болями, конвульсиями и потерей сознания. Все остальные операции носили посмертный характер и стали элементом ритуала, когда народный целитель каждого нового поколения должен был доказать свое умение совершать операции, трепанировав именно этот череп. Описание этого случая может помочь изучению мотивации хирургов при совершении древнейшей операции в истории человечества [Медникова, 2018, №4].

Краниологическая выборка кладбища Сичарог (Рогун-1) охарактеризована с позиций повышения частот целого ряда дискретно-варьирующих признаков по сравнению со среднемировыми данными, что, по мнению авторов, свидетельствует о том, что захоронения могли принадлежать одной или нескольким группам родственников. Результаты межгруппового сопоставления с использованием анализа соответствий продемонстрировали наибольшую близость к изученной серии выборок с территории Кавказа (в частности, осетин) и Памира (горанцы). Последнее может свидетельствовать об участии в сложении «рогунских» таджиков определенных древних ираноязычных племен, например, саков [Куфтерин, Дубова, Наврузбеков, 2018, №1].

Краниологические данные населения, оставившего южный некрополь Печине на территории позднеантичного города Виминаций, приведены в работе Конопелькина Д.С. с соавторами. Материалом для работы краниологические коллекции из погребений *in situ*, которые датированы I-IV вв. н.э. Все виды анализа подтвердили разнородность и многокомпонентность населения, проведенный многомерный статистический анализ позволяет выделить как минимум два краниологических комплекса, которые могут быть связаны со средиземноморским и, возможно, динарским вариантом по терминологии Живко Микича [Конопелькин, Гончарова, Микич, 2018, №2].

В работе Зубовой А.В. с соавторами представлено описание и результаты анализа микрорельефа поверхности фрагмента молочного зуба из позднемезолитического культурного слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе (Россия). На основании анализа повреждений, авторами сделано предположение о том, что диета индивида включала в себя преимущественно животный белок и низкий процент углеводов (помимо прочего, диета включала значительное количество костей) [Зубова с соавт., 2018, №4].

Исследованию, в том числе и одонтологического материала из раскопок классического навеса палеолитической стоянки Ложери-Бас, посвящена работа Медведева С.П. и Бужиловой А.П. Для анализа был использован коренной зуб молодого индивидуума, охарактеризованный как гипотавродонтный. Данный признак чаще встречается у ископаемых форм человека, и в этом случае тавродонтизм, по мнению авторов, рассматривается как архаичный признак. Анализ артефактов из данной коллекции подтвердил их принадлежность мадлену (16-12 тыс. л.н.) [Медведев, Бужилова, 2018, №3].

Для облегчения работы с краниометрическими данными и более полного их использования для реконструкции облика древнего населения конкретных территорий Веселовской Е.В. предложено использование программы «Алгоритм внешности». Сопоставление результатов такой реконструкции с современными популяциями, по мнению автора, вооружит антропологов новыми инструментами для решения вопросов этногенеза, адаптации популяций, эпохальной изменчивости [Веселовская, 2018, №2].

2. Исторические науки и археология

Представленные в данном блоке статьи также можно разбить на 2 группы.

2.1. Историографические работы затрагивают различные аспекты жизни населения разнообразных территорий.

Так, в статье Кобилякова И. В. описаны происхождение и внешние особенности идолов плато Путорана, рассмотрены современные верования долган и эвенков, имеющих связь с древними традициями идолопоклонничества. Автор предполагает, что антропоморфные деревянные скульптуры в данном регионе вероятнее всего создавались, как вместилища душ умерших предков, и имели большое сакральное значение для коренных жителей, населявших исследуемый регион [Кобиляков, 2018, №1].

Верификация собрания полинезийской тапы (ткани из обработанного луба дерева), хранящейся в этнографическом фонде НИИ и Музея антропологии Московского университета, описана в работе Балахоновой Е.И. и Говор Е.В. Комплексный анализ материала позволил авторам сделать вывод о том, что данная тапа была сделана на Гавайских и Маркизских островах в начале XIX века, а сам комплекс материалов – один из самых крупных и ценных в Европе [Балахонова, Говор, 2018, №2].

В статье Пономаревой В.В. рассмотрена история первой русской женской школьной формы — костюма воспитанниц закрытых женских институтов Ведомства учреждений имп. Марии за все время его существования — с 1764 по 1917 г. В таблице, составленной по материалам архивов, показаны существовавшие некоторые отличия в униформе разных институтов (цвет платья, особенности кроя, материал разного качества), в том числе в костюме пепиньерок (дополнительного педагогического класса), отличавшего взрослых девушек от подростков [Пономарева, 2018, №1].

В работе Кандинова М.Н. приведен историографический анализ антропологических находок (две черепные крышки, нижняя челюсть, диафиз частью плечевой кости половозрелых индивидов) из

коллекции А.П. Павлова, позволивших описать морфологические особенности древнейших палеолитических обитателей Поволжья [Кандинов, 2018, №2].

К этому же блоку можно отнести статью Гудковой Л.К., посвященную рассмотрению вклада Т.И. Алексеевой в становление физиологической антропологии как самостоятельной дисциплины. В работе также представлены результаты новых методических и теоретических подходов в данной области, показана роль Т.И. Алексеевой как выдающегося организатора и руководителя. [Гудкова, 2018, №4].

2.2. Археологические работы.

Что касается работ археологической направленности, то за отчетный период представлена статья по типам кремней, из которых изготовлены орудия на позднепалеолитической стоянке Авдеево; показано их сходство с аналогичными изделиями; также рассмотрено сходство кремнёвых орудий стоянки Авдеево и Быки с кремнями из рудопроявления Крепна [Кандинов, 2018, №1].

В другой работе дано первое описание крупных артефактов, найденных на Балканах в многослойном пещерном местонахождении Трлица около г. Плевли в Черногории, идентифицированных авторами как костяные орудия ранних гоминин, «отбойник» и «ретушер». Их сходство с орудиями из нижнего палеолита Африки (Олдувая и Сварткранса) предполагает связи балканских гоминин с африканскими. Состав фауны TRL11–10 и присутствие мигрантов указывает на то, что вселение гоминин на Балканы произошло в середине раннего плейстоцена, вскоре после палеомагнитного эпизода Олдувей [Вислобокова, Агаджанян, Лопатин, 2018, №2].

Анализ 15 комплексов, обнаруженных при археологических раскопках Авдеевского поселения, приведен в работе Колесника А.В., Янюшкиной А.С. На основании обнаруженных артефактов (ранцевые наборы, сложно организованные комплексы на дне ям-хранилищ с заготовками ножей костёнковского типа, статуэткой из бивня мамонта, изделиями из кости), авторами высказывается предположение о сложном семиотическом статусе этого типа археологического источника [Колесник, Янюшкина, 2018, №3].

Анализу женских статуэток, также обнаруженных на стоянке в Авдеево и в других источниках (Хотылёво 2, Павлово I, Гагарино, Костёнки I) посвящена работа Гаврилова К.Н. Статуэтки изображают женщин разного возраста, а также в различных стадиях беременности. Повторяемость поз фигурок, закономерности в размещении различных типов на стоянках восточно-европейского граветта, по мнению автора, дают основания рассматривать эти памятники первобытного искусства в качестве свидетельств ритуальных действий носителей граветтских культурных традиций [Гаврилов, 2018, №4].

Таковы основные итоги работы «Вестника Московского университета. Серия XIII. Антропология» за 2018 год.

Редакция журнала благодарит авторов за интересные статьи и надеется на плодотворное сотрудничество в дальнейшем. Поздравляем всех с наступающим Новым Годом и желаем новых интересных открытий в познании человека!

36-я конференция «Антропология на службе Глобального Здоровья»

Гурбо Т.Л., Полина Н.И.

Институт истории НАНБ, Минск, Республика Беларусь

В г. Дубровник (Хорватия) 16-18 июня 2017 г. состоялась уже 36-я по счету научная конференция, организованная Институтом антропологических исследований (Загреб, Хорватия), Хорватским антропологическим обществом и Научным советом по антропологическим исследованиям Хорватской академии наук и искусств.

Хорватский Институт антропологических исследований вместе с его директором С. Миссони, а также основателем института, академиком-секретарем отделения исторических наук Хорватской АН, доктором наук, профессором П. Руданом, на протяжении последних лет 30 является одним из ведущих центров кооперации антропологических исследований в Европе. В последние годы сотрудники Института организуют международные форумы, получившие признание, как среди европейских, так и мировых исследователей в области антропологии. На состоявшейся конференции были представлены доклады ученых Хорватии, Польши, Италии, Франции, Беларуси, Венгрии и других стран.

Открыла конференцию вводная лекция Павао Рудана «36 лет интеллектуальных вызовов», в которой была прослежена история международных научных конференций, проводимых хорватскими антропологами с 1984 года. На протяжении прошедших десятилетий менялась тематика исследований, расширялся диапазон междисциплинарных связей антропологии, развивались гуманитарные, генетические, медицинские направления изучения человека. В плане дальнейших перспектив развития антропологии П. Рудан отметил важность комплексного аналитического подхода и новых идей, как в естественных, так и в социально-гуманитарных науках.

Среди представленных докладов весомой была ауксологическая часть.

Профессор Е.З. Година (Москва, Россия) рассмотрела последние тенденции секулярных изменений показателей физического развития детского населения в ряде популяций России.

А. Бегич (Тузла, Босния и Герцоговина) представила изменения перцентильных кривых у новорожденных кантона Тузлы с 1997 по 2007 гг. Перцентильные кривые были рассчитаны для длины и массы тела в зависимости от того, на какой неделе беременности ребенок родился; учитывался также пол и порядок рождения (первый, второй ребенок и т. д.). За десятилетие отмечено статистически значимое увеличение массы тела – в 2007 г. по сравнению с 1997 г., что свидетельствует о важности разработанных новых референтных таблиц.

Л. Задорожная (Москва, Россия) проанализировала особенности антропометрии у детей из семей родителей-мигрантов в современных больших городах России. А. Закаи (Будапешт, Венгрия)

рассмотрела гормональный профиль, половое созревание и физическую активность девушек. С. Козел (Варшава, Польша) представил свои данные о влиянии величины брачного радиуса у родителей на сроки созревания их сыновей. Лонгитудинальное исследование показало небольшое, но значимое влияние брачного радиуса на скорость созревания юношей. П. Фехер (Будапешт, Венгрия) изучила ассоциации психосоматического здоровья, физического статуса и факторов образа жизни у детей и подростков в 8–17 лет.

Ведущий научный сотрудник отдела антропологии Института истории НАН Беларуси Н.И. Полина (справа) вместе с почетным президентом конференции проф. П. Руданом (Загреб, Хорватия) и одним из ведущих ауксологов мира проф. Е.З. Годиной (Москва, Россия)

Белорусские исследователи также презентовали доклады по итогам ауксологических исследований в Республике Беларусь. Н.И. Полина проследила динамику структуры распределения соматотипов у полоцких школьников с середины 1980-х по 2010-е гг., которая косвенно отразила негативный характер изменений среды обитания, произошедших в период с 1980-х по 2000-е гг.

Т.Л. Гурбо представила сообщение о состоянии питания школьников Беларуси в 2000-х гг. Отмечено, что достаточно широкий разброс данных о степени встречаемости избыточного веса и ожирения в больших и малых городах Беларуси связан не только с региональной спецификой. Анализ выявил достаточно быстрые изменения в распространенности избыточной массы тела среди детского населения вследствие социально-экономических перемен, изменения характера питания. Особое внимание детям в плане опасности недо- и перекармливания следует уделять в перипубертатном возрасте.

Значительное разнообразие проблем, рассмотренных в ходе конференции в Дубровнике, позволило познакомиться с новыми подходами к изучению разделов антропологии уже ставших традиционными.

Так, данные по индексу массы тела явились предметом исследования Д. Тоневой с соавторами (София, Болгария) в связи с показателями толщины мягких тканей у спринтеров. В рамках спортивной тематики выступил Н. Нешич (Вуковар, Хорватия), который представил результаты сравнения двух различных методов силовых тренировок, их влияния на морфологические характеристики спортсменов.

Хорошо иллюстрированный доклад С. Шустер (Загреб, Хорватия) был посвящен палеопатологической проблематике – с анализом конкретных патологических изменений в позвоночнике населения Ваца (Vác) XVIII века.

Приобретающая все большую актуальность проблема метаболического синдрома (одно из его проявлений – избыточная масса тела) нашла отражение в выступлении М. Чокло (Загреб, Хорватия), а темой пленарной лекции Ф. Григореску (Монпелье, Франция) были компоненты метаболического синдрома у средиземноморских народов, связанные с древними неандертальскими генами, регулирующими липидный катаболизм.

В соответствии с названием 36-й конференции – «Антропология на службе Глобального Здоровья» – значительная доля выступлений была посвящена самым разным аспектам медицины, здравоохранения, проектам, направленным на поддержание / восстановление здоровья.

Знакомство с исследованиями зарубежных коллег было весьма полезным. Состоявшаяся поездка способствовала налаживанию международных контактов, которые важны для организации дальнейших совместных исследований.

Старший научный сотрудник отдела антропологии Института истории НАН Беларуси Т.Л.Гурбо обсуждает вопросы ауксологии вместе с С. Козелом (Варшава, Польша)

IV Молодежная антропологическая конференция «Актуальные проблемы физической антропологии: преемственность и новые подходы» (25–27 апреля 2018 г., Москва)¹

Герасимова М.М.¹, Лейбова Н.А.¹, Южакова А.В.²

¹Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

²Томский государственный университет, Томск, Россия

Настоящее сообщение посвящено анализу докладов, которые прозвучали на ставшей ежегодной IV Молодежной антропологической конференции «Актуальные проблемы физической антропологии: преемственность и новые подходы», и содержит некоторые соображения о путях развития антропологической науки, поскольку именно от них, молодых исследователей, зависит ее будущее.

Ключевые слова: физическая антропология, генетика, конференция

25–27 апреля 2018 г. состоялась очередная IV Молодежная антропологическая конференция «Актуальные проблемы физической антропологии: преемственность и новые подходы». Инициатором проведения конференции является Центр физической антропологии ИЭА РАН, в этот раз – в содружестве с Институтом общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН. Казалось бы, что в этом необычного? Сейчас проходит много молодежных (аспирантских) конференций, в том числе и в нашем Институте этнологии и антропологии РАН. Но Молодежная антропологическая конференция имеет ряд особенностей. Прежде всего – в организационном плане, что нашло отражение в постоянном Координационном совете конференции, куда вошли представители главным образом молодого поколения исследователей почти всех научных центров, занимающихся биологическими аспектами изучения человека, где существенной составляющей является антропология – это Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), Московский государственный университет (МГУ), Институт общей генетики РАН (ИОГен РАН), Центр палеоэтнологических исследований в Москве (ЦПИ), Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) в С.-Петербурге (МАЭ РАН), Казанский федеральный университет (КФУ) в Казани. Именно

¹ Развернутый вариант статьи, содержащий резюме докладов и более подробную их характеристику, опубликован в 4 номере журнала «Вестник антропологии» за 2018 год. Материал можно найти на интернет-странице журнала по ссылке www.antromercury.ru

Координационный совет должен проводить работу по привлечению новых молодых исследователей к участию в работе конференции.

Так сложилось в отечественной физической антропологии, что, не взирая на то, что антропология – это наука о биологических свойствах человеческого организма, об изменчивости и ее законах, некий «промежуточный» характер нашей науки отразился в ее организационном положении: она представлена как в учреждениях биологического и медицинского, так и исторического профиля. Эта раздробленность не способствует сохранению Школы отечественной антропологии, которая когда-то, во времена В.В. Бунака и Г.Ф. Дебеца, Н.Н. Чебоксарова и М.Г. Левина, была признана мировой наукой. К сожалению, в наше время и личные предвзятости имеют место среди старших коллег, поэтому цель конференции – познакомить молодежь друг с другом, возродить профессиональную цеховую общность, старые традиции обмена идеями, обсуждения материалов без глупой боязни, что кто-то тебя не так поймет, кто-то обидится на критику, а кто-то «позаимствует» твои данные. Второе существенное отличие – в формате конференции. Собственно заслушиванию докладов предшествовали лекции ведущих специалистов в различных областях физической антропологии популяционной генетики. Молодым же докладчикам отводилось на доклад 20 минут, затем следовали сразу вопросы и обсуждение. Возможность получить конкретную конструктивную доброжелательную критику и развернутые дискуссии по докладам являются особенностями проводимой нами конференции. И для старших коллег конференция может представлять интерес, поскольку среди молодых специалистов есть неординарные исследователи, высказываются смелые идеи, и в целом выявляется тенденция развития нашей науки. Поэтому задумывалась конференция как площадка, на которой происходит активный обмен мнениями старшего и молодого поколений исследователей. К сожалению, несмотря на личные приглашения число коллег старших поколений было не столь значительно, как мы рассчитывали. Мы надеемся, что на то были серьезные причины, и это не проявление равнодушия к будущему нашей науки. И Оргкомитет конференции выражает свою благодарность тем, кто пришел на конференцию, прослушал все доклады и принял активное участие и в их обсуждении, и в работе Круглого стола.

Программа включала кроме докладов, 5 лекций, посещение мемориального кабинета-музея им. Н.И. Вавилова и круглый стол «Генетика и антропология: как мы слышим друг друга». Были прочитаны следующие лекции: д-р биол. наук, проф. О.П. Балановским (ИОГен РАН) «Нехорошо забытое старое: генетическая реконструкция истории человечества»; д-р биол. наук И.В. Перевозчиковым (НИИ и МА МГУ) «Эволюция представлений о расах человека», канд. ист. наук. И.Г. Ширококовым (МАЭ, Кунсткамера) «Проверка гипотез в антропологии: что мы знаем о значимости статистической значимости?»; канд. биол. наук Н.В. Маркиной (ИОГен РАН) «Что может рассказать древняя ДНК об истории человечества», и две лекции были прочитаны молодыми сотрудниками – М.В. Ольковой (МГНЦ) «Древняя ДНК, ее особенности. Молекулярно-генетические аспекты изучения современного и палеоматериала» и Р.М. Галеевым (ИЭА РАН) «Методы получения и обработки 3D моделей в антропологии: программное обеспечение, возможности и перспективы». Лекции вызвали вопросы и оживленное обсуждение.

Итак, на IV Молодежную конференцию был заявлен 21 доклад, прочитано – 20. География участников была достаточно широкой: Волгоград, Кемерово, Самара, С.-Петербург, большинство – из Москвы (15 докладов), что естественно. Тематика выступлений была самая широкая. Хорошо были представлены доклады по молекулярной генетике: по результатам исследований полиморфизма Y-хромосомы у различных этнических групп (тверских карел, азербайджанцев и убыхов), по ее связям с фамилиями и о методах широкогеномного анализа на примере данных по Северной Евразии. Два доклада были посвящены вопросам этнической антропологии (расовой соматологии населения Чили и дерматоглифики чувашей). К сожалению, эта интересная и традиционная существенная составляющая физической антропологии, весьма трудоемкая и требующая умения контактировать с изучаемым населением, среди молодых исследователей почти не находит последователей. К счастью, современные

возможности фотофиксации в какой-то мере восполняют эту брешь, чему и был посвящен методический доклад по материалам Амурской экспедиции.

На основе изучения конкретного краниологического и остеологического материала (4 доклада) ставились и решались (во всяком случае, обсуждались) вопросы поиска новых группопаразграничительных признаков на черепе и посткраниальном скелете и о разрешительных возможностях палеодемографических методов. Палеоантропологии населения бронзового века, средневековья и близкого к современности времени были посвящены 3 доклада. В двух докладах рассматривались особенности питания и их связи с соматотипом.

Почти все доклады отличались профессионализмом, за исключением 3-4-х: жаль, что научные руководители этих докладчиков не присутствовали в зале. По сравнению с прошлогодней конференцией, нынешняя более многочисленна. Кроме того, из 20 участников 9 человек принимали участие в ее работе и в прошлом году, показав значительный спектр своих интересов и возможностей.

Очень интересно и насыщено прошел Круглый стол. Проф. Е.В. Балановская сделала красочную презентацию о проблемах взаимопонимания антропологов и молекулярных генетиков. Молодежь принимала очень активное участие в обсуждении вопросов взаимодействия антропологов-морфологов и молекулярных генетиков. В итоге, невзирая на обоюдное желание сотрудничать, конкретных предложений и способов этого взаимодействия не поступало. Мы говорим на разных языках, и дело не только в терминологии, как полагает О.П. Балановский, а в концептуальных различиях, организационных возможностях и различной временной затратности сбора материала. Однако, эта тема требует серьезного отдельного рассмотрения.

К сожалению, придется отметить, что классические антропологические исследования современного населения нашей огромной страны, с ее многочисленным и разнообразным этническим и расовым составом, практически сходят на нет. Безусловно, для этого – масса причин, объективных и субъективных. На этом пустынном поле отрадно выглядят результаты исследований по расовой соматологии населения Чили, Амурских эвенков и дерматоглифике чувашей. Удивляет отсутствие одонтологических работ (исключение – доклад Харламовой Н.В.) – этого прекрасно себя зарекомендовавшего направления, к которому все чаще прибегают в комплексных палеоантропологических исследованиях. К тому же, именно одонтологические признаки, являющиеся в большинстве случаев фенами, помогают перекинуть мостик между морфологией и популяционной генетикой. В этом плане весьма перспективен поиск, как мы уже отмечали, дискретно варьирующих признаков (ДВП) на посткраниальном скелете.

С прискорбием должны отметить низкий уровень многих палеоантропологических работ. В настоящее время, в связи с широко развернувшимися археологическими работами в зоне новостроек, большие массивы палеоантропологического материала стали доступны для исследователей; между тем, на нашей конференции работы такого плана были единичны и беспомощны. Среди них выделяется междисциплинарным подходом к изучению одной серии (археология, краниология, одонтология, микроэлементный анализ) доклад группы исследователей из двух крупных научных центров Москвы: ИЭА РАН и ИА РАН. Удивляет также отсутствие докладов по биоархеологической тематике. Учитывая тесную связь палеогенетики с археологией и лингвистикой, совершенно непонятно отсутствие подобных докладов на конференции, посвященной «смычке» генетики и антропологии. Следует отметить также незначительную представленность докладов по возрастной, конституциональной и спортивной антропологии. Между тем, мы рады видеть среди участников исследователей по возрастной и конституциональной морфологии, которые довольно успешно выступают на различных конференциях, в частности – в Минске. Хочется отметить, что молодые исследователи из ИОГен РАН и МГНЦ как всегда выступили успешно, их исследования отличаются аргументированностью выводов, их презентации – наглядностью, но хотелось бы сопоставления представленных результатов исследований с уже вошедшими в научный обиход гипотезами расо- и этногенеза изучаемых народов. Это замечание имеет

непосредственное отношение к теме Круглого стола, на котором бурно обсуждалось как мы (генетики и антропологи) слышим и понимаем друг друга. Безусловно, должна существовать и обратная связь. Исследователи старших поколений, занимающиеся проблемами локальных расо- и этногенезов, охотно прибегают к данным молекулярной генетики для подтверждения своих гипотез, среди молодого поколения нами такая тенденция не наблюдается. Отражает ли программа конференции тенденции интересов молодого поколения? Вряд ли. До сих пор существуют межведомственные барьеры, влияющие на научные и личностные взаимоотношения. К сожалению, невозможность оплатить проезд и проживание участникам конференции снижает представительность различных антропологических центров. Отсутствует заинтересованность коллег старших поколений в представлении своих младших коллег (которые часто в силу неуверенности и скромности боятся о себе заявить) антропологическому сообществу. Опять-таки должны отметить формальное отношение (равнодушие, безразличие?) кураторов и руководителей некоторых докладов, представленных молодыми и неопытными людьми. Из-за чего последние испытали несколько неприятных минут.

Мы очень надеемся, что эти моменты будут каким-то образом преодолены, и ждем молодых исследователей на очередную, уже пятую ежегодную конференцию молодых ученых в конце марта 2019 года. Уверены, что будет интересно и полезно.

Нам кажется, что конференция удалась. Было интересно. Мы научились, если не понимать друг друга, то хотя бы слушать и слышать. Это первый опыт подобного научного общения. Оргкомитет, в том числе авторы настоящего сообщения, выражают благодарность сотрудникам Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН за предоставление площадки для проведения конференции и помощь в организации, молодым участникам этого мероприятия и коллегам старшего поколения, принявшим активное участие в работе Конференции и Круглого стола.

XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» – 2018

Синёва И.М.

МГУ имени М.В. Ломоносова, Биологический факультет, Москва, Россия

11 апреля 2018 года в Музейном зале НИИ и Музея антропологии МГУ состоялось заседание подсеции «Антропология» секции «Биология» Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» – 2018. Для молодежного форума «Ломоносов» 2018 год стал юбилейным – ему исполнилось 25 лет. В секции «Биология» «Антропология» выделилась в самостоятельную подсецию в 2012 году, за время её существования в работе подсеции приняли участие десятки молодых докладчиков из различных вузов и научно-исследовательских институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Краснодара и других городов России и ближнего зарубежья. С 2015 года председателем подсеции «Антропология» является к.б.н., ассистент кафедры антропологии биологического факультета МГУ, Ирина Михайловна Синёва.

В 2018 году на подсецию «Антропология» было подано 8 заявок, в работе подсеции приняли участие 5 докладчиков, представившие результаты исследований на следующие темы:

1. Соотносительная изменчивость признаков мозгового и лицевого отделов черепа человека – Федорчук Ольга Алексеевна (студент магистратуры, Биологический факультет МГУ, кафедра антропологии, Москва, Россия).
2. Антропологическое изучение населения Чили: этнологические и прикладные аспекты – Кастро Степанова Александра Андреа (студент магистратуры, Биологический факультет МГУ, кафедра антропологии, Москва, Россия).
3. Комплексный подход к изучению когнитивных функций мозга у студенческой молодежи – Талипова Аделия Ериковна (аспирант, Биологический факультет МГУ, кафедра антропологии, Москва, Россия).
4. Взаимосвязь показателей основного и удельного обмена с физической активностью современных подростков – Пермьякова Екатерина Юрьевна (к.б.н., научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ, Москва, Россия).
5. Изменение основных показателей физического развития московской студенческой молодежи за 2000-2017 гг. – Синёва Ирина Михайловна (к.б.н., ассистент кафедры антропологии биологического факультета МГУ, Москва, Россия).

Качество выступления и научную значимость исследования оценивало компетентное жюри, в работе которого приняли участие ведущие специалисты-антропологи из НИИ и Музея антропологии и кафедры антропологии МГУ: Воронцова Елена Леонидовна (к.б.н., заместитель директора НИИ и Музея антропологии МГУ), Година Елена Зиновьевна (д.б.н., ведущий научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ), Бахолдина Варвара Юрьевна (д.б.н., профессор кафедры антропологии МГУ), Перевозчиков Илья Васильевич (д.б.н., главный научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ), Федотова Татьяна Константиновна (д.б.н., ведущий научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ). По результатам голосования членов жюри первое место среди работ студентов и аспирантов получил доклад Кастро Степановой Александры Андреа, которая повторно выступила со своим докладом на общем заседании секции «Биология».

Результаты исследований, доложенные на заседаниях различных подсекций секции «Биология», были опубликованы в электронном сборнике материалов конференции «Ломоносов»-2018 https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/index.htm.

Международная научно-практическая конференция «Антропология семьи: исторические, социально-экономические и биологические аспекты исследований»

Полина Н.И., Яновская В.В., Соловьянов А.П.

Институт истории НАНБ, Минск, Республика Беларусь

Уже много лет силами сотрудников отдела антропологии Института истории НАН Беларуси в конце июня проводятся Международные научно-практические конференции. Эти мероприятия собирают большое число специалистов-антропологов, а также представителей других научных направлений, так или иначе изучающих проблемы человека. Тематика конференций меняется, каждый год на повестку дня выдвигается новая проблема, что позволяет обсудить наиболее актуальные вопросы развития антропологической науки.

В настоящее время в центре внимания белорусских антропологов находится тема «Эволюция социально-демографических аспектов белорусской семьи (вторая половина XIX – начало XXI вв.)», поддержанная Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований. Кроме того, 2017 г. был объявлен в СНГ Годом семьи, в связи с чем возникла идея проведения конференции, посвященной этой теме. Данное предложение было поддержано директором Института истории НАН Беларуси Вячеславом Викторовичем Даниловичем. Была оформлена и подана заявка в Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ. Исполнительный директор МФГС Анатолий Геннадьевич Иксанов одобрил предложение института, и конференции была оказана материальная поддержка. В результате 26–30 июня 2017 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Антропология семьи: исторические, социально-экономические и биологические аспекты исследований».

На двух заседаниях секции «Социально-экономический статус семьи и физическое развитие детского населения» антропологи заслушали и обсудили выступления участников, отражающие результаты традиционных, классических по тематике исследований, а также итоги междисциплинарных поисков решения проблем, касающихся человека, его биологической и культурной составляющих.

Вопросам истории антропологической науки посвятили свои доклады московские гости конференции С.Г. Комаров (Некоторые теоретические аспекты отечественного расоведения 20-х – 30-х гг. XX в.) и М.М. Герасимова (Б.А. Никитюк – медик, антрополог и организатор науки). Примерами классических антропологических исследований служат сообщения Т. Павлицы и В. Божич-Крстич (Evaluation of head and face shape in Vojvodina (Serbia) population), Е.М. Селивановой (Неисследованные популяции Юго-

Восточной Азии: морфология минахасцев и сангирцев); Н.И. Полиной и Н.Г.Аринчиной (Возрастная динамика результатов теста цветowych выборов у минских школьников), Т.А. Чепендюк и В.Р. Окушко (Формирование зубов в условиях доместикиации).

Изучению кожного рельефа были посвящены выступления московских антропологов (Юдина А.М., Славолубова И.А. Пальцевая дерматоглифика народов Волго-Камья; Филькин И.А., Славолубова И.А. Билатеральные вариации кожных узоров стоп у русских и мокшан с разными видами моторной асимметрии ног) а также сообщение профессора из Израиля Е.Д. Кобылянского (2D:4D finger length ratio and reproductive indices in a Chuvashian population).

В докладе И.В. Перевозчикова с соавт. были представлены 10-летние наработки в области изучения художественного портрета как антропологического источника знаний о древних народах. По материалам изучения вотивных и погребальных изображений подготовлено сообщение Л.Ю. Шпак, посвященное антропологическому описанию этрусков.

Директор Института истории НАН Беларуси В.В. Данилович выступает с приветствием на открытии конференции

На Пленарном заседании. Выступает старший научный сотрудник Института истории АН Республики Узбекистан Р.Р. Назаров. Модератор – О.В. Марфина, заведующий отделом антропологии Института истории НАН Беларуси

Прозвучали итоги изучения физического развития современных детей и подростков, исследованных в России и Беларуси (Бодиско О.Д. с соавт. Новые данные о физическом развитии детей и подростков Подмосквья (г. Электросталь); Боом Ю.В. Перспективы изучения физического развития детей раннего возраста (на примере г. Барановичи)). Отдельной темой обсуждалось влияние наличия сколиоза на развитие подрастающего поколения, на отношения в семье (Герасевич А.Н. Биосоциальные факторы и возрастные особенности морфофункционального состояния организма учащихся с нарушениями осанки и сколиозом; Ванда Е.С. Педагогическая культура родителей, важный аспект при семейной форме сколиоза).

В ряде сообщений показаны особенности гормонального статуса в связи с возрастом, с конституциональными характеристиками (Федина Р.Г., Филиппова С.Н. Особенности гормональная регуляция репродуктивных функций у женщин различных возрастных когорт; Синева И.М., Негашева М.А. Некоторые гормональные показатели у девушек с различными типами телосложения; Саливон И.И. Изменения сроков полового созревания белорусок на протяжении XX столетия и конституциональные особенности их репродуктивного периода).

Проблемы питания, здорового образа жизни и их влияние на поведенческие аспекты жизнедеятельности молодежи, семьи обсуждены в докладах С.Н. Филипповой и Р.Г. Феединой (Интегральное антропологическое исследование кризиса семьи в РФ: нейрофизиологические и социально-психологические детерминанты семейного поведения супругов и молодежи юношеского возраста), К.Н. Благовой (Антропологические особенности современной молодежи и связь с питанием и образом жизни (на примере студентов МГУ)), И.И. Кедровой и Е.В. Федоренко (Некоторые аспекты продвижения здорового питания как фактора укрепления здоровья населения и обеспечения демографической безопасности страны).

Важными итогами исследований в области спортивной антропологии поделились специалисты из Польши и Беларуси (Родзевич-Грун И. с соавт. Comparison of body structure of women exercising various sports disciplines; Грбовикова И.Ю., Соловьёва Н.Г. Ассоциации морфофункциональных показателей спортсменов-единоборцев с полиморфными генетическими системами; Давыдов В.Ю. с соавт. Тотальные размеры тела высококвалифицированных гребцов на байдарках и каноэ в одиночках и двойках, выступающих на различных дистанциях; Давыдов В.Ю., Манкевич А.Н. Возрастные закономерности развития основных систем организма юных спортсменов, занимающихся плаванием; Каспарова Е.Н., Скриган Г.В. Исследование агрессивности у спортсменов-единоборцев и ее сопряженность с показателями маскулинности). К этим работам примыкает сообщение В.И. Нарбутавичюса с соавт., в котором представлено обоснование использования математического алгоритма для определения типа физических нагрузок, имеющих различное корректирующее влияние на компоненты телосложения в юношеском возрасте.

Доклады, прозвучавшие на заседаниях секции «Социально-экономический статус семьи и физическое развитие детского населения» вызвали живой интерес и дискуссию, в ходе которой обсуждались и уточнялись возникшие вопросы.

В последние годы в рамках конференций антропологов силами сотрудников отдела антропологии Института истории НАН Беларуси и кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ организуется круглый стол «Современная антропология». Студенты и их руководители, участвующие в работе филиала указанной кафедры, созданного на базе Института истории, выступили с докладами по проблемам семьи, по актуальным направлениям междисциплинарных исследований.

Кроме проведения круглого стола, конференция 2017 года была отмечена организацией двухдневного методического семинара «Классические антропологические методики в условиях современности». Необходимость его была обусловлена потребностью в коннекции измерительных программ. Проводили семинар антропологи из Москвы М.М. Герасимова (ведущий научный сотрудник центра физической антропологии Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) и Д.В. Пежемский (старший научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии имени Д.Н. Анучина Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова).

Теоретическая часть включала ознакомление участников с современными подходами к рассмотрению различных аспектов палеоантропологии. Практическая часть семинара позволила рассмотреть эти вопросы в связи с важностью точности и согласованности при осуществлении краниометрии разными исследователями. В рамках семинара обсуждались также особенности измерений детских черепов.

Впервые в традицию проведения ежегодных антропологических конференций в Минске было внесено изменение, вызванное, во-первых, многогранностью заявленной тематики, во-вторых, все возрастающей ролью антропологии в социуме, возникновением под ее влиянием новых направлений наук, таких как история ментальностей, историческая антропология, микроистория и др. Все эти направления, тем более в связи с проблемами семейных отношений, вызывают большой интерес у историков, этнографов, социологов, юристов, представителей других гуманитарных наук. Поэтому было решено включить в исследовательское поле конференции не только «чисто антропологическую» тематику, но и привлечь гуманитариев. Так родилась секция под названием «Историко-этнографические и демографические аспекты исследования семьи». Форум собрал около 50 ученых-гуманитариев из Беларуси, России, Украины, Армении, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Молдовы. Тематика докладов была направлена на научное осмысление трансформации исторических, социально-экономических, правовых, демографических аспектов семьи в разные хронологические отрезки времени как в странах СНГ, так и за его пределами.

Исходя из тематики заявленных докладов, секция была разделена на две части (подсекции). Первая подсекция «Теоретико-методологические проблемы изучения социально-демографических аспектов в антропологических исследованиях» включала доклады, тяготеющие к общетеоретическому осмыслению той или иной проблемы. Ко второй – «Историко-демографические исследования семейно-брачных отношений: проблемы и перспективы исследования» – были отнесены информационно насыщенные выступления.

Непривычный состав аудитории первоначально вызывал у докладчиков замешательство: поймёт ли его такой разносторонний и вместе с тем подготовленный в научном плане по иному профилю слушатель? Однако в итоге оказалось, что все друга не только поняли, но и расширили своё представление и дополнили свои знания в этой общей, но весьма многогранной проблеме. На рассмотрение участников конференции были представлены различные аспекты исследования семьи, показана степень решения и перспективы исследования этой проблемы. Тематически выступления можно сгруппировать по следующим важнейшим научным направлениям: а) доклады, посвященные историко-этнографическим и демографическим аспектам (Вавренюк И.И. Историко-этнографические и демографические аспекты исследования еврейской семьи Западной Беларуси (1921–1939 гг.); Шабельцев С.В. Создание семьи белорусскими эмигрантами в Аргентине; Яновский О.А. Семья и дети в профессиональном поле первого поколения белорусских ученых (1920–1930-е гг.); б) конфессиональным (Анофранка Н.В. Шлюбныя адносіны ў хрысціянскіх канфесіях першай паловы XIX ст., Гурбо Т.Л. Брачное поведение прихожан Ганутского православного прихода Святыянского уезда Виленской губернии во второй половине XIX – начале XX в.); в) медицинским аспектам исторической семьи (Филатова Е.Н. «Труды общества врачей» о состоянии здоровья населения белорусско-литовских губерний Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.). Важное место заняли доклады, посвященные семейному воспитанию и проблемам детства (Ершова О.И. Социальные проблемы детства на территории белорусских губерний Российской империи в пореформенный период; Новик Н.Е. Семья и школа: опыт взаимодействия (на примере профессиональных учебных заведений Беларуси второй половины XIX–начала XX в.); Ракова Л.В. Традиции воспитания детей в современной белорусской семье). Блок докладов, представленный нашими гостями, был посвящён различным аспектам исследования семейных династий (Атыгаев Н.А. Семейно-родственные связи казахских Чингизидов с правящими элитами тюркских народов (XVI–XVII вв.), Додхудоева Л.Н. Семейные династии ремесленников Таджикистана в контексте модернизации и сохранения традиционных ценностей; Кафар-заде Л.Р. Вопросы этнолингвистического происхождения азербайджанской династии Сефевидов в англоязычной историографии). Процесс трансформации институтов «материнства» и «отцовства» в условиях советской и постсоветской Беларуси рассмотрела

И.Р. Чикалова. Интерес и значимость представленных результатов усиливались тем, что большинство из выступлений базировалось на квалифицированным анализе многочисленных документальных первоисточников и научной литературы.

При подведении итогов конференции участниками и организаторами было решено объединить все эти доклады под одной обложкой виде единого сборника научных статей. Во-первых, было отмечено, что все доклады содержат определенную новизну в постановке вопросов и их решении (информационную, методологическую) и, по мнению организаторов конференции, достойны для опубликования в виде научной статьи. Во-вторых, это необходимо для того, чтобы не потерялось то всестороннее

рассмотрение проблемы представителями естественных и гуманитарных наук, и не был утерян принцип историзма. Ибо присутствовал этот принцип не только в исторических докладах, но и в докладах других специалистов. На сегодняшний день такой сборник подготовлен для опубликования. В нём представлены доклады, доработанные и углубленные с учетом обсуждений и советов, которые были высказаны в ходе выступлений и подготовки сборника к печати.

Участники и гости конференции

Международная научно-практическая конференция «Антропология семьи: исторические, социально-экономические и биологические аспекты исследований» приняла большое число иностранных и белорусских исследователей. Для проведения форума потребовались большие усилия и согласованная работа как организаторов – сотрудников Института истории НАН Беларуси, так и привлеченных структур. В этой связи, прежде всего, хотелось бы отметить самоотверженный труд сотрудников отдела антропологии. Ольга Владимировна Марфина, Инесса Ивановна Саливон, Наталья Ивановна Полина, Татьяна Леонидовна Гурбо, Николай Николаевич Помазанов, Владимир Александрович Шипилло, Владислав Станиславович Крумплевский, Юлия Вячеславовна Боом обеспечили научную и организационную составляющую мероприятия; подготовили программу конференции; встречали, заселяли и сопровождали гостей; готовили залы к проведению пленарного заседания и секций и проделали еще много порой незаметной для участников, но важной работы, которая обеспечила успех конференции. К организации конференции подключился отдел под руководством Валентины Васильевны Яновской, который обеспечил проведение секции «Историко-этнографические и

демографические аспекты исследования семьи». Во время проведения форума была организована выставка изданий по антропологии, которую составила Ольга Владимировна Медведева.

Заместитель директора по общим вопросам Федор Алексеевич Шевко провел важную подготовительную работу к форуму: печать программы конференции, обеспеченность наборами участника, подготовка залов и многие другие организационные вопросы были успешно решены его усилиями. Необходимо отметить кропотливый труд главного бухгалтера Светланы Владимировны Мытник, ведущего бухгалтера Ольги Николаевны Гордеевой и ведущего специалиста Татьяны Игоревны Гарист. Благодаря их настойчивости финансовое обеспечение конференции осуществлялось без задержек. Были оформлены и сданы в установленные сроки все отчетные документы, хотя только инструкция по отчетности составляла 24 страницы.

Провести столь представительную научную конференцию было бы невозможно без поддержки Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ и его сотрудников Анны Игоревны Ложкиной, Дины Сергеевны Лолаевой, Александра Александровича Гончарова и других, которые оформили большое количество документов и всячески содействовали проведению конференции.

Трансфер участников обеспечивала компания Игоря Викторовича Петрусенко. Добросовестная работа водителей позволила доставить участников конференции в срок по месту назначения. Причем участники прибывали на конференцию практически в течение всех суток, начиная с 4 утра и заканчивая 23.30 ночи. Большую помощь оказала компания «Сакуб», сотрудницы которой Людмила Евгеньевна Александрова и Ирина Владимировна Мурзич обеспечили перелет участников конференции исходя из их возможностей. Истинно белорусское гостеприимство к участникам мероприятия проявили работники Президент-отеля.

Благодаря слаженной и добросовестной работе всего коллектива конференция не только прошла успешно, но и стала событием в научной жизни СНГ. Такого масштаба форум позволил исследователям разных стран встретиться, обменяться опытом, посмотреть на достижения и успехи друг друга, а главное, установить контакты и взаимовыгодное сотрудничество.

Всероссийская научная конференция «Современные проблемы биологии человека», посвящённая памяти Заслуженного профессора МГУ Е.Н. Хрисанфовой (Москва, 16-17 июня 2018 г.)

Воронцова Е.Л.

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва, Россия

В статье приведён обзор докладов, прозвучавших в рамках работы Всероссийской научной конференции «Современные проблемы биологии человека», посвящённой памяти Заслуженного профессора МГУ Е.Н. Хрисанфовой.

Ключевые слова: антропология, Елена Николаевна Хрисанфова, антропогенез, конституция человека, биологический возраст

Елена Николаевна Хрисанфова (14.05.1927-19.10.2003) была ведущим отечественным специалистом в области антропогенеза, конституциональной и медицинской антропологии, геронтологии, являлась основоположником и организатором нового направления науки – гормональной антропологии, созданного в результате многолетних антрополого-эндокринологических исследований. В 1955 году, после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации, Елена Николаевна начала работать на кафедре антропологии Биологического (тогда ещё Биолого-почвенного) факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, пройдя путь от ассистента кафедры до профессора. В 1993 году ей было присвоено звание Заслуженного профессора МГУ. Памяти Е.Н. Хрисанфовой была посвящена конференция, организованная НИИ и Музеем антропологии совместно с кафедрой антропологии Биологического факультета МГУ.

Конференция прошла 16-17 мая 2018 г. в здании Московского университета на Моховой, где когда-то начинала свой научный и преподавательский путь Елена Николаевна.

Перед началом конференции с приветственным словом к её участникам обратились директор НИИ и Музея антропологии доктор исторических наук, академик А.П. Бужилова, главный научный сотрудник

НИИ и Музея антропологии доктор биологических наук И.В. Перевозчиков, ведущий научный сотрудник НИИ и Музея антропологии доктор биологических наук Е.З. Година, Заслуженный профессор Московского университета доктор биологических наук Л.В. Бец.

Основная часть докладов была посвящена различным аспектам конституциональной антропологии.

В первый день работы конференции на утреннем заседании прозвучали 8 докладов. В.Ю. Бахолдина (МГУ, Москва) подчеркнула важность работ Е.Н. Хрисанфовой, касающихся реконструкции морфо-физиологических особенностей разных групп древнего человека и вопросов изучения процессов динамики онтогенеза человека. Доклад Л.К. Гудковой (МГУ, Москва) был посвящён анализу конституциональных различий системы физиологических переменных и оценке на популяционном уровне вклада морфологических и физиологических признаков в конституцию человека. Т.В. Панасюк (РГУФКСМиТ, Москва) с соавтором Е.Н. Комиссаровой (СПбГПМУ, Санкт-Петербург) сообщили о том, что моторика ребенка в первые годы жизни может служить одним из надёжных критериев его биологического возраста. И.В. Перевозчиков (МГУ, Москва) доложил результаты опыта по сравнительному соматотипированию одних и тех же людей с использованием различных схем. В докладе В.А. Бацевича и О.В. Ясиной (МГУ, Москва) сообщалось об использовании скелетного возраста в исследованиях роста и развития детей и подростков в разных экологических условиях. Э.А. Бондарева (МГУ, Москва) сделала сообщение по результатам совместного российско-монгольского исследования об ассоциации T/A-полиморфизма гена FTO с накоплением жира в различных этнических группах. А.И. Козлов (МГУ, Москва) выступил от имени группы исследователей с докладом об изменениях антропометрических характеристик школьников Перми с 1880-х по 2010-е годы. Завершил утреннее заседание доклад Е.Ю. Пермязовой (МГУ, Москва) «Перцентильные стандарты индекса массы тела российских детей (г. Москва и Архангельский регион) на фоне нормативов ВОЗ».

Рис. 1. Е.З. Година ведёт заседание 17 июня 2018 г. (фото А.А. Мухина)

На вечернем заседании было заслушано 9 докладов. Л.В. Задорожная (МГУ, Москва) сообщила о влиянии на дефинитивные показатели веса тела таких факторов, как режим питания, сна и физической активности школьников начальных классов (данные по современным российским детям). В докладе И.М. Синёвой (МГУ, Москва) говорилось о связи телосложения с функциональными показателями у студенческой молодежи разных городов России. По результатам обследования современных студентов Донбасса выступили Л.В. Стклянина (ЛГМУ, Луганск, ЛНР), сообщившая о наличии связей соматотипа с социально-бытовыми факторами, и Ю.Н. Панилова (ЛГМУ, Луганск, ЛНР) о физическом потенциале современного студента. Визуализации описательных признаков лица был посвящён доклад А.М. Маурера (МГУ, Москва). Работа выполнена по фотоматериалам Амурской антропологической экспедиции. Два доклада были посвящены возможностям использования произведений искусства для антропологических исследований. Так, Е.Л. Воронцова (МГУ, Москва) рассказала о результатах изучения соматотипов женщин доисторического общества по верхнепалеолитическим статуэткам, Венерам, стоянки Авдеево Курской области, а Л.Ю. Шпак (МГУ, Москва) – о медицинских вотивах античного Средиземноморья в контексте антропологии. Н.А. Ситникова (НГУ, Новосибирск) сообщила о выявленных половых различиях в адаптации печени к голоду и последующему потреблению пищи (на модели мышей линии С57В1). Доклад З.Ю. Панфиловой и Ю.С. Фироновой (РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, ЭКЦ МВД России, Москва) был посвящён сохранности индивидуального запаха человека в зависимости от типа конституции, времени смерти и характера заболеваний.

Рис. 2. На заседании (фото А.А. Мухина)

Утреннее заседание 17 мая началось докладом Л.В. Бец (МГУ, Москва) о конституциональном аспекте изучения гормонального статуса человека. Продолжила тему гормональной антропологии М.В. Добровольская (ИА РАН, Москва) сообщением о методических подходах в изучении гормонального статуса по палеоантропологическим материалам. Д.В. Пежемский (МГУ, Москва) рассказал о новом понятии в морфологии человека – габитусе кости. А.М. Чумакова (МГУ, Москва) сделала доклад по

совместному с сотрудником Тель-Авивского университета Е.Д. Кбылянскому исследованию флуктуирующей асимметрии рентгеноостеометрических признаков костей кисти у мужчин-бедуинов Южного Синая. В.И. Буркова (ИЭА РАН, Москва) доложила о результатах исследования, проведенного группой учёных, о связи пальцевого индекса и личностных различий уровня агрессии, эмпатии и тревожности у российской молодежи. А.И. Козлов (МГУ, Москва) выступил от группы учёных из Москвы и Перми с докладом «Гормональные показатели хронической тревоги и стресса в группах с разным уровнем модернизированности». О результатах международного проекта, посвящённого взаимосвязи тестостерона и кортизола с 2D:4D, агрессивностью и социальным доминированием у молодых мужчин доложила В.В. Ростовцева (ИЭА РАН, Москва; Университет Гронингена, Гронинген, Нидерланды).

Рис. 3. Работа не прекращается и в перерывах (фото А.А. Мухина)

Вечернее заседание 17 мая открыла заседание А.П. Бужилова (МГУ, Москва) докладом «Hyperostosis Frontalis Interna – признак пожилого возраста или индикатор образа жизни?» по результатам работы, выполненной коллективом авторов. Е.Л. Воронцова (МГУ, Москва) представила результаты изучения распределения остеоскопических признаков лопатки приматов в связи с функцией грудной конечности. Доклад А.А. Евтеева (МГУ, Москва) касался вопросов биомеханических отличий черепа тихоокеанских и сибирских монголоидов с точки зрения распределения жевательных нагрузок и силы укуса. Выступление М.Б. Медниковой (ИА РАН, Москва) было посвящено неандертальцам в Чагырской пещере и проблеме разнообразия неандертальцев на Алтае. О своём видении происхождения австралоидной расы сообщил С.В. Дробышевский (МГУ, Москва). Завершили заседания доклады А.Ю. Ретеюма (МГУ, Москва) «Антропология движения: роль гравитации» и Г.Г. Кочемасова (ИГЕМ РАН, Москва) «Тектоноантропология – новое направление на стыке наук».

В конце дня состоялось представление двух стендовых докладов Т.К. Федотовой и А.К. Горбачевой (МГУ, Москва) «Использование параметров ЭЭГ в психосоматических исследованиях» и «О соответствии размеров тела новорожденных и размеров женского таза».

Таким образом, хотя заседания не были жёстко подразделены тематически, представленные на конференции доклады затронули все основные аспекты интересов Елены Николаевны Хрисанфовой: проблемы антропогенеза, конституциональной антропологии, гормонального статуса человека, возрастной антропологии. Тезисы научных докладов конференции опубликованы в 3-м выпуске электронного сборника «Известия Института антропологии МГУ» и доступны по ссылке http://www.antropos.msu.ru/lzvestya/lzvestya_03_Konf_Khrisanfova.pdf

В заключение хочется от лица Оргкомитета поблагодарить всех участников конференции и выразить надежду на дальнейшие встречи на научных форумах, проводимых НИИ и Музеем антропологии МГУ.

Рис. 4. Участники конференции. Москва, 2018 (фото А.А. Мухина)

ИЗВЕСТИЯ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ МГУ [Электронный ресурс] / Е.Л. Воронцова (отв. ред.) и др. М.: НИИ и Музей антропологии, 2018. Вып. 5. Материалы научного семинара «Антропологическая среда – 2018». 119 с.